

ПИОНЕР 3

МАРТ • 1974 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Издательство «Правда»
Москва 1974 г.
© «Пионер». 1974.

50...

Пятьдесят... А много это или мало? Если б речь шла о жизни человека, мы бы, наверное, сказали, что это почтенный возраст, зрелый и даже немножко пожилой.

А чем измерить жизнь журнала? Возраст его как был пионерским, так и остался. Может быть, посчитать количество страниц? И мы в редакции решили прикинуть, сколько же это будет. В журнале восемьдесят страниц (раньше было немного больше, еще раньше немного меньше, но в среднем будем считать восемьдесят). Умножим их на двенадцать (месяцев) и еще на пятьдесят (лет)... Сколько же это получится? Сорок восемь тысяч страниц. Вот это книжища!

И все-таки, если говорить серьезно, дело, конечно, не в количестве страниц, а в том, что на них напечатано было.

В «Пионере» выступала Н. К. Крупская.

Здесь печатали рассказы и повести Гайдар и Кассиль, Фраерман и Паустовский. В «Пионере» печатал свои стихи поэт революции Владимир Маяковский.

Журнал всегда был правофланговым пионерских дел. С ним сверяли свои поступки Павлик Морозов и Кычан Джаныпов, Валя Котик и Леня Голиков.

Во время войны «Пионер» забрасывали с самолетов в тыл врага. Его читали у партизанского костра и в подвале при свете коптилки. Журнал всегда шагал в ногу с жизнью страны. Ребята довоенных лет читали в «Пионере» рассказы о великом плане. Теперь вместе с нашими корреспондентами читатель совершает путешествия по строящейся Сибири, по преображенной пустыне, по неведомому еще космосу.

Журнал «Пионер». Как его делают?
Каким образом он появляется на свет?
А ты рассмотри повнимательнее
юмористические рисунки художника
Евгения Шабельника
на страницах 1, 3, 9, 10—11, 64—65.
Начало — мы рассылаем своих корреспондентов на задание. Куда? Во все уголки страны. Туда, где, на наш взгляд, происходит сейчас самое интересное.

«Пионеру» — пятьдесят! Это большой праздник для тех, кто его читает (или читал) и для тех, кто делает журнал. А читают его не только у нас, но и еще в пятидесяти девяти странах.

Товарищ читатель! Сейчас, когда ты открываешь этот журнал, знай и помни: он останется твоим верным другом до тех пор, пока в сердце твоем горит пионерский огонь.

С днем рождения, „Пионерик!"

Самое трудное — что-нибудь начинать. Первый номер «Пионера» рождался в трудностях. ЦК комсомола решил выпускать журнал в начале 1924 года. Страна тогда только еще поднималась из разрухи после окончания гражданской войны. Все было нелегко. И деньги достать на издание нового журнала и бумагу и найти для него типографию.

Даже с подписчиками было не так просто. Каждому, кто организует десять подписок, редакция обещала одну годовую бесплатно.

Да и материал в номер собирался с трудом. Многие старые детские писатели примолкли, растерялись, не поняв революции, а молодые только еще появлялись.

Работали мы над первым номером, думая о Ленине. Хотелось порадовать Владимира Ильича появлением журнала для красногалстучных ребят, которых он так любил.

Но в январскую стужу не стало великого друга советской детворы. Нет слов, чтобы передать вам всю тяжесть этого горя. Но партия призвала советский народ не впадать в уныние, тесней сплотиться, чтобы продолжать дело Ильича.

Первый номер «Пионера» решено было посвятить Ленину.

Вышел этот номер в свет в марте 1924 года.

Помнится, с какой любовью разглядывали мы только что оттиснутые, пахнущие свежей краской номера журнала, принесенные в редакцию из типографии. Вся наша немногочисленная редакция — редактор Х. Добин, зав. редакцией Николай Петрович Булатов, секретарь Леонид Искров и автор этих строк — собралась у единственного редакционного стола, примостившегося в прихожей редакции журнала «Молодая гвардия». Своей комнаты у нас тогда еще не было.

Журнал родился! Вот он, в наших руках!

Трудностей было еще немало. Порой самых неожиданных и даже смешных. Журнал наш печатался в небольшой, старой типографии на набережной Москвы-реки, напротив Могэса. Она была очень загружена, и журнал набирался, верстался и печатался в сверхурочное время.

Старые наборщики и метранпажи, которым наскучило набирать и печатать разные бланки, сводки, расписания поездов, с удовольствием взялись делать иллюстрированный детский журнал. Но к ночи они уставали. И для борьбы с дремотой требовали, чтобы мы читали им вслух «самые веселые статейки». Они почему-то считали, что детский журнал должен быть юмористическим.

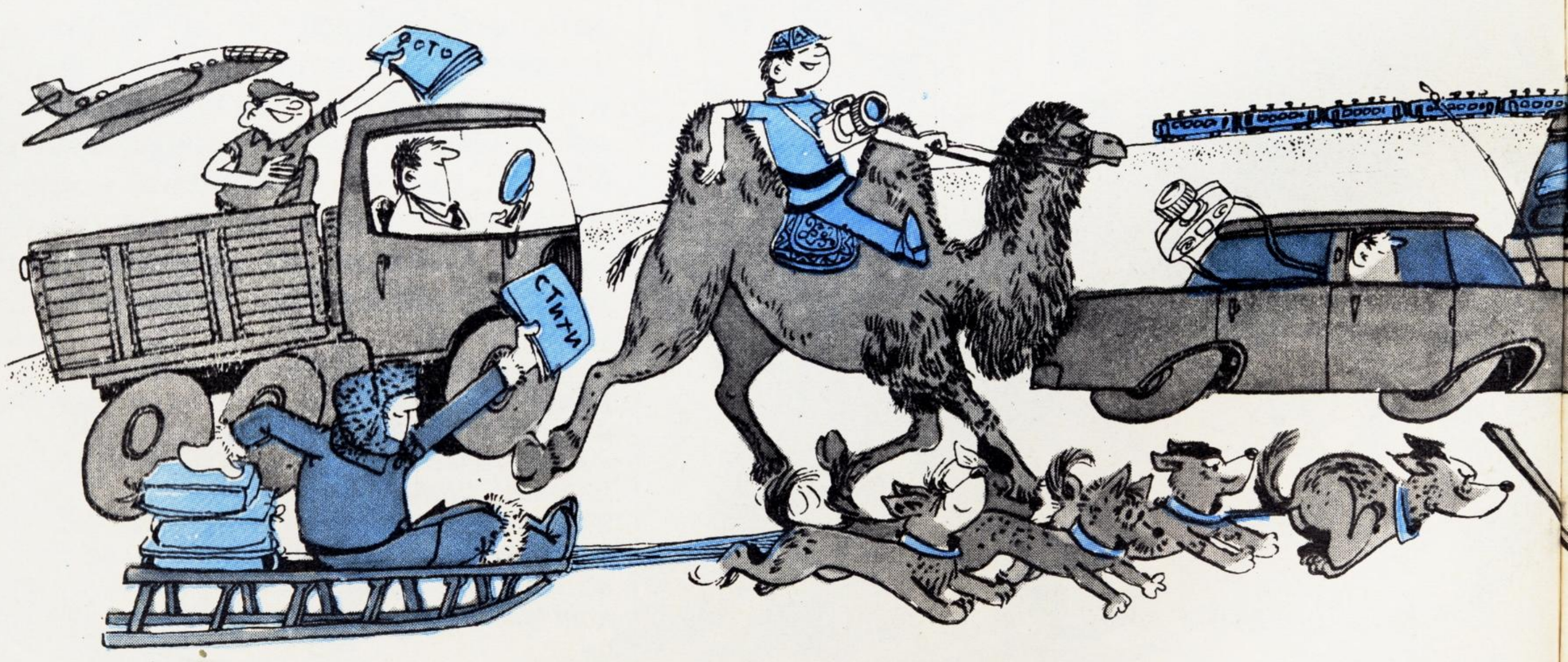
Так и приходилось развлекать наборщиков.

А потом вдруг обнаружилась еще заминка. В смете расходов редакции не были предусмотрены... деньги на молоко! Да, да, на молоко! Оно полагалось типографским рабочим, имеющим дело с вредным свинцом.

К обеду его выдавала в пол-литровых бутылках дирекция типографии. А к ужину? К ужину должны были выдавать мы, потому что рабочие набирали и печатали наш журнал после рабочего дня.

Как быть? Откуда взять средства? Пришлось самой редакции раскошеливаться. Мы поили молоком типографщиков в складчину. Бывало, одалживали и у знакомых, говоря: «Пожертвуйте «Пионеру» на молочишко!» И все думали, будто мы шутим.

И ночные прохожие, конечно, удивлялись, встретив пионеров (ребята из пионерской редколлегии журнала во всем помогали нам),

Настает день, когда наши корреспонденты возвращаются в родной «Пионер». Фотограф везет снимки новой гелиоустановки в пустыне Каракум, поэт спешит прочитать стихи о Чукотке, очеркист мчится с репортажем о лыжных гонках.

бегущих по набережной к типографии с бутылками молока.

Журнал рос и крепчал в окружении добрых друзей, при поддержке всей растущей пионерии.

...Незаметно прошел год. Наступил новый март. Мы уже и забыли в редакционной суете и борьбе с трудностями, в какой день родился «Пионер». И вдруг звонок. Слышится знакомый голос Надежды Константиновны Крупской:

— Поздравляю с днем рождения, «Пионерчик»!

Ой, как мы все обрадовались! Надежда Константиновна очень любила пионеров, заботилась о них, во всем помогала юношескому и пионерскому движению. И в шутку называла себя «пионерской главнянькой». Кому же, как не ей, и было вспомнить день рождения «Пионерчика» — так ласково она называла наш журнал!

Разрешите и мне, ребята, от имени всех членов первой редколлегии, державших на своих руках новорожденного еще в пеленках, поздравить «Пионер» с днем рождения и пожелать: расти больше, шагай шире вместе со своими читателями прямой дорогой в коммунизм, «Пионерчик»!

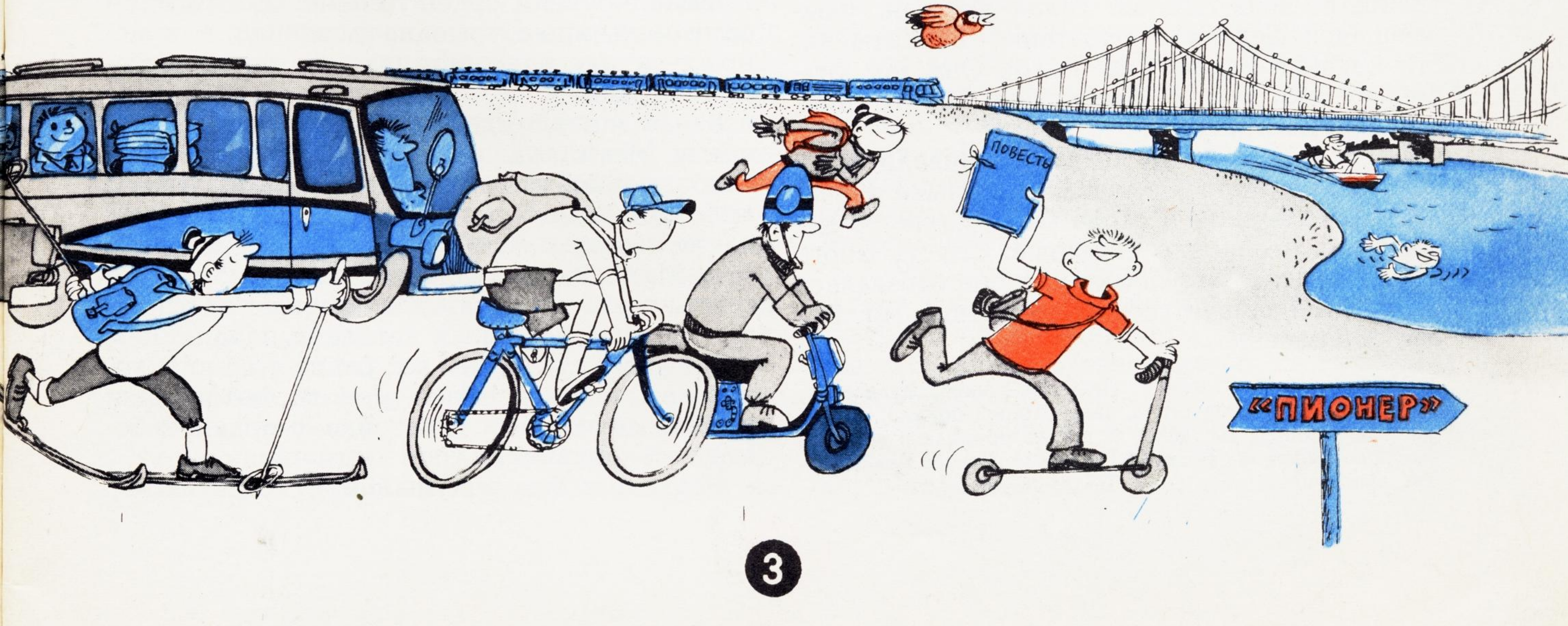
Николай БОГДАНОВ

Горячо поздравляем журнал «Пионер», верный помощник Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, с пятидесятилетием.

Рассказывая на своих страницах о жизни детей, о деятельности пионерских и детских организаций в разных странах, «Пионер» укрепляет дружбу детей во всем мире, усиливает международное детское демократическое движение. Пионерам Страны Советов желаем новых интересных дел!

СИМЕА, Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи, Будапешт

МАМЛАКАТ

1974 год — год пятидесятилетия присвоения комсомолу и пионерской организации имени Ленина.

В комсомольской и пионерской летописи много имен, которыми гордится наша Родина.

Наш рассказ о Мамлакат Нахангговой, пионерке, комсомолке, члене Ленинской партии коммунистов.

«ТЫ, ДУША МОЯ...»

Мне было шесть лет, когда я в первый раз услышал про Мамлакат. Ее портреты печатались во всех газетах. Такая веселая, улыбающаяся девочка. Тюбетейка на затылке, сто косичек падают на плечи. Она так хитренько смотрела с фотографии, будто приглашала поиграть.

Мы в детском саду тогда разучивали звонкую песенку про Мамлакат, в музыке звучали колокольчики, и слова были какие-то необычные, немножко смешные. Спустя много лет я разыскал эту песенку, и она отозвалась во мне переливчатыми колокольчиками. Вот она, эта песенка:

Девочка-таджичка, джан,
Всей стране известна стала,
Добрый хлопок ты дала,
Сделала дешевой ткань,
Ты, душа моя...

Шелковый наряд надела,
Чай зеленый попила,
В школе принялась за дело,
На «отлично» все сдала,
Ты, душа моя...

Мамлакат стала памятью моего детства, детства моих сверстников. Она собрала столько хлопка, сколько до нее никто не собирал. Она, одиннадцатилетняя девочка, рекорд поставила, удивила белый свет своей редкой, поразительной расторопностью, умением работать взахлеб, весело и дерзко. Ей в Кремле вручили орден Ленина. До того ни один мальчишка, ни одна девчонка в красном галстуке не удостаивались такой высокой награды.

В магазинах тогда продавались тюбетейки, как у Мамлакат, расшитые золотом, узорные, с черной шелковой подкладкой. Такую тюбетейку мне привезла из Москвы бабушка, и я ходил в ней гордый и счастливый. Имя Мамлакат звучало для всех нас так же привычно и знакомо, как имена челюскинцев, первых полярных летчиков, папанинцев.

Пролетели годы, но все равно с самого донышка детства светит мне с фотографии улыбка девчонки в тюбетейке, с орденом Ленина на лацкане пестрой курточки.

Недавно я был в Душанбе и встретился с

Юрий КРУТОГОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Мамлакат. Знаете, что мне захотелось сразу сказать? «Здравствуй, девочка-таджичка, джан!» Но я сдержался. Мамлакат встретила меня так, будто мы уже давно знакомы. И мы разговаривали обо всем на свете. О жизни и о своих детях. О работе и друзьях. И о тех далеких днях, которые для каждого по-своему близки и незабываемы. Мамлакат Нахангова словно берет меня за руку и ведет в свое детство.

ЕЕ КИБИТКА

Начало тридцатых годов. Для республики это суровое и удивительное время. Крупные заголовки в газете тревожно сообщали: «Басмачи свирепствуют», «Кулаки уничтожают скот». Да, басмачи не желали мириться с Советской властью, они нападали на кишлаки, избивали коммунистов и комсомольцев. Да, кулаки не желали вступать в колхозы... Но только что научившиеся читать дехкане повторяли иные газетные строки, рассказывающие о чудесной яви: «Подвиг пограничника Кали Яфаева», «Горный марш студентов сельхозинститута — марш мужества», «Имена героев Памирского перехода должна знать республика».

В кибитке колхоза имени Лахути, на окраине нынешнего Душанбе, живет Курбан-Биби-Нахангова. У нее одиннадцать детей. Когда мать уходит на работу, кибитка ходуном ходит. Мамлакат, ее младшая сестренка Огуль-Биби — заводилы, девчонки-сорвиголовы... По кругу кибитки они устраивают чехарду, карусель, верховую езду друг на друге. Огуль-Биби забирается на спину Мамлакат, но спрыгивать вовсе и не думает Пришпоривает сестру, дергает, как за вожжи, за сто ее косичек, Мамлакат притопывает голыми пятками, к ней на четвереньках, черепашкой, подползает младший братишка, и вот уже в кибитке чуть не до потолка вырастает куча мала. Куча мала галдит, стонет от смеха, рычит на все голоса, пищит, кудахчет, воет, ворочается, рассыпается и вновь поднимается, как только что родившаяся гора... Найдя лазейку, Мамлакат выползает наружу, набирает полную грудь воздуха и стремглав несется к табуну лошадей — они пасутся рядом. Мамлакат с разгона вскакивает на молодого жеребчика, хлопает его ладошкой по шее, просяще и нетерпеливо, и у того на холке вздрагивает кожа. О, она умеет держаться на коне, не беспокойтесь, недаром председатель колхоза сказал ей однажды: «Будешь невестой — ни один жених не догонит на коне...» Мамлакат мчится в горы. Они напоминают пестрый персидский ковер — взяли и завесили им горизонт. Мамлакат пригнулась к гриве, лишь темные струйки кос полощутся на ветру, бег коня быстр, как стук ее сердца. Мамлакат спрыгивает с лошади, цепляясь за кусты фисташковых деревьев, взбирается по крутому отрогу. Отсюда хорошо виден родной кишлак Шахмансур, окруженный со всех сторон белой шерстью хлопковых полей.

— Ма-а-ам-а! Ку-урбан-Биби!— Ее голос гаснет высоко в горах. Она собирает орехи, скатывается к подножию. На лице — взрослое выражение. Повеселилась, хватит. Младших надо покормить. Плов сварить. Лепешки испечь. Ой, ой, сколько у нее дел! Торопиться надо. Она подходит к коню, гладит его морду: «Домой, домой!»

«МАМА, ПРИШЕЙ ТРИ КАРМАНА...»

Мамлакат десять лет. Иногда Курбан-Биби берет своих детей в поле. Они резвятся на берегу арыка. Мамлакат помогает маме сортировать хлопок. Это совсем просто. Самые пушистые коробочки в одну кучу, менее зрелые — во вторую. Первый сорт, второй, третий. Мамлакат в хлопке разбирается, она даже на ощупь может сорт угадать, у нее пальцы длинные, тонкие, и каждый знает свою работу, ни один не бездельничает. (Пройдет время — хлопкоуборочные машины выйдут на поля, но в те годы о них и мечтать никто не мог.)

Да, девочка-таджичка хлопок хорошо знает. Как это получилось, разве скажешь? Она никогда не знала цветных кубиков — откуда в кишлаке кубики?— на кошме раскладывала хлопковые коробочки. Хлопковыми ленточками заплетала тряпичным куклам косички. «Какой снег?» — спрашивала. «Белый, как хлопок»,— отвечала Курбан-Биби. Когда она была совсем маленькой, ей казалось, что плывущие за горы облака — тоже хлопок. Мама причесывалась, с ее волос стекали белоснежные пушинки хлопка. Мир был сотканиз хлопка, он был легок, бел, бесконечен, как хлопковое поле.

Ей хотелось самой собирать хлопок. Но один из ее дедов, медлительный аксакал, слушая девочку, кивал головой, потом взмахом коричневой ладони обрывал нить ее слов, сердился: «Будешь невестой — получишь колхозную книжку, сейчас за парту ходи, ума набирайся...»

Она обижалась. Во-первых, ей не хотелось быть невестой, во-вторых, маме надо помочь, одиннадцать детишек все-таки...

Но ей не давали колхозную книжку.

И все-таки желание ее сбылось. Тогда в кибитке правления поставили детекторный приемник, он по-таджикски очень хорошо и понятно говорил, пел таджикские песни, читал таджикские стихи. Мамлакат любила слушать приемник, она знала, что это он ей подмигивает зеленым кошачьим глазком: «Подожди, девочка, я тебе еще такое расскажу...»

Приемник говорил: «Очень хорошо работает молодая крутильщица Авшова Хол-Биби. Она первая на Ходжентском шелкомотальном комбинате перешла работать с одной машины на две. У нее теперь шестьдесят два веретена. Хол-Биби справляется».

Приемник говорил: «Драгер Вахшского ирригационного строительства товарищ Иванов вместо 35 выбрасывает своей машиной 70 тысяч кубометров грунта. Слава ударнику пятилетки!»

И однажды председатель колхоза увидел глаза Мамлакат. Он сказал: «Ладно, девочка, пускай Биби сошьет тебе фартук, дам тебе книжку...»

— К фартуку пришей три кармана, мама,— сказала Мамлакат.

— Зачем три?

— Буду идти и сортировать хлопок сразу. В первый карман — первый сорт, во второй — второй, а в третий...

— Умница,— сказала Курбан-Биби.—Так правда быстрее. Умница.

БЕЛАЯ ХЛОПКОВАЯ ОСЕНЬ

Пришла осень, белая хлопковая осень.

Мамлакат получила участок. Это был ее участок. Участок Мамлакат Наханговой. Ее имя и фамилия были внесены в колхозную книжку. Кто посмеет теперь сказать: «Вот станешь невестой, тогда...» Никто не посмеет, а если кто и посмеет, она только засмеется. Теперь она маме поможет, все свои трудодни маме отдаст...

В те дни вся страна узнала об Алексее Стаханове. Детекторный приемник в колхозной кибитке сказал: «Ударом своего отбойного молотка Алексей Стаханов вместо семи тонн вырубает за шесть часов сто две тонны».

Мамлакат рассказывала мне: «Знаете, сама не знаю почему, очень мне тогда эта цифра запала в голову. Я все думала: целых сто две тонны! Это гора! Как много! Наша колхозная норма была пятнадцать килограммов хлопка в день. Я собирала и думала: сто две тонны — целая гора. Не давала мне эта цифра покоя...»

Сейчас Мамлакат об этом просто говорит, улыбается, словно удивляясь своим детским причудам. Это бывает у взрослых иногда. Чуточку снисходительно относиться к своему детству. Но я понимаю Мамлакат Наханг ову. Не хочется, чтобы о ней подумали: «Глядите, какая необыкновенная, ни на кого не похожая...» Боится, не желает Мамлакат прослыть необыкновенной, ни на кого не похожей.

Но вернемся в те осенние деньки 1935 года. Давняя фотография вновь поможет мне увидеть невысокую девчонку в узорчатой тюбетейке, с кипой белого хлопка в руках.

Легкие руки, легкие ноги у Мамлакат. Она не идет — летит по полю. Не делая ни одного лишнего движения, ни на что не отвлекаясь.

Ей нравится собирать хлопок, хотя это нелегкая работа. Солнце печет жарко — ко-

Сразу после того, как Мамлакат Наханговой вручили орден Ленина, ленинградские пионеры пригласили ее к себе в гости. Мамлакат рассказывала, как она работала, за что получила орден. В Ленинграде и был сделан этот снимок.

сынку повяжет на голову. Пить захочется — чашечку горячего зеленого чайку выпьет — и снова в поле.

На хирмане, месте, куда складывают собранный хлопок, кладовщик шутит:

— Девочка, ты на крыльях летаешь, да? Ай, джан, ай, джан! Одна девочка стоит трех взрослых мужчин.

Ей в голову пришла счастливая мысль: «А если срывать коробочки двумя руками?» Приноровилась, руки двигались согласно, словно сговорились друг с другом. Будто одна рука, левая, говорила правой: «Я буду коробочку в карман класть, а ты срывай пока, не теряй времени даром...» А правая рука весело отвечала левой: «Вот так я и сделаю. И ты тоже не мешкай, мы не должны мешать друг дружке...» Пальцы знали, в какой карман из трех укладывать мягкие комки, само собой плавно, красиво все выходило. Ведь она на ощупь знала хлопок, будто всю жизнь только так и делала.

Мамлакат не нужно низко пригибаться, как взрослым женщинам. Она сама вровень с кустами. Так экономилось время, секунда за секундой. Но секунды в минуты складываются, минуты в часы, часы... в новые кипы хлопка.

Однажды на поле явилась Огуль-Биби.

— Поздно, домой иди, мама зовет...

Мамлакат отозвалась с дальнего конца поля:

— А я и не заметила.

Она вышла из кустов хлопчатника, сорвала с себя фартук. Рядом арык катил свою темную и теплую от жаркого дня струю. Вечер закрасил очертания гор. Звезды низко повисли. Теплый, хороший вечер. Он завершал день, который девочка-таджичка навсегда запомнит. Утром следующего дня взвесили ее сбор: сто килограммов! Сам председатель колхоза на лошади прискакал проверить: может, напутали? Нет, все по правде. Сто килограммов! Точь-в-точь!

Меньше всего удивилась сама Мамлакат. Она подумала: завтра соберу на два килограмма больше. Как у шахтера пускай будет цифра, как у Стаханова, про которого рассказал детекторный приемник в колхозной кибитке.

Она устала, как никогда не уставала. Она не помнила, как домой добралась. Она собрала свои сто два килограмма. И теперь она знала: столько и будет всегда собирать.

У нее допытывались:

— Мамлакат, ну расскажи, как смогла? Как гору хлопка собрала?

Как сказать? Не знала она, как сказать. Наверно, работу, которая стала твоим существом, живет в тебе, как горячая кровь, нельзя выразить: нельзя же песню пересказать.

Старалась, вот и все, говорила. Маленькая ростом, нагибаться не надо, отвечала. Потом развела ладони:

— Вот так...

— Двумя руками?

Ей смешно стало: конечно же, не ногами!

Старый аксакал, пощипывая острую хлопковую бородку, размышлял вслух:

— Все с головы на ноги поставила эта девочка. То чуть кибитку в игре не перевернет, то, как ветер, на коне скачет, то хлопка собрала целую гору. Правду сказал поэт-мудрец Хайям: «Все, что ты в мире изучил,— ничто...»

СПЕШИТ ПО УЛИЦЕ ДРУЖИНА

И понеслись, понеслись годы...

Позади школа. Вот уже и институт позади. Она сама сейчас в педагогическом институте готовит учителей английского языка. Так неожиданно повернулась ее судьба.

Ей пятьдесят лет, у нее двое внуков; семимесячную Мехрдот она мне показала, на цыпочках введя в детскую: «Вылитая я, правда?»

Бабушка как бабушка. Очень бабушкам льстит, если внуки на них похожи. Правда, к роли бабушки Мамлакат Нахангговой трудно привыкнуть.

Ей до сих пор пишут ребята со всех концов страны и обращаются просто, как к подружке: «Дорогая Мамлакат...» И она отвечает, не задерживает ответы. Пишет не взрослые, не нравоучительные письма, а как подружка подружкам. Это всегда разговор с глазу на глаз. Разговор честный, откровенный. Когда надо — добрый, когда ей что-то не нравится — сердитый.

И еще Мамлакат трудно привыкнуть к «бабушкиной роли», потому что ребята 7-й душанбинской школы уже много лет подряд числят ее членом своей дружины. Они избрали Мамлакат Нахангову почетной пионеркой.

Мамлакат, как выдастся свободная минута, забегает в свою родную школу. На торжественные сборы — в белой кофточке, пионерском галстуке, подтянутая, больше похожая на старшую пионервожатую, чем на бабушку. Она уже сорок лет пионерка, ровно сорок лет, с 1934 года.

И такой беспокойной, желающей быть всегда впереди она была, когда в 1942 году рвалась на фронт. Это было так. Мамлакат вместе с другими таджикскими девушками привезла в осажденный Ленинград подарки от детей Таджикистана. Целый вагон — фрукты, овощи, вещи, игрушки. И много, много мячей.

С этими мячами связана целая история. Лет за шесть до войны Мамлакат пригласили к себе в гости ленинградские ребята. Во Дворце пионеров у девочки спросили: «Что тебе подарить?» Она никогда не играла в мяч, а тут увидела — огромный, двухцветный, он будто сам в руки просился... Ей подарили мяч. Мамлакат с ним до самого кишлака не расставалась. И вот теперь в суровую годину Мамлакат привезла в город на Неве тысячи подарков.

Перед отъездом таджикская делегация всполошилась: «Где Мамлакат? Нет Мамлакат». Она, оказывается, на крейсер удрала, к самому адмиралу: «Зачислите в экипаж, хочу быть зенитчицей...» Адмирал сказал: «Напиши заявление». Она написала. Адмирал сложил его вдвое, положил в карман кителя: «Дочкам покажу, сама Мамлакат написала». Посерьезнел: «Понимаю тебя. Но ты там нужна, на хлопковом поле...» Она это знала. (Позже Мамлакат поступит в институт военных переводчиков, но на фронт не попадет — война кончится.)

И такой беспокойной, желающей всегда помочь людям, она была и тогда, когда студенткой ухаживала в госпиталях за ранеными, когда несколько лет спустя выступала от имени советских матерей в Лондоне, на конференции сторонников мира.

И сейчас Мамлакат считает себя пионеркой. Всегда. Везде. Недаром она была вместе с ребятами на втором, а потом и на пятом Всесоюзном пионерском слете в Артеке. Недаром она вместе с пионерами-орденоносцами довоенных лет подписала обращение ко всем пионерам страны «Найди место в общем строю».

Позже я сам увидел: она не такая пионерка, которая лишь числится в почетных списках, важная такая, не подступись. Совсем нет, она ни капельки не важная.

Как-то Мамлакат с одним из отрядов 7-й школы собирала металлолом. С каким-то мальчиком на пару тащила ржавую, колченогую кровать. Мальчик рассказывал, видимо, забавную историю, Мамлакат смеялась, даже кровать уронила.

Это так похоже на Мамлакат. В дружине она делает, что положено обыкновенному, а совсем не какому-нибудь «сверхуважаемому» пионеру.

Ее потому и знают. Любят, очень уважают. И хотят походить на нее. Каждый по-своему, у каждого по-своему получается. Первоклассник Батыр Киязов мне сказал: «Одна кошка птичку поймала. Я кошку схватил, хотя она до крови царапалась, и отпустил птичку. Мамлакат бы тоже так сделала...» Восьмиклассница, председатель совета дружины Фируза Нарзыкулова: «Что сделала Мамлакат? Больше, чем другие, хлопка собрала? Но не это самое важное, по-моему. Она сделала больше, чем могла. И вот я хочу тоже все время делать чуть-чуть больше, чем могу, чем умею. Мне кажется, тогда всего можно достигнуть...»

И ребята 7-й школы стараются все делать так, чтобы не посрамить имени Мамлакат, своей почетной пионерки. Может, они не так уж много сделали, но все-таки...

Улица Рудаки. Прекрасный сквер, цветы, клумбы, кустарники, вдоль тротуара журчит свежий, как ручей, арык. Это сделали мальчишки и девчонки из 7-й школы.

Неподалеку от улицы Рудаки есть детский сад № 38. Во дворе — игротека, прудик, сад, деревья побеленные, ухоженные. И это тоже сделали ребята из 7-й школы.

Ходит по улице Душанбе новенький троллейбус. Он сделан из металлолома, собранного 7-й школой.

...Педагогический институт, где преподает Мамлакат, и школа № 7 рядышком. Уроки и лекции начинаются в одно и то же время. Поэтому часто по утрам можно видеть Мамлакат с ребятами — они шагают в одном направлении: Мамлакат — на первую лекцию, ребята — на первый урок. У каждого свое дело — дружина спешит... ★

Мы — ровесники...

«Пионеру»—пятьдесят. Для нынешнего пионерского читателя это много. Ох, как много! Почти «Пионер»-пенсионер!..

Казалось бы, и нам пятьдесят. Под пятьдесят. За пятьдесят. Чуть больше, чуть меньше. Но мы-то чувствуем себя молодыми, хотя нынешние пионеры порой и принимают нас за стариков...

Конечно, мы ровесники с «Пионером». Мы были его читателями давным-давно. Мы были его деткорами давным-давно. Но мы, бывшие пионеры, и сейчас его читаем. Мы, бывшие деткоры, и сейчас пишем для «Пионера»...

Недавно один любознательный юный читатель обнаружил в номерах журнала «Пионер» тридцатых годов стихи и рисунки Сережи Баруздина, его постоянное участие в разделе «Цап-царап», а также тот факт, что был в то время Сережа Баруздин председателем Совета пионерского клуба журнала «Пионер».

Признаюсь, мне было очень приятно напоминание об этом. Я не стыдился слабых стихов и плохих рисунков. Я был рад, что меня вспомнили в «Пионере» как старого почитателя, который и в те далекие детские годы пытался что-то сам делать для своего любимого журнала...

Я бы мог сейчас назвать многих взрослых для нас, тогдашних пионеров, людей, которые всерьез делали «Пионер». Им мы благодарны по сей день. За пятьдесят лет существования «Пионера» таких людей было очень много, и потому назвать всех просто немыслимо. Но двоих я хочу все же назвать — Бениамина Ивантера и Наталью Ильину. Я и мои ровесники, пионеры тридцатых годов, тогдашние подписчики и читатели журнала, хранят эти имена особо...

Да, «Пионеру» пятьдесят. Да, казалось бы, и нам пятьдесят. Под пятьдесят. За пятьдесят. Чуть больше, чуть меньше. Да, мы ровесники с «Пионером»...

И все же, и все же, и все же...

Пожалуй, мы, читатели «Пионера» прошлых лет, разнимся в возрасте с нашим журналом. Мы, увы, стареем, а «Пионер» вечно остается пионером. Мы становимся бывшими пионерами, а «Пионер» остается всегда нынешним пионером — журналом для пионеров сегодняшних и завтрашних.

Такому юбиляру можно по-хорошему позавидовать!

И еще — сказать ему великое спасибо!

Сергей БАРУЗДИН,
секретарь Правления Союза писателей СССР,
главный редактор журнала «Дружба народов»

И вот рукописи сгрудились на редакционном столе. Вырос холм два метра в высоту, три в ширину. И теперь нам нужно отобрать лучшие из лучших, нужнейшие из нужных, чтобы окончательно собрать номер... Но хотя рукописей много и даже сверхмного, однако чего-то обязательно не хватает. И вот (см. рисунки на следующей странице) мы срочно пишем очерк, сочиняем песню... А в комнате рядом творят художники. Видите, вон тот, крайний справа — это и есть художник Шабельник. Он как раз делает те рисунки, которые ты сейчас рассматриваешь.

Когда журнал читали ваши папы и мамы

Появление нового номера журнала всегда чудо. Подумайте, из множества чувств, мыслей, наблюдений, из жизненного опыта совершенно разных людей, из споров и размышлений, наконец, из груды рукописей и рисунков возникает книжка, рассчитанная именно на сегодняшний ваш день.

За долгую жизнь «Пионера» вышло множество таких книжек. Один за другим приходили с их страниц хорошо знакомые вам теперь герои — Петя и Гаврик, Тимур, Малышок и целая вереница других...

Да, многое и многих можно сегодня вспомнить. Но почему-то — не знаю, почему,— память возвращается к самой трудной, к самой суровой поре в истории журнала, к первым годам войны, когда читателями «Пионера» были ваши папы и мамы.

Темной громадой рисовалось тогда в ночном военном небе Москвы здание нашего издательства. Ни один лучик не пробивался сквозь зашторенные окна. Не светилось в вышине слово «Правда», а бывало, издалека читались эти огромные, налитые светом буквы... Корпуса типографии летом закамуфлировали от вражеских самолетов под огород, а зимой заметенные снегом стеклянные крыши смотрелись сверху безжизненным пустырем. Но внутри, и в типографии и в редакционном корпусе, шла работа. Хотя камуфляж не всегда обманывал фашистских летчиков и издательство, случалось, бомбили, по-прежнему выезжали по утрам из ворот правдинские грузовики с кипами свежих газет. И по-прежнему уходил отсюда к своим читателям «Пионер», правда, не такой нарядный и большой, как до войны. Но стихи, рассказы, повести, напечатанные в тонких книжках журнала, на плохой бумаге, воспитывали готовность к подвигу и труду.

Погиб, сражаясь за Родину, Аркадий Гайдар. Но жил созданный им еще до войны Тимур, и по всей стране действовали тимуровские команды. С. Маршак присылал нам в редакцию такие замечательные свои стихи, как «Ни» и «Не», «Военная почта» и многие другие. С. Михалков, К. Симонов, А. Сурков писали о Родине, о верности, о мужестве, и ребята переписывали из журнала горячие строчки в самодельные тетрадки и, случалось, потом читали раненым бойцам в госпитале.

Большинство писателей, художников, сотрудников журнала ушли на фронт. Но и там, делая главное тогда дело, трудное дело войны, жизнью защищая страну и ее будущее, помнили они о своих читателях и оставались авторами детского журнала. Бывший редактор «Пионера», талантливый писатель и замечательный человек Б. А. Ивантер, когда полевая почта доставляла ему свежий номер «Пионера», всегда улучал время, чтобы написать в редакцию, поругать, похвалить, дать совет.

С самого первого военного номера не расстается с читателями журнала Лев Кассиль. Куда бы ни повела его корреспондентская судьба, везде думал он о ребятах. Он рассказывал о летчиках той части, где только что побывал, об обороне Москвы, о новых видах оружия, о делах самих пионеров, об их стойкости и героизме. Р. И. Фраерман, ушедший на войну в рядах Московского ополчения, повстречав в лесах под Вязьмой двенадцатилетнего разведчика Ваню Длуского, конечно же, сразу пишет о нем в «Пионер». О мальчишках-разведчиках Пчелке и Котове пишет Нина Александрова, заведовавшая пионерским отделом журнала в мирное время, теперь, в войну, сотрудник дивизионной газеты «В бой за Родину!». С Ленинградского фронта прислал Н. Атаров «Сказку о ручном

фонарике», сказку-правду о первой блокадной зиме, о тимуровцах осажденного Ленинграда.

Часто открывалась в редакции дверь, входили люди в военных шинелях, приносили очерки, стихи, рассказы, вынимая их из полевой сумки. И сжимало сердце воспоминание, что в точно такой сумке еще в добрые мирные дни приносил в редакцию свои рассказы Гайдар.

Корреспонденты «Правды» и «Комсомолки», возвращаясь из командировок, всегда привозили материалы и нам, рассказывали детям, как идут дела на фронте и в тылу. Когда, например, Петр Лидов, вступивший вместе с первыми советскими бойцами в Петрищево, узнал о героине-партизанке Тане — так назвалась перед смертью Зоя Космодемьянская,— он одновременно с очерком в «Правду» написал и в «Пионер».

Зимой 1941/42 года линия фронта проходила совсем близко от столицы, и в Москву переехала на время газета Западного фронта «Красноармейская правда». Там работали известные писатели, художники, фоторепортеры. Вот мы с В. А. Поддубной — по существу, это был в те дни весь состав редакции — и отправились к ним за военными материалами. Ах, как там было тепло после промерзших наших комнат и метельных улиц! Топились жаркие печурки-времянки. Нас усадили поближе к огню и доложили о просьбе «Пионера» заместителю редактора. .Надо признаться, подполковник Баканов, только что приехавший с передовой, сначала удивился — детский журнал, сейчас, когда немцы под Москвой!

— Но ребятам журнал сейчас особенно нужен, отцы на фронте. Мамы работают...

— Да, да. Понимаю,— перебил подполковник. Тут же созвал всех, кто был тогда в редакции, и отдал приказ: выполнять задания «Пионера», как задания собственной газеты.—И помните,— добавил он,— для кого будете писать, кто вас прочитает. В холодной комнатушке. При коптилочке.

И пошли к нам рассказы, рисунки, фотографии. А подполковник неожиданно написал для журнала повесть «Дубов и его товарищи». И в предисловии посоветовал пионерам выполнять все задания, какие дает молодым бойцам ефрейтор Дубов.

Прогнали немцев от Москвы. Откатилась линия фронта, уехала вслед за ней редакция «Красноармейской правды», но по-прежнему шли оттуда в редакцию толстые конверты с рукописями.

И так приходили на помощь журналу все. А мы ведь обращались не только к писателям. В журнале нужны были советы агрономов, спортсменов, пионервожатых, врачей и людей многих других профессий, потому что ребят надо было учить тогда многим практическим вещам, помогать им жить в тяжелых условиях войны, с пользой для других строить работу своих пионерских отрядов.

Да, это было настоящее чудо — люди, занятые неотложнейшими делами, отрывались от них и помогали детскому журналу. Вероятно, все они представляли себе того человека, у которого отец на фронте, а мама на оборонном заводе, представляли, как раскрывает он, этот человек, свой журнал — в школьной ли библиотеке, на пионерском ли сборе или дома, в холодной комнатушке, при коптилочке.

Н. ИЛЬИНА,
редактор журнала «Пионер»
с 1941 по 1971 г.

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР». МОСКВА

От имени наших сотрудников — писателей и художников — и наших читателей — пионеров Югославии поздравляем «Пионер» с пятидесятилетием. Желаем новых успехов советской детской литературе и хороших книг миллионам ваших читателей.

Счастливого будущего «Пионеру», славному журналу советских детей.

Мира АЛЕЧКОВИЧ,
главный редактор журнала «Змай»,
Десанка МАКСИЛИВИЧ,
председатель совета
Белград.

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Звездный час Сережи Каховского

Летом прошлого года мы печатали повесть Владислава Петровича Крапивина «Всадники на станции Роса». Тот, кто читал ее, конечно, не мог забыть смелого, благородного Сережу Каховского, журналиста Алексея Борисовича, веселого и верного пса Нока.

Повесть «Мальчик со шпагой» — продолжение истории о Сереже Каховском.

Ее можно читать и отдельно. Однако тем, кто не читал «Всадников», мы советуем все же начать с первой повести («Пионер» 1973, №№ 5—7).

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА и В. ДУДКИНА.

От пристани до самого дома Нок вел себя, как дрессированный. Ни разу даже не дернул поводок. Он шел рядом с Сережей, и тот все время ощущал ногой его косматый теплый мех.

— Нок — лохматый бок, — шепотом сказал ему Сережа.

Пес вопросительно повернул голову. Свет, падавший от близкого фонаря, желтыми точками блестел в его глазах.

— Скоро будем дома, — пообещал Сережа.

Еще несколько шагов, и тогда сквозь черные тополиные ветки глянут на усталых путешественников желтые, светящиеся окошки второго этажа.

Вот они, окна.

Однако горели только два окошка — в Наташиной комнате. Стекла Сережиных окон холодно отражали синевато-серое небо июльской ночи.

«Может, смотрят телевизор? — подумал Сережа. — Или спят уже? Папа так рано не ложится... А может быть, оставили Марину у Наташки и в кино ушли на последний сеанс?»

Он слегка встревожился. Во-первых, чего же хорошего возвращаться в пустую квартиру? Во-вторых, не хотелось ему откладывать объяснение с отцом и тетей Галей.

Сережа нисколько не боялся этого разговора. Но он хотел, чтобы поскорее остались позади все неприятности и все обсуждения этих неприятностей. Не надо о них вспоминать. Пускай только всадники на золотистых конях вспоминаются каждый день...

Сережа и Нок вошли во двор. Сережа толкнул нижнюю дверь, и они стали подниматься на второй этаж. Над лестницей горела неяркая лампочка. Потрескивали точеные старые перила. Когти Нока громко стучали по ступеням, и этот стук отдавался в железном корыте, которое висело у двери чулана. Пахло пересохшими досками, теплой пылью и древесным лаком. Это был запах пожилого доброго дома, в котором Сережа провел все свои почти двенадцать лет...

Верхняя дверь была обита облезшей клеенкой. Клеенка местами треснула, и в разрывах торчала пакля. На косяке весело белела кнопка. Это была обманная кнопка: звонок Сережа и Наташка развинтили еще пять лет назад, когда строили из большой корзины и картонного ящика ледокол. Блестящая чашечка звонка понадобилась им для корабельного сигнала. С тех пор кнопку нажимали только те, кто первый раз приходил в этот дом.

Сережа несколько раз ударил кулаком по мягкой клеенке. «Бух-бух-бух», — отдалось за дверью. Сначала была тишина, потом часто защелкали подошвы, и Наташкин голос капризно спросил:

— Кто?

— Я.

— Кто «я»?

— Ну, я, Сергей! Ты спишь, что ли?

Лязгнул крючок, и дверь распахнулась так стремительно, что перепуганный Нок отскочил на всю длину поводка. Наташка перешагнула порог и схватила Сережу за локти мокрыми пальцами.

— Сережка! Как здорово! Какой ты молодец, что приехал!

Она лишь мельком глянула на пса и даже не удивилась.

— Ой, ну как здорово! Бывают же чудеса! — повторила она и, не отпуская, потянула Сережу в коридор.

Он совсем не считал, что его приезд такое уж чудо. Пожал плечами, втащил в коридор очень оробевшего Нока и взглянул на свою дверь. Обычно по вечерам в ней светилась тонкая щель. Сейчас ее не было.

— Где наши?

Глядя счастливыми глазами, Наташка сказала:

— Да! Ты ведь ничего не знаешь!

— Ничего не знаю. Скажешь ты наконец?

— Вы квартиру получили. Три комнаты. Уже неделю назад переехали.

Это была новость. Уж чего-чего, а такого дела он никак не ждал.

— Вот так финт... — медленно сказал Сережа. — Это значит, я здесь уже не живу?

Она вздохнула.

— Значит... Ну и что? У тебя теперь будет своя комната. Ой, Сережка, такая хорошая, просто прелесть! Окно на юг, реку видно. Обои на стенах такие веселые, голубенькие... Ты что, не рад?

— Да я не знаю даже...

Он и правда не знал. Он, видимо, просто устал сегодня от разных неожиданностей.

— А почему не написали, что новая квартира?

— Хотели тебе сюрприз сделать.

— Сюрприз... — усмехнулся Сережа. Поглядел на притихшего Нока, потрепал его загривок. — Я вот тоже сюрприз привез.

— Я уж смотрю... Это ты из лагеря такое страшилище везешь? Да нет, он хороший, только... больно какой-то уж непричесанный.

Нок вопросительно посмотрел на незнакомую девочку, потом на хозяина и вдруг зевнул во весь размах розовой пасти.

— Ох, — сказала Наташка.

— Она пошутила, Нок, — сказал Сережа. — Она больше не будет, не глотай ее.

Наташка засмеялась и вдруг сразу встревожилась:

— Сережка... А почему ты... Ведь смена только через десять дней кончится. Ой, выгнали, да?

— Сам ушел, — хмуро сказал Сережа. — С начальником лагеря поругался.

Наташка охнула:

— Мамочка моя... А тебя отпустили?

— А я спрашивал?

— Сережка, сумасшедший! Тебя же искать будут.

Сережа поморщился.

— Да не будут, там знают... Я все расскажу, только потом, ладно?

Наташка тряхнула своими светлыми, коротко подрезанными волосами.

— Ну ладно. Идите в комнату, я вас кормить буду... Слушай, а у него блох нет?

— Нет... Не знаю... Не надо нас кормить, мы на катере ели. Ты адрес скажи. Мне ведь надо... домой.

— Ой, ты не уходи! — испугалась она.

— Как это «не уходи»?

— Подожди. Переночуй здесь.

— Зачем?

— Ну, зачем... Скучно же. Думаешь приятно полночи одной дома сидеть?

— А где тетя Маша и дядя Игорь?

— В театр пошли. Опера из Свердловска приехала. А потом еще в гости к папиному знакомому.

— А тебя не взяли?

— А я не пошла.

— Почему?

— Из вредности.

— А-а...

— Конечно... Отца всю неделю просила: «Почини, почини велосипед». Он все: «Починю, починю». А сам дотянул... Все ребята на озеро сегодня уехали, а я дома осталась... Ну вот и пусть сами ходят в свой театр.

— Ну, и ты тоже хороша. Дядя Игорь с утра до вечера на работе, а ты с велосипедом...

Наташка вздохнула.

— Он говорил: «Подожди до субботы». А в субботу его вызвали в порт. Что-то там срочное случилось. Он сейчас диспетчера порта замещает.

— Сейчас навигация в разгаре. Мы пока плыли, знаешь, сколько всяких теплоходов навстречу попалось... Ну, ты все-таки дай адрес, я пойду.

— Останься, Серенький... — жалобно сказала Наташка.

Вот она всегда так, если хочет подмазаться: «Не уходи, Серенький. Сделай, Серенький». Только она Сереньким его и называет.

Раньше еще мама так называла, но это было давным-давно...

— Не уйдешь, да? Я пельменей сварю, у нас две пачки в холодильнике.

Пельмени — это, конечно, вещь, но...

— Куда ты пойдешь ночью, — уговаривала Наташка. — Это далеко, за семь кварталов, на углу Октябрьской и Челюскинцев. Уже полдвенадцатого. И холодно сейчас, вон у тебя руки в пупырышках.

Вечер и правда был свежий. Сережа, пока шел от пристани, слегка озяб. Но он сурово глянул на хитрую Наташку.

— Это от твоих рук. — Он потер ладонями голые локти. — Почему у тебя пальцы мокрые и холодные? Стирала на ночь глядя?

— Это я ревела, — сердито призналась она.

— Тоже из вредности? — понимающе спросил Сережа.

— Нет... Я боюсь одна.

Сережа внимательно посмотрел ей в лицо. Только сейчас, при свете слабой коридорной лампочки, он разглядел, что глаза у Наташки красные и припухшие.

Он не стал, конечно, смеяться. Никогда они не смеялись друг над другом, если одному из них было по-настоящему, до слез плохо. Если человеку одиноко и страшно, кто-то должен оказаться рядом (как сегодня на станции). Хотя, по правде говоря, Сережа не понимал: как может быть страшно в своем доме, знакомом до последнего гвоздика?

— Ладно, вари пельмени, — сказал он.

Наташка расцвела, и они пошли в комнату.

Наташа сразу превратилась в хозяйку. Цыкнула на Нока, который хотел устроиться на пушистом половике у дивана, и показала ему место у двери. А Сереже велела умываться.

— Успеется, — лениво ответил он.

Скинул сандалии и забрался на диван. Наташа неодобрительно посмотрела на Сережины колени, темные от земли и въевшегося травяного сока, но ничего не сказала. Диван торжественно гудел всеми пружинами. Гудеть так он научился еще в те времена, когда Сережа и Наташа устраивали на нем цирковые представления с борьбой и конными скачками.

Наташа ушла на кухню. Нок опять осторожно перебрался на половик и вопросительно посмотрел на хозяина.

— Ладно, лежи пока, — шепотом разрешил Сережа.

Усталость мягко растекалась по телу. Но спать Сережа не хотел. Привалившись к вышитой подушке, он оглядывал комнату. Комната была такой же привычной, своей, как и те, в которых он жил. Все знакомое-знакомое: телевизор «Старт», накрытый вязаной салфеткой, черный книжный шкаф с завитушками и треснувшим стеклом, большая фотография в рамке: Наташка и дядя Игорь делают зарядку. Наташка маленькая, шестилетняя, в мальчишечьем тренировочном костюме и с громадным обручем. Дядя Игорь — с двумя двухпудовыми гирями, поднятыми к плечам, весь переплетенный мускулами, как гладиатор. И громадный.

Сережа вспомнил, как дядя Игорь еще недавно сажал их с Наташкой на вытянутые руки и вертел, будто карусель. Только не в этой комнате, а у Сережи, потому что у Каховских было попросторнее.

Сереже захотелось в свои комнаты. Он понимал, что пустая квартира — со следами унесенной мебели на полу, с темным квадратом на обоях, там, где висела мамина фотография, — невеселое зрелище. Но все-таки...

Он встал и зашлепал босыми ногами в коридор, дернул свою дверь.

Дверь была заперта.

— Нат, почему заперто?

— Это не мы, — откликнулась из кухни Наташа. — Домоуправление заперло. Скоро новые жильцы приедут. Какие-то Грачевы.

— У-у... Я думал, что вы наши комнаты займете. Вам наконец свободнее стало бы.

— Да теперь уж все равно. Мы к весне тоже переедем... Твой людоед ест пельмени?

— Он все ест. Горячие только не давай, а то чутье пропадет.

Сережа вернулся в Наташину комнату. Подошел к окну. Вид отсюда был такой же, как из его комнаты. Крыши, неяркие окна, силуэт водонапорной башни, похожей на старинный замок. Слева — темная груда тополей, внизу — кусты рябины. За кустами — мостовая.

Она была горбатая, эта мостовая, и зимой вдоль нее ветер наметал длинные сугробы. Такие непролазные, что отцу приходилось брать Сережу на руки, когда шли в детский сад.

Потом они с папой оказывались на широкой, очищенной дворниками улице, но папа не опускал Сережу. Так им удобнее было разговаривать.

— Пап, разве справедливо, когда двое на одного? — спросил однажды Сережа.

— Конечно, нет.

— А что делать?

— Ну, что делать... Выбери время, поговори с ними по очереди, один на один.

— Правильно, — обрадованно сказал Сережа. — Светку Лапину я подожду во дворе: Танька сегодня дежурит в группе...

— Постой, постой! Ты что же, с девочками хочешь драться?

— Я не драться, только раз... А чего! Они сами первые...

— Неважно, что первые, — серьезно сказал отец. — Ты будущий мужчина. Настоящий мужчина никогда не дерется с женщинами, это стыдно.

— Они же не взрослые тетеньки, а девки, — обиженно возразил Сережа.

— Не девки, а девочки, во-первых. Ты же Наташу девкой не называешь... Во-вторых, девочки вырастают и становятся взрослыми женщинами. Мамами, бабушками. Твоя мама тоже была девочкой. Тебе понравилось бы, если какой-нибудь парнишка ее отлупил?

Мамы тогда уже не было, но они всегда говорили о ней, как о живой: «А что сказала бы мама? Маме бы понравилось?»

Мама уехала и не вернулась. Потом пришла та телеграмма от незнакомых людей... Иногда Сережу будто с размаху ударяла мысль, что мама уже никогда, совсем никогда не вернется, и тоска скручивала его, и прорывались совершенно безудержные слезы. Но он не видел маму мертвую. А живая она улыбалась с большой фотографии и словно удивлялась: «В чем дело? Я же здесь».

Нет, Сереже ни капельки не понравилось бы, если бы какой-нибудь мальчишка задел маму хоть мизинчиком!

Но, чтобы не сдаваться так легко, он проворчал:

— Мама, наверно, первая никого не стукала.

И папа согласился:

— Наверно...

Покачиваясь на папиных руках и почти касаясь губами его колючей щеки, Сережа спросил:

— Ты маму знал, когда она была маленькая?

Папа сказал:

— Нет, Сереженька, не знал.

...Когда мама была девочкой, с ней дружил не папа, а совсем другой мальчик Андрей. Сережа узнал про это позже, когда была уже тетя Галя и маленькая Маринка. Он увидел однажды, как папа сидит на поленьях у горящей печки-голландки и медленно бросает в открытую дверцу письма. Писем была целая пачка. Сережу это заинтересовало, потому что на многих конвертах он заметил красивые марки.

— Папа, это что?

— Это мамины, — тихо объяснил папа.

— Мама писала?

— Нет. Когда мама училась в школе, у нее был друг Андрей Кожин. Когда они выросли, то разъехались в разные города, и он маме часто письма писал. Даже потом... два письма пришло.

— Зачем ты их в печку?

— Куда же их? Лежат, лежат... Андрею отослать? Я адреса не знаю, на конвертах он обратный адрес не указывал.

— А что в них написано?

— Не знаю, Сереженька. Мама не говорила, и я не спрашивал.

— Так сейчас почитай.

Отец покачал головой и отправил в желтый огонь еще один конверт.

— Нельзя. Чужие письма не читают без разрешения. Это нечестно.

Конверт свернулся в трубочку, и пламя взвилось над ним длинным языком.

— А марки? — шепотом спросил Сережа.

— Марки?.. Марки можно взять.

Сережа сел рядом с папой у гудящей и стреляющей печки. Он отрывал от писем разноцветные марки и под тонкой бумагой конвертов чувствовал сложенные вчетверо листки. Там были слова, которые больше никто никогда не прочитает. Потому что не у кого спросить разрешения, а лезть без спросу в чужое письмо — это очень скверное дело...

Заглянула Наташа, сказала, что пельмени почти готовы.

— Вставай руки мыть. Ой, да ты спишь уже.

— Я? Нисколечко. Даже не хочется.

Сережа поднялся и нащупал ногами сандалии. Нок принюхался к кухонным запахам и деликатно замахал хвостом.

— Папа магнитофон купил, — сообщила Наташа. — Хочешь, включу, чтобы не заснул? У нас одна такая запись есть! Мексиканский гитарист и певец...

— У нас в лагере вожатый был. Вот это гитарист! — сказал Сережа. — От него ребята ни на шаг не отходили. Он такую песню знал — лучше всех песен на свете. И вообще он был самый хороший вожатый.

— У нас тут недалеко тоже один человек появился. За ним тоже мальчишки табуном ходят. Он их на шпагах сражаться учит.

— Что за человек? — встрепенулся Сережа.

— Кажется, тренер. Или вожатый... В общем, на Красноармейской есть старый дом вроде нашего. Его сносить хотели, а потом не стали. Там какой-то детский клуб сделался. Название «Эспада».

— «Эспада» — по-испански «шпага», — сказал Сережа.

— Правда? В одной песенке у этого мексиканца тоже все время повторяется: «Эспада, эспада...»

— Включи, — попросил Сережа.

Наташа вытащила из шкафа магнитофон — плоский серый чемоданчик, нашла на полке катушку.

— На транзисторах, — сказал Сережа. — Какая марка?

— «Мрия». По-украински значит «мечта».

— Слушай, Нат. Он был в пенопластовой коробке?

— Да, а что?

— Она где?

— Папа убрал куда-то.

— Можно, я ее заберу?

— Ну... ты спроси у папы. Можно, наверно. А зачем?

— Хочу одну штуку сделать... Давно хочу, да все пенопласта не могу достать. Большие плиты, которые на стройках, не годятся, они крошатся. Мне нужен плотный.

— Папа, наверно, отдаст... Сережа, ну что все-таки в лагере случилось?

— Что, что... Написал домой письмо, что скучно. Начальник его прочитал. Начал меня на линейке ругать. Я ему говорю: «А зачем чужие письма читаете?» Он еще сильнее раскричался: «Убирайся, если тебе все не нравится!» Думал, я испугаюсь. А я убрался...

— Сумасшедший, — сказала Наташа тоном полного одобрения. — Ну, слушай запись.

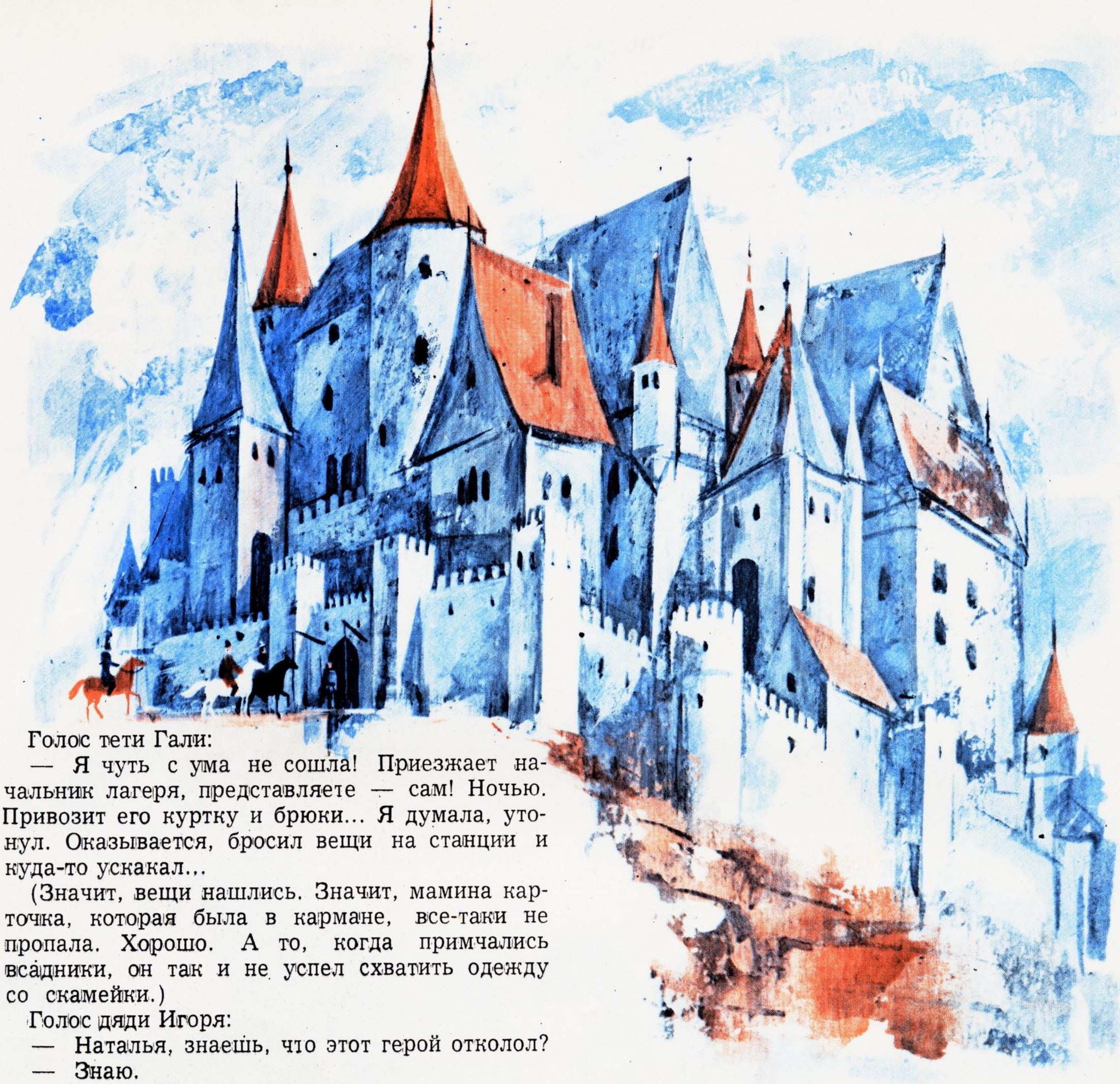
Сначала защелкали кастаньеты, и это напомнило цокот копыт. Потом упруго и ритмично ударили струны. И, опять привалившись к подушке, Сережа почти сразу увидел желтые травы и низкое косматое солнце среди облаков, похожих на рваные красные ленты. И темные всадники, медленно выплывая на круглую вершину холма, разворачивались и пускали коней в галоп.

И была уже не музыка, а встречный ветер и летящая под копыта степь...

И вдруг сквозь шум ветра и топот донеслись голоса. Папин. Взволнованный тети-Галин. Спокойный и чуть насмешливый бас дяди Игоря:

— Да вот он, «бедный странник». Спит без задних ног.

Сережа это слышит, но пошевелиться и сказать что-нибудь не может, потому что по-прежнему видит степь и стремительных кавалеристов. И сам он — один из всадников.

Голос тети Гали:

— Я чуть с ума не сошла! Приезжает начальник лагеря, представляете — сам! Ночью. Привозит его куртку и брюки... Я думала, утонул. Оказывается, бросил вещи на станции и куда-то ускакал...

(Значит, вещи нашлись. Значит, мамина карточка, которая была в кармане, все-таки не пропала. Хорошо. А то, когда примчались всадники, он так и не успел схватить одежду со скамейки.)

Голос дяди Игоря:

— Наталья, знаешь, что этот герой отколол?

— Знаю.

— И, конечно, одобряешь?

— И конечно...

Папин голос:

— Ну ладно, друзья, ничего не случилось. Галина, хватит слезы пускать. И ты, Маша, за сердце не хватайся. Ну, одно слово — женщины.

Тетя Маша:

— Молчи уж, мужчина. Сам белее мела до сих пор.

Папа:

— Мы сами виноваты. Надо было сразу адрес ему дать.

Наташа:

— Папа, перетащи его на раскладушку. Есть он все равно уже не будет.

Дядя Игорь:

— Это можно... Граждане, а это что за чудовище? Эй, да он не подпускает! Зубы показывает!

Наташа:

— Это кто не подпускает? Я вот ему! Ну-ка, брысь!

(А Наташку Нок слушается сразу. Молодец Наташка.)

Могучие руки поднимают Сережу. (Вместе с конем. И желтое поле, качаясь, уходит вниз.)

Сережа мысленно дорисовывал замок. Появятся еще пять башен, круглых и шестигранных, потом — внутреннее кольцо стен, дворики, галерея...

Совсем откуда-то издалека папа говорит:

— Все понимаю... Да не спорь, Галя, ты сама знаешь, что он прав. Не пойму только: что за лошади, на которых он умчался? Просто сказка какая-то...

Пенопластовой коробки от магнитофона, конечно, не хватило бы на макет. Но еще одну коробку Сереже отдал Генка Кузнечик.

Теперь фасад замка был почти готов: две квадратные башни, двойная зубчатая стена между ними, в стене глубокая арка решетчатых ворот. Но работы оставалось очень много, и Сережа мысленно дорисовывал замок. Появятся еще пять башен — круглых и шестигранных, потом — внутреннее кольцо стен, дворики, галерея и замковая церковь, сама по себе похожая на крепость. Все сооружение будет стоять на крутом холме, сделанном из папье-маше и пластилина.

Холм — зеленый, а башни и стены — как из белого мрамора. Квадратные зубцы блестят на солнце, будто пиленый сахар.

— *Ты чего плачешь?..*
Тебя как зовут?

Сережа сидел у подоконника и на игрушечной наковаленке склепывал из тонкой алюминиевой проволоки узорный флюгер для главной башни.

Сегодня был неожиданный выходной. В районо назначили какое-то срочное учительское собрание, и поэтому в трех школах отменили занятия. Объявили спортивный день. Но спортивные соревнования были не подготовлены, и участвовать в них смогли немногие. Остальные гуляли, радуясь нежданному отдыху.

За окошком начинался хороший день.

Начало сентября было холодным и слякотным, но в середине месяца подули южные ветры, и опять пришло лето. Перед Сережиным домом цвел пустырь. На нем год назад разломали несколько ветхих домиков. От них остались только заросшие крапивой квадратные фундаменты, вокруг фундаментов зеленела сирень и дикие яблони. Из травы смотрели шарики красного клевера и белела россыпь диких ромашек.

Пустырь тянулся вдоль всего нового дома, а дом был длиной с океанский лайнер. Говорили, что скоро перед ним разобьют сквер. Но пока никаких работ никто не вел, пустырь зарастал буйными травами, и здесь было отличное место для игр. Правда, кое-где поднимались уже рыжие от ржавчины гаражи частников и пестрели в траве какие-то огороженные клумбочки и грядки.

Из окна своей комнаты, с третьего этажа, Сережа видел, как на старых фундаментах мальчишки играют в индейцев. Где-то шумели и футболисты, но их не было видно за кустами, «индейцы» расположились как на ладони. Один, в помятом школьном пиджачке и синих джинсах, маленький, с растрепанной светлой головой, суетливо перебегал среди кустов — искал хорошее место для засады. «Похож на Грачева», — подумал Сережа. И воспоминание о Стасике неприятно кольнуло его.

Эта история случилась вчера. Дурацкая какая-то история.

На перемене перед четвертым уроком Сережа услышал в коридоре шум, визги и рыдающий крик малыша. Недалеко от их класса находился второй «А», и там что-то случилось. Что?!

Сережа выскочил за дверь. За ним Генка Кузнечик и Мишка Маслюк.

В коридоре голосила толпа второклассников. Впереди толпы двигалась дежурная девятиклассница Лилька Граевская по прозвищу Мадам Жирафа — могучая особа с тонкой шеей и маленькой головкой. Лилька тащила визжащего и ревущего малыша. Малыш извивался, пытался упасть, чтобы вырваться, скользил каблуками по паркету. И взахлеб кричал:

— Пусти! Не буду! Пусти!

Столько отчаяния было в этом крике, такой ужас был на маленьком, залитом слезами лице, что Сережа и не помнил, как оказался на пути у дежурной.

— Не трогать!

У Лильки было очень глупое лицо. Она моргала слегка подкрашенными ресницами и все еще держала малыша за кисти рук, пытаясь приподнять его над полом.

Уже спокойнее и жестче Сережа повторил:

— Не смей трогать.

Она могла бы одним движением локтя смести Сережу с дороги. Но ей это, видимо, и в голову не пришло. Кроме того, рядом с ним были Кузнечик и Мишка. Она выпустила пленника, он шлепнулся на пол и, сидя, все еще повторял:

— Пусти! Пусти!

Второклассники притихли.

— Ты чего? Я дежурная, — сказала Мадам Жирафа.

— Дура ты, а не дежурная, — сказал Сережа.

— Я дежурная, — повторила Лилька.

— Дежурная ты только сегодня, а дура каждый день, — почти успокоившись, объяснил Сережа.

— И это, к сожалению, неизлечимо, — вежливо добавил Кузнечик.

А невоспитанный Мишка Маслюк пообещал:

— Счас как дам тебе, дежурная, ниже позвоночника...

Лилька опять заморгала.

— Хулиганы! Я к дежурной учительнице пойду.

— Иди, иди, — сказал Мишка.

Сережа в это время наклонился над малышом, взял у Генки Кузнечика платок и стал вытирать второкласснику зареванное лицо. Это было не очень приятно, однако что делать.

— Ну, вставай, — сказал Сережа. — Хватит реветь.

Малыш сидел, всхлипывал и со страхом смотрел на Лильку.

— Не встану...

— Не бойся, — сказал Сережа. — Она больше не тронет.

Он почти насильно поднял мальчишку, и тот сразу прижался к нему, вцепился в куртку. Сережа чувствовал, как все щуплое тело малыша под форменным сукном вздрагивает.

— За что она его? — спросил Сережа у второклассников.

Крупный мальчик с красивыми карими глазами рассудительно сказал:

— Он сам виноват.

— Сам виноват! Эх вы... Он же ваш товарищ.

— Неля Ивановна говорит, что он нам не товарищ, раз так себя ведет, — все так же рассудительно сообщил кареглазый мальчик.

— Она сама велела Грачева к директору отвести, — объяснила аккуратная кудрявая девочка. — Потому что у нее у самой уже руки опускаются.

Маленький Грачев вдруг дернулся и снова зарыдал, не отцепляясь от Сережи. Мадам Жирафа неожиданно засопела, растолкала малышню и тяжело побежала вдоль коридора.

Резко ударил звонок. Ребятишки, нереши-

тельно оглядываясь на Грачева и его спасителей, потянулись в класс. Грачев заплакал еще сильнее. Что с ним было делать, куда девать?

— Как бы не заболел,— опасливо сказал Мишка Маслюк.— Маленькие, они такие...

И Сережа понял, как поступить.

— Вы идите, ребята, не надо всем опаздывать. Я сейчас...

Этажом ниже, у самой лестницы, был кабинет врача. Уговаривая и подталкивая, Сережа повел туда Грачева.

— Можно, Марина Аркадьевна? Вот... Успокойте его как-нибудь. Просто беда...

— Ну-ка, ну-ка...— Доброе лицо Марины Аркадьевны стало озабоченным.— Батюшки, сколько слез! Двойку получил? Нет? Ну, тогда ничего страшного. Тебя как зовут? Стасик? Вот и отлично. Давай-ка, Стасик, перестанем плакать. Я тебе обещаю, что все будет хорошо.

Она вопросительно повернулась к Сереже, подошла. Он шепотом рассказал, что случилось. Марина Аркадьевна кивнула: все в порядке, можешь идти.

Сережа вышел. И услышал из-за двери голос Марины Аркадьевны:

— Да что ты от меня шарахаешься, глупенький? Не будет никаких уколов. Ну, честное слово. И лекарств не будет. Видишь, я даже халат снимаю. Никакой врач не делает уколы без халата, это не полагается... А чего же ты директора-то испугался? Разве он страшный? Ну, ладно, успокойся... Смотри, что я тебе покажу...

Потом наступила тишина, а через полминуты послышался неуверенный, прерывистый смех Стасика Грачева.

...Сережа вошел в класс. Он чувствовал себя как после тяжелой работы или хорошей драки. Даже в голове гудело, и ослабели руки.

Был урок географии. Классная руководительница Татьяна Михайловна спросила:

— Ты где это гулял, моя радость?

— У врача был.

Она встревожилась:

— А что с тобой?

— Да не со мной. Один второклассник расшибся, я его к врачу отводил,— соврал Сережа.

— Серьезное что-нибудь?

— Кажется, нет.

Татьяна Михайловна пригляделась.

— Да ты и сам какой-то... Голова не болит? Ну, садись. Я тебя спрашивать хотела, да уж ладно.

— Что вы, Татьяна Михайловна, спрашивайте,— забеспокоился Сережа.— Я учил...

А теперь Сережа со смутной досадой вспоминал этот случай. Кажется, он все сделал, как надо. Откуда же непонятное беспокойство? Наверно, вот откуда: не мог Сережа забыть, как маленький Стаська вздрагивал весь, прижимаясь к нему. Он был какой-то совсем беспомощный, весь перекрученный страхом, и не осталось в нем ни гордости, ни капельки даже крепкого мальчишечьего характера.

Ну разве можно так доводить человека?!

И еще Сереже казалось, будто он забыл что-то и вспомнить не может.

И наконец понял: фамилия-то у Стаськи — Грачев! Наверно, это сын Грачевых, которые поселились в старой Сережиной квартире. Наташа говорила, что у них есть мальчишка-второклассник. Взрослого Грачева Сережа несколько раз видел, когда приходил к Наташе, а сына не встречал и не расспрашивал о нем. И Наташа и он почти не говорили о новых жильцах. Неприятно было, что в квартире, где много лет две семьи жили, как одна, появились незнакомые люди. Может быть, и хорошие, но чужие...

Непонятно где, то ли в соседней квартире, то ли в репродукторе на пристани, пропищали радиосигналы — десять часов.

Сережа отложил почти готовый флюгер и потянулся за рубашкой.

Рубашка была темно-стального цвета, с блестящими пуговками и погончиками. На левом рукаве, под локтем, голубел суконный шеврон: рыцарский щиток с тремя золотистыми скрещенными шпагами. Над шпагами пламенела звездочка с оранжевыми языками костра. Над звездочкой и витыми рукоятями шпаг полукругом шла желтая надпись: «Espada».

Рубашку тетя Галя купила в «Детском мире». Шеврон вышивала Наташа, она же пришила его на рукав. Трудно было найти голубое сукно, однако Наташа перерыла все лоскутки в шкафу и отыскала обрезок от старого тети-Машиного пальто. Обрезок был большой. Остаток Сережа отдал Женьке Голованову, а тот вытравил кислотой две шпаги на Сережиной военной пряжке. Они как бы скрещивались позади звезды.

Сережа заправил рубашку и стал протягивать в петли на брюках широкий форменный ремень (тетя Галя специально перешивала эти петли, чтобы ремень проходил в них). Пряжка звонко щелкнула, пояс плотно охватил талию, и Сережа сразу почувствовал себя выше и стройнее. Он лихо повязал галстук, схватил со стола черный берет с блестящей «майорской» звездочкой и вышел в коридор к зеркалу. Глянул на себя придирчиво, как командир на новобранца. Еще летом ребята и Олег договорились не ходить в клуб обормотами, быть всегда в форме и «держать марку».

Все было в порядке. Сережа показал язык своему отражению (чтобы не зазнавалось) и крикнул:

— Тетя Галя, я пошел!

Он выскочил на улицу.

День был не такой теплый, как это казалось из окна. С реки тянул холодный ветерок. Сережа поработал локтями, чтобы прогнать озноб, и зашагал вдоль дома.

Посреди пустыря шумели ребята. Но это был уже не шум игры. Сквозь возмущенные мальчишечьи голоса пробивался визгливый женский крик.

Мимо пробежал, как сумасшедший, второклассник Вовка Лебедев и крикнул Сереже:

— Дзыкина мяч отобрала!

В окружении ребят стояла круглая тетя в цветастом халате. Она прижимала к животу красный футбольный мяч и кричала. Кричала о том, какие все вокруг паразиты, особенно дети, и как они отравляют ее несчастную жизнь, и что она не отдаст мяч, пока не придут родители и не расплатятся за все причиненные ей убытки и унижения.

Это была Дзыкина.

Сережа и раньше сталкивался с ней. Один раз — две недели назад — ребята играли с Ноком, и пес по инерции проскочил около Дзыкинской грядки с георгинами и астрами. Грядка была огорожена колышками с белой матерчатой лентой. Нок зацепил хвостом колышек, и лента затрепыхалась. Бдительная Дзыкина увидела это и подняла крик. Правда, тогда она кричала издалека: Нок не любит, когда ругают его хозяина.

Сейчас, видимо, мяч попал в цветы, а Дзыкина, к несчастью, оказалась рядом.

Разговаривать с ней было бесполезно. А что делать?

Прежде чем решиться на стычку, Сережа сделал отсчет. Этому его научил Олег. Он говорил: «Если приходится влезать в неприятное дело или в драку какую-нибудь, сосчитай, как перед стартом. Чем серьезнее дело, тем больше бери отсчет. Помогает справиться со страхом и успокаивает голову, чтобы не напороть горячку».

Сейчас никакого страха Сережа не чувствовал, было просто противно. Однако не уходить же. Отберет мяч насовсем, испортит людям весь день и настроение. И ничего они с ней не сделают, тем более что народ собрался совсем молодой, не старше четвертого класса.

Сережа начал с пяти: «Пять, четыре, три, два, один, ноль!»

— Отдайте мяч! — резко сказал он.

Дзыкина хлопнула губами и уставилась на Сережу. В ее булавочных глазках появилось злорадство. Не отрывая взгляда от Сережи, она вобрала воздух и заголосила:

— Петя-а!

От пронзительности и стараний у нее получилось: «Пиэтя-а! Пиэтя-а!»

Из открытого гаража появился Петя. Это был широкий лысоватый мужчина с распаренным, как после бани, лицом. Жидкие прядки волос приклеились к его липкому лбу. Он вытирал о мешковатые штаны масленые ладони. Петя раздвинул примолкших мальчишек и встал рядом с Дзыкиной.

— Вот! — выдохнула она. — Опять в клумбу засобачили, шпана проклятая.

Петя осторожно взял мяч за тонкий ремешок шнуровки.

— Здесь общая земля, а не ваш участок, — сказал Сережа. — Теперь из-за ваших цветов не играть здесь, что ли?

Петя не ответил, будто Сережи и не было. Он обвел взглядом всех мальчишек и деловито спросил:

— Чей?

— Общий, — сказал Петька Лебедев. — Отдайте. Мы же не нарочно. Мы по полтиннику собирали на этот мячик.

— По полтиннику, — почти ласково повторил Петя. — Свои полтиннички вы, значит, любите. А когда люди труд вкладывают, землю роют, вам, значит, наплевать...

Свободной рукой он вытащил из просторного кармана складной нож. Оскалившись, открыл зубами узкое лезвие. Потом прижал мяч к животу и нацелился ножом, как на арбуз.

Тут считать было уже некогда. Резким ударом кулака снизу вверх Сережа выбил мяч, и он свечкой взмыл над головами. Ребята на секунду замерли. Затем разнесся ликующий крик, и все кинулись за мячом.

Потная Петина рожа стала сиреневой.

— Ах ты! — выдохнул он и схватил Сережу за руку. У плеча, повыше нашивки.

Несколько ребят унесли на безопасное расстояние мяч, а остальные столпились за Сережей.

— Петенька! — закудахтала Дзыкина. — Ножик убери, ножик. Скажут, что с ножиком на мальчишку. Потом не докажешь.

Петя протянул ей нож. Он, не отрываясь, смотрел на Сережу. Глаза у него были как у Дзыкиной — булавочные, лютые.

«Дверь не закрыта. Если ударит — свистну», — подумал Сережа. И представил, как серым снарядом вылетает из квартиры и несется по пустырю промадный косматый Нок.

В Петиных глазах мелькнула растерянность. Он, видно, не мог понять, почему мальчишка не вырывается. Стоит спокойно и молчит.

Сережа медленно посмотрел на грязные пальцы, вцепившиеся в его руку, и опять перевел глаза на Петино лицо.

— Ну-ка, отпустите, — брезгливо сказал он. — Вы мне рубашки не стираете.

Петя отпустил. Сережа шевельнул плечом, словно отряхивая след от его пальцев. И пошел прочь.

— Шибко грамотные стали, — сказала за спиной Дзыкина.

— Все равно узнаю! — вдруг визгливо закричал Петя. — И фамилию узнаю, и где живет!

— Второй подъезд, квартира девятнадцать, — не оглядываясь, сказал Сережа.

Старый каменный дом стоял в заросшем лопухами дворе. Его окружали новые здания: пятиэтажные и одно девятиэтажное. Сначала дом хотели снести, а потом почему-то раздумали. На верхнем этаже помещались какие-то кладовые и контора слесарей и техников местного домоуправления. Нижний этаж отдали для дет-

ского клуба. Сейчас на двери была прибита вывеска «Пионерский клуб «Эспада». А выше, над карнизом, приколочен был голубой фанерный щит со шпагами — в точности такой же, как нарукавная нашивка у Сережи, только большой.

По средам, как и по воскресеньям, занятий в клубе не было, но ребята, кто хотел, собирались в выходные дни просто так. Иногда Олег устраивал дополнительные тренировки или короткие соревнования — пульки. Иногда ребята забирались на большущий старый диван, оставленный давними жильцами вместе с люстрой и телефоном, и читали что-нибудь вслух. Пока было тепло, ходили купаться за пристань, на плоты. А случалось, что Олег приносил старенький кинопроектор, и они, завесив окна, который раз подряд смотрели купленные в ЦУМе мультфильмы: «Корабль пиратов», «Шпионские страсти», «Чьи в лесу шишки»...

Но самое лучшее это были, конечно, бои.

Сережа любил приходить по выходным дням еще и потому, что можно было встретиться на фехтовальной дорожке с почти незнакомыми противниками. С теми ребятами, которые учились в первую смену и в клубе занимались после обеда, когда Сережа был в школе.

Может, и сегодня встретятся?

Всего в «Эспаде» было четыре десятка ребят. А в Сережиной группе — восемь. По группам и занимались. Во-первых, учились в разных сменах, во-вторых, тренироваться сразу большому числу фехтовальщиков было негде. Самая большая комната — длиной в десять метров. Низкий потолок, скрипучий пол, небольшие окна в толстых старинных стенах. Все это никак не походило на спортзал.

Когда создавался детский клуб, думали, что девочки и мальчики будут сидеть за столами, клеить игрушки, рисовать, разучивать песни и выпускать стенгазеты. Но райком комсомола назначил руководителем клуба Олега Петровича Московкина — бывшего артековского вожатого, студента-заочника, фехтовальщика первого разряда. Олег принес в клуб сетчатые маски, четыре стеганых нагрудника, книгу «Три мушкетера» и букет новеньких рапир. Когда рапиру брали в руки, тонкая зеркальная сталь клинков чутко дрожала, словно в ожидании схватки.

Летом, когда клуб только открылся, в него записалось больше ста человек. Даже из Сережиной школы, которая дальше всех отсюда, было полтора десятка ребят. Но, впрочем, и тогда из шестого «А» только один Сережа записался.

Потом народ схлынул. На некоторых «надавили» родители: лето, мол, кончилось, и надо думать не об игрушках, а об уроках. Кое-кому надоела дисциплина: Олег и совет капитанов групп «завинчивали гайки». Они требовали, чтобы никто не пропускал занятий, чтобы все приходили в форме, отутюженные и начищенные. Олег не терпел, если кто-то появлялся без пионерского галстука. «У нас на дверях написано «Пионерский клуб», — доказывал Олег. — Мы частичка пионерской организации. Если есть такие, кто забывает или стесняется надевать галстук, пусть лучше заявит, что выходит из организации. Это будет по крайней мере честно. Свинство, когда человек считает себя пионером, а галстук прячет в карман».

Двух человек совет отчислил за то, что они самовольно взяли из пирамиды рапиры и начали бой, не надев к тому же маски и нагрудники. После этого Олег достал масляные белила и на стене, рядом с нарисованными во весь рост мушкетерами, выписал крупными буквами третий пункт устава «Эспады»:

> Взяв в руки оружие, я буду помнить, что в нем заключена смерть.
>
> Поэтому я никогда не направлю даже незаряженное оружие на человека, не обнажу клинка против соперника, не защищенного маской, если только эти люди не будут настоящими и опасным врагами.

Под «незаряженным оружием» имелась в виду расхлябанная пневматическая винтовка, которую Олег добыл в районном комитете ДОСААФ. Убить из нее, конечно, было нельзя, но выбить глаз или вогнать пулю под кожу — вполне возможно.

Из этой винтовки ребята стреляли по круглым мишенькам с черным «яблочком» размером с пятак: сдавали нормы на значок «меткий стрелок».

Лучше всех стрелял Володя Огоньков — семиклассник из сорок шестой школы, капитан Сережиной группы. Он то и дело выбивал сорок пять — сорок шесть очков из пятидесяти. И всегда будто удивлялся своему успеху, даже стеснялся немного. Володя был большой, спокойный, добрый. С круглой головой, покрытой, словно медной щеткой, коротенькими рыжими волосками. Долго никто не знал, что у него постоянно болеют мать и бабушка, а отца и вовсе нет и что ему приходится тащить на себе все домашние заботы. Это стало ясно после одного случая. Володя беспокойно поглядывал то на круглые часы у двери, то на хозяйственную сумку, которую притащил с собой, и Олег вдруг сказал:

— Ты не нервничай. Давай деньги, и пусть кто-нибудь сбегает за картошкой, пока ты ведешь бой...

За картошкой охотно побежал пятиклассник Андрюша Гарц. Он вообще все делал охотно, по крайней мере в клубе. Он торчал в «Эспаде» все свободное от школы время. И не потому, что надеялся выпросить лишний бой, а просто так. Он даже уроки готовил здесь же, приткнувшись в уголке дивана. Олег с трудом прогонял его обедать. Андрюшка возвращался через пятнадцать минут, дожевывая на ходу бутерброд и раскалывая крепкими зубами косточки от компота.

— Тебя родители скоро из дома выгонят, — говорил Олег.

Андрюшка морщил переносицу и весело соглашался:

— Ага. Мама говорит, чтобы я забирал подушку и шел жить в клуб.

— Бедная твоя мама,— вздыхал Олег.

Был в группе еще один Андрюша — по фамилии Ткачук. С ним постоянно случались неприятности. Он мог поскользнуться на ровном месте и вывихнуть ногу, мог ни с того ни с сего зацепить провод и грохнуть на пол телефонный аппарат (а телефон был великой ценностью; счастье, что его не сняли, когда уехали жильцы). Именно он, Андрюшка, во время купания застрял однажды на плоту между бревен и расцарапал спину и пузо. На его счету было больше, чем у всех, сломанных рапирных клинков. Однако больше всего неприятностей с ним случалось в школе. Один раз Сережа слышал, как Олег объяснялся по телефону с Андрюшкиной учительницей английского языка.

— Что? Двойка? Очень прискорбно. Хорошо, учту... Что значит не допускать к заняти-

Команда Данилки Вострецова.

ям? Вообще? Ах, пока не исправит двойку? И поведение... А когда он их исправит? Простите, почему мне виднее? Все-таки вы его учительница, а не я... Да, но здесь у него все в порядке... Господи, ну я прекрасно знаю, что школа важнее. Но в клубе-то он занимается не во время уроков, а в свободное от школы время. Что?.. Вы всерьез уверены, что если он не будет ходить в клуб, то станет больше времени сидеть над домашними заданиями? Ах, не уверены! Я тоже... Что значит наказать? Это я не столько его, сколько себя накажу: он пропустит тренировку, а потом я должен буду с ним дополнительно заниматься. У меня тоже программа... Ну, это вы считаете, что неважно. Я считаю, что спорт важен не только для отличников, для всех. И не только спорт, а вообще жизнь в товарищеском коллективе... Классный коллектив? Ничуть не отрицаю, просто это разные вещи... Но почему, когда его классный коллектив участвовал в «Зарнице», Андрея не взяли? Не знаете? Зато я знаю: из-за двойки по истории. И знаете, что он мне сказал: «Если будет настоящая война, разве на нее тоже не будут брать с двойками?» Глупо? А по-моему, он прав... Ну, педагогику я тоже учил, уверяю вас... Да жалуйтесь, пожалуйста... Хоть в Совет безопасности. Всего хорошего...

Он брякнул трубку на рычаг, обернулся, заметил Сережу и сказал:

— Это не значит, конечно, что можно безнаказанно хватать двойки.

— Я и не хватаю, — слегка обиделся Сережа.

Он и правда начал год вполне прилично, даже троек не получал...

Были в группе еще Валерик и Вовка Воронины. Вовка учился в пятом, Валерик — в седьмом, но оба казались одинаковыми, невысокие, худые, молчаливые и дружные. Это они вместе с Олегом расписали стены мушкетерами, рыцарями, замками и крутобокими каравеллами.

На тренировки Воронины приходили с шестилетним братишкой Вадиком — тот не хотел оставаться дома один. Вадик был такой же спокойный и молчаливый, как братья. К оружию не лез, тренировкам не мешал. Помогал подметать полы и мыть окна. Наконец Вадику сказали, что он может считать себя членом «Эспады», и назначили запасным барабанщиком. Дали нашивку со шпагами и белый капроновый аксельбант.

Из всех ребят Сереже не нравился только Ленька Мосин — сердитый, черный, похожий на растрепанную ворону. Дрался на рапирах он зло, словно был не в спортзале, а шел на абордаж с борта пиратского судна. В первом же бою с Сережей он, не взяв защиту, пошел во встречную атаку, сломал клинок и обломком расцарапал Сережину руку у локтя. Олег бинтовал Сереже локоть и ругал Мосина. Тот развинчивал сломанную рапиру и хмуро огрызался. Сережа на него тогда разозлился.

А потом в коридоре Ленька подошел к Сереже и, глядя в сторону, пробормотал:

— Ну че... Я же не хотел.

— Да ладно, — отмахнулся Сережа.

Ленька постоял рядом, вздохнул и отошел.

Через десять минут он догнал Сережу на улице.

— Ну Серега... Ты не злись.

У него был виноватый вид. И не просто виноватый, а какой-то беспомощный.

— Да не злюсь я, — сказал Сережа. — Что ты в самом деле... Зря ты только скачешь во время боя, как бешеный.

Мосин облегченно улыбнулся.

— Понимаешь, я не могу, если кто-нибудь на меня обижается.

«А сам-то хорош, на всех рычишь», — чуть не брякнул Сережа. Но поглядел на Мосина и промолчал. Ленька был сейчас совсем не злой. Он улыбался по-хорошему, и вообще он как-то даже посветлел: стал не черный, а темно-русый, и глаза у него были теплые, коричневые...

«Интересно, кто из них сегодня придет?» — думал Сережа, шагая по заросшему двору. Ну, Андрюшка Гарц, наверно, уже там. Огонькова не будет, у него бабушка болеет. Воронины появятся, конечно... А из других групп? Прежде всего примчится наверняка «барабанная команда» Данилки Вострецова.

Но самым первым, кого Сережа увидел в клубе, был совсем незнакомый мальчик.

Мальчик стоял в коридоре у окна. Тоненький, белобрысый, нерешительный. В нарядной клетчатой курточке с белым воротничком. Курточка была легкая, летняя, но под ней Сережа заметил плотный голубой джемпер.

«Новичок, — безошибочно определил Сережа. — С мамой пришел».

Никакой мальчишка, если он сам идет записываться в клуб, не станет одеваться, как в театр. А в костюме этого мальчика заметна была женская забота: и принарядить и не простудить. Кроме того, человек посамостоятельнее обязательно уселся бы на удобный широкий подоконник. А мальчик стоял.

Ленька Мосин, а пожалуй, и Андрюшка Гарц прошли бы мимо новичка, задрав нос и помахивая рукой с нашивкой над локтем. И мальчишка, разумеется, смутился бы и с робостью глядел бы на «ветеранов». Но Сережа не любил, если при нем кому-нибудь было неловко или страшно. Ему становилось неудобно за этого человека, и он мучился вместе с ним.

Сейчас, чтобы новичок не застеснялся, Сережа подошел и спокойно, будто между прочим, спросил:

— Записываться пришел?

Мальчик на секунду вскинул синие глаза и тихонько выдохнул:

— Да...

— А почему не заходишь?

Новичок посмотрел на дверь спортзала.

— У меня там мама.

— И она согласна, чтобы ты записался?

Мальчик кивнул.

— Ну, тогда все в порядке, — ободряюще сказал Сережа. И шагнул в зал.

Олег беседовал с женщиной. Он был, как всегда, ярок и великолепен: в малиновых спортивных брюках с белыми лампасами, в оранжевой футболке. Он словно светился на фоне темной стены. Женщина была невысокая, худая, с таким же острым носиком, как у мальчишки. Она беспокойно вертела в руках сумочку. В маленьком спортзале не было никакой мебели, кроме шкафа и узких низеньких скамеечек вдоль стен, поэтому Олег и мать новичка разговаривали стоя.

— Здрасте, — сказал Сережа.

— Добрый день, — откликнулся Олег. — Сделай одолжение, размонтируй две рапиры, они слева в пирамиде. Эти пираты-барабанщики вчера опять сломали два клинка.

— Сделать им деревянные, пусть машут, сколько влезет. А то не напасешься клинков, — сказал Сережа.

— Это мысль, — усмехнулся Олег. И повернулся к собеседнице.

— Извините, я отвлекся. Значит, Мите одиннадцать лет?

— Да, двенадцатый. Он только выглядит помладше. Видите, и я маленькая и отец был невысокий... Но дело не в том, что он маленький, а в том, что слишком уж тихий. Знаете, я сама была отчаянной девчонкой, честное слово. А на него смотрю и удивляюсь. Ведь мальчишка же он, а не девочка. Другие матери сладить не могут со своими сыновьями, а я, вот не поверите, мечтаю даже: ну хотя бы подрался с кем-нибудь!

— Обижают его? — негромко спросил Олег.

— Нет... не обижают. Но, знаете, как-то не принимают всерьез. Если во дворе футбольная игра, он в сторонке. Если крепость строят, он дома сидит...

Она улыбнулась, нерешительно посмотрела на Сережу и вполголоса призналась:

— Мужского воспитания, конечно, не хватает.

«Чепуха, — думал Сережа, развинчивая рукоять рапиры. — У Володьки Огонькова тоже нет отца, а он сам кого хочешь воспитает по-мужски. Это уж от характера зависит».

— Меня тревожит одно обстоятельство, — сказал Олег. — Наши ребята занимаются с лета, они многому уже научились. Вашему сыну придется их догонять. Заниматься старательно, больше, чем другим...

— Он будет! Он мечтает с тех пор, как узнал о клубе.

— Да, я понимаю, — осторожно продолжал Олег. — Хорошо, что мечтает. Но... вы знаете, когда мальчишка не ходит ни в кружок, ни в секцию, ни в клуб, а в школе учится так себе, это в общем-то дело привычное. Но стоит ему записаться и в эти же дни, упаси господи, получить двойку, как родители сразу делают вывод: клуб тебя отвлекает от школы.

— Да не будет его клуб отвлекать, — поспешно возразила Митина мама. — Он дома над уроками все равно больше часа не сидит. Или кораблики клеит, или книжки читает... Значит, запишете Митю?

Олег улыбнулся:

— Я сам не записываю, это совет капитанов решает. Но я думаю, совет не будет возражать. Что могут иметь капитаны «Эспады» против пятиклассника Мити Кольцова?.. Но я должен одно сказать, Ольга Васильевна: у нас не спортивная секция, а простой дворовый пионерский клуб. Мы не готовим спортсменов-разрядников, и вряд ли кто-нибудь из наших ребят станет участником олимпийских игр или хотя бы чемпионом города. Мы занимаемся разными делами, и фехтование у нас просто для общего развития.

— Я понимаю. Не в чемпионстве дело...

— Ну и прекрасно. Сергей, позови, пожалуйста, из коридора человека Митю Кольцова, который, наверно, с трепетом ждет решения своей судьбы.

— Не ждет он с трепетом, — откликнулся Сережа. — Я ему уже сказал, что примут.

Митина мама с благодарностью посмотрела на него. Сережа приоткрыл дверь и кивнул Мите:

— Входи.

Митина мама ушла, и они остались втроем. Ребята еще не начинали собираться. Митя стоял у дверей и, стесняясь, оглядывал разрисованные стены.

— Слушайте, поручик, у меня к вам просьба, — сказал Олег Сереже.

— Да, мой генерал, — в том же тоне откликнулся Сережа.

— С меня райком спрашивает план работы. Если завтра не сдам, повлекут в геенну огненную. Пока у нас тихо, я поработаю в кают-компании, а ты займись с новичком.

— Я? — растерялся Сережа.

— Ну да. А что?

— Но я же... — начал Сережа и наткнулся на требовательный взгляд Олега. Этот взгляд говорил: «Надеюсь, ты не будешь капризничать при новичке?»

— Ну... хорошо, — сказал Сережа. — Ладно. Я займусь.

Олег удалился в кают-компанию. Это была комнатка, где стоял знаменитый диван и хранилось в самодельном шкафу из оргстекла голубое с красными звездами и золотыми клинками знамя «Эспады».

— Начнем, — сказал Сережа, старательно вспоминая, что говорил и как себя вел в таких случаях Олег.

Митя послушно кивнул.

Сережа достал из пирамиды рапиру.

— Возьми... Нет, не так. Ты видел когда-нибудь старинный пистолет с прямой ручкой?

— На картинке, — шепотом сказал Митя.

— Ну, вот. Рапиру держат примерно так же, как этот пистолет. Указательный палец

здесь, у щитка. Этот щиток называется гарда. На этом пальце вся тяжесть рукоятки. Ты его согни, будто он на спусковом крючке. А большой палец — сверху, как на курке, вот так. А остальными пальцами слегка придерживай. Нет, ты не стискивай. Пальцы должны играть на рукояти, как на флейте.

Митины пальцы, тонкие, холодные от волнения, послушно сгибались и разгибались. Сережа, совсем как Олег, продолжал:

— Есть такой фильм — «Скарамуш». Из эпохи французской революции. Фильм так себе, но фехтование в нем поставлено отлично. Ну так вот, там учитель фехтования говорит главному герою: «Шпагу надо держать, как птицу. Если сильно сожмешь — задушишь, если слабо станешь держать — улетит». Понимаешь, противник выбьет...

Митя нерешительно сказал:

— Я слышал, что если на соревнованиях

У нас рапиры,
это колющее оружие.

шпагу выбьют, то это не считается. Сразу бой останавливают.

— Вообще-то да... Но что хорошего, если у тебя оружие вышибли? И это ведь на соревнованиях. А если по правде, в бою? Там таких правил нет.

Митя взглянул ему в лицо. В синих глазах его было удивление.

— Разве бывают сейчас настоящие бои на шпагах?

— Всякое может быть, — солидно сказал Сережа. — Нам Олег рассказывал про один случай в Ташкенте. Там несколько бандитов с ножами напали на спортсменов. А те с эспадронами шли, с тренировки. Эспадрон — это не рапира и не шпага, а спортивная сабля, тонкая такая. Эти ребята-фехтовальщики взяли эспадроны да как принялись за бандитов! Чуть в капусту не искрошили. Повыбивали ножи, притиснули к забору, потом позвали милицию... В общем, было дело.

— Вот это здорово! — сказал Митя. Он оживился и перестал смущаться. — А мы будем учиться на этих... на саблях?

— У нас их нет пока. У нас рапиры, это колющее оружие. Учти, что рапира — основа фехтования... Ну, давай, я тебе покажу исходное положение и боевую стойку.

Исходное положение Митя усвоил сразу. А боевая стойка сперва не получалась. Клетчатая курточка, такая нарядная на первый взгляд, оказалась старенькой и тесноватой. Узкие рукава, аккуратно заштопанные на локтях, не давали рукам свободно сгибаться.

— Сними ты ее, — посоветовал Сережа. — И свитер скинь. И вообще полагается заниматься в спортивном костюме и кедах.

Митя виновато глянул на свои начищенные полуботинки.

— У меня есть. Я не знал... Ну, не думал, что надо будет так сразу.

— Пойдем. Я тебе отыщу кеды. На время.

В комнате рядом с кают-компанией была раздевалка. В несколько рядов там стояли маленькие шкафчики для одежды. Олег раздобыл их в каком-то детском саду, старые, списанные. Мальчишки сначала хихикали над детсадовской мебелью, но оказалось, что шкафчики — вещь удобная. Можно оставлять обувь, тренировочные костюмы, всякую мелочь. Шкафчики были заново покрашены в стальной цвет. Вместо малышовых картинок с морковками, флажками и котятами на дверцах пестрели рыцарские эмблемы — щиты со звездами, кораблями, лилиями, оружием и львами.

— Это у каждого свой знак? — спросил Митя.

— Да.

— И мне... тоже дадут?

— Ты сам должен придумать эмблему.

— Но мне так ни за что не нарисовать.

— Ты, главное, придумай. Валерик Воронин нарисует... Но эмблема — это не сразу. Это когда совет переведет тебя из кандидатов в члены клуба.

— А-а, — сказал Митя слегка разочарованно.

— Да ты не огорчайся. У нас в кандидатах долго не держат.

— А сколько?

— Ну, это как когда... В общем, соберется совет, все тебе объяснят. И про устав и про наши правила. Ты пока главное правило запомни — про оружие. Оно там на стене написано.

— Я уже запомнил. Наизусть, — сказал Митя. Зажмурился и тихонько зашептал. Сережа расслышал последние слова:

— ...если только они не будут настоящими и опасными врагами.

— Вот именно, — хмуро сказал Сережа, потому что вспомнил вдруг потную физиономию и цепкие пальцы Пети Дзыкина.

Но Петя Дзыкин не был, наверно, настоящим врагом. Он был просто собственник и скопидом...

Сережа дал Мите кеды Андрюшки Гарца, и они вернулись в спортзал.

Через сорок минут к ним заглянул Олег.

— Ну как?

— Да ничего, — сказал Сережа. — По-моему, даже хорошо. Для первого раза, по-моему, даже здорово.

— Только не зазнавайтесь.

Митя улыбался смущенно и устало. Рубашка на спине у него взмокла.

— Отдохните, — сказал Олег.

В этот момент хлопнула дверь. Появились Воронины и Андрюшка Гарц. Через минуту за ними с хохотом ворвалась лихая компания четвероклассников Данилки Вострецова. Все как один в летней парадной форме: в рубашках салатного цвета, в белых ремнях на синих шортиках, с блестящими аксельбантами барабанщиков на плечах. Рубашки им сшила Данилкина мама, аксельбанты сплел из капронового шнура Олег.

«Барабанная команда» шумно дышала и поправляла ремни.

— Ишь какие красивые, — сказал Олег. — Закаляетесь, да? И чего это вы при полном параде?

— В школе на сборе были, — объяснил Данилка. — Нас попросили на линейке барабанить. Сегодня сбор про День танкистов. Говорят, у нас форма, как у юнармейцев.

— А сюда чего прискакали? — хитро спросил Олег. — Просто так или по делу?

Данилка украдкой показал кулак своей команде, и пятеро барабанщиков мигом выстроились у стены. Данилка, насадив на золотые вихры берет, вытянулся перед Олегом.

— Товарищ командир «Эспады»! Звено «Юные барабанщики» прибыло для дополнительной тренировки!

Это у него всегда ловко получалось.

Но Олег сказал:

— Шиш вам, а не тренировка. Кто вчера два клинка угробил?

— Мы не нарочно... — жалобным хором сказали барабанщики и дружно вздохнули. А Данилка молчал и вопросительно махал пшеничными ресницами.

— Чего это они без очереди! — возмутился Андрюшка Гарц. — Мы первые пришли.

— А мы младше, — донеслось от барабанщиков.

— Вот и уважайте старших, — отбрил Андрюшка.

— Нечего спорить. Первый бой у меня с Каховским, — решительно сказал Олег. — Он сегодня заработал. Переодевайся, Сергей.

Сережа обрадованно бросился в раздевалку. Данилкина компания в знак протеста удалилась в кают-компанию. Сначала там было тихо, но когда Сережа вернулся в зал, в кают-компании стонал диван и раздавались победные крики.

Олег бросился туда и принес под мышкой главного нарушителя — Данилку. Данилка отбивался и дрыгал ногами. Олег посадил его на шкаф, где хранились маски и нагрудники.

— Сиди и не трепыхайся. А то в шкаф засуну.

— Справились с маленьким, да? — укоризненно произнес Данилка. Подумал и начал потихоньку барабанить каблуками по стенке шкафа.

— Данила! — грозно сказал Олег.

Барабанщики по одному просочились в спортзал.

Митя слегка ошарашенно смотрел на эту суету.

Сережа взял маску и вышел на дорожку. Против Олега.

Они обменялись салютами.

Олег был широкоплечий, среднего роста, но когда он стоял перед противником с поднятой для салюта рапирой, то казался очень высоким, тонким, гибким. И крупное лицо его с большим носом и острыми скулами делалось красивым и строгим. Это был боец, мушкетер...

— Готовы? К бою! — скомандовал Валерик Воронин. — Начали!

Олег был почти неуязвим. Лишь изредка ребятам удавалось зацепить его клинком. И тогда «автор» укола весь день ходил именинником.

Сереже повезло. Начиная осторожную разведку, он вспомнил слова Олега: «Фантазируйте. На одних классических приемах далеко не уедете. Бой — это творчество». «Ладно, пофантазируем», — сказал себе Сережа. Он сделал вид, будто идет в атаку снизу, но хочет закрутить перевод в верхний сектор. Однако делать перевод не стал, а упал на левую руку и направил клинок в нижний край Олегова нагрудника.

Конечно, этот трюк был сплошным пижонством. Но сейчас он удался: рапира упруго выгнулась — укол!

— Ловко, — сказал Олег. — Хотя, конечно, не ново. Эта штука описана еще Проспером Мериме в новелле «Дон Жуан».

— Я не читал, — сказал Сережа.

— Весьма возможно... Продолжим?

Но тут раздался грохот. Это упал со шкафа Данилка. Олег охнул, подскочил, начал ощупывать пострадавшего. Впрочем, Данилка не был пострадавшим, потому что приземлился удачно.

Олег сел на скамейку и взялся за левый бок.

— Если я когда-нибудь получу инфаркт, — печально сказал он, — то исключительно из-за этих юных головорезов. Будьте свидетелями.

Потирая синяк на лбу (налетел на дерево), появился Андрюшка Ткачук. Сообщил, что в «Космосе» новый фильм «Робинзон Крузо» и «мультики». Удлиненная программа.

— Мамка спрашивает: надо билеты оставлять? Только они дорогие, по сорок копеек.

Андрюшкина мать работала в кино кассиром.

Олег обвел взглядом всю компанию.

— У кого деньги есть?

Подняли руки пять человек. Сережа поднял. И Митя — у него был полтинник. Остальные жалобно сопели.

— Ладно, Андрей, — сказал Олег. — Мчись к маме, путь оставит... раз, два, три... десять... четырнадцать билетов. Пропадай моя зарплата.

Домой Сережа пришел вечером. В прихожей его встретила Маринка. Она прыгала и ликовала:

— Динь-динь! А у нас телефон!

— Правда? Тетя Галя, правда, поставили?

— Наконец-то, — со вздохом сказала тетя Галя.

— Почему «наконец-то»? Люди иногда больше года ждут.

— Это я про тебя: наконец-то явился, — объяснила тетя Галя. — Люди-то обедают, когда полагается, а ты целый день скачешь голодный.

— Мы в кино пирожки покупали.

Подошел Нок, встал на задние лапы, а передние взгромоздил Сереже на плечи. Укоризненно посмотрел ему в лицо.

— Соскучился, крокодил? — сказал Сережа. — Ну-ну, только не лизаться.

Он освободился от собачьих объятий, потрепал Нока по ушам и подошел к телефону.

Плоский светло-серый аппарат был похож на модель гоночной автомашины. Если только трубку убрать.

Сережа поднес трубку к уху. В наушнике гудел настойчивый сигнал.

Маринка прыгала рядом. Она весело сообщила:

— А нам уже звонили.

— Кто?

— Папа звонил.

— А чего он звонил?

Тетя Галя сказала из кухни опять со вздохом:

— О чем он может звонить? Снова у Владимира Сергеевича задержится до ночи.

— Они же отчет об экспедиции готовят, — заступился Сережа.

— Вот именно. Не могут ни днем, ни ночью позабыть про свой отчет.

Сережа осторожно положил трубку и пошел к себе в комнату. Нок, стуча когтями, двинулся следом.

За окнами синели сумерки. Недостроенный замок таинственно белел в полутьме, словно декорация приключенческой пьесы, когда спектакль уже кончился.

Сережа погладил Нока и сел на кровать. Окончен хороший день, в котором были товарищи, удачный бой с Олегом, кинокартина с шипучими синими волнами, парусами и джунглями. Звон рапир и смех Данилки Вострецова. Горячие пирожки в буфете (три на двоих), и пока нерешительная, но добрая улыбка новичка Мити Кольцова... И теперь, в одиночестве, Сереже стало грустно.

«Может, позвонить кому-нибудь? — подумал он. — А кому?» И вспомнил: у Генки Кузнечика есть телефон. Только номер какой? Но тут же он вспомнил и номер. Еще давно, весной, Генка объяснял ребятам: «Вот запомните. Тридцать два, ноль два, сорок четыре. Очень просто. Как дважды два — четыре. Только впереди троечка». Про что был разговор, и при чем там Генкин телефон, Сережа забыл, а номер запомнился.

Кузнечик, наверно, удивится звонку. Они с Сережей не дружили и даже приятелями не были. Правда, на той неделе Генка услыхал, что Сереже нужен пенопласт, и на другой день притащил коробку. Ну и что? Кузнечик любому человеку готов помочь, даже незнакомому.

А Сереже Генка нравился. Всегда. Но ведь не подойдешь к человеку и не скажешь: «Ты мне нравишься. Давай сделаемся друзьями». Сережа по крайней мере так не мог. И он лишь думал, давно, с третьего класса, что хорошо бы как-нибудь подружиться с Генкой Медведевым, которого тогда еще не звали Кузнечиком.

Прозвище «Кузнечик» появилось в прошлом году.

В самом конце августа, перед началом учебного года, в школах шли собрания. Было еще жаркое лето. Строгая деловитость учебной жизни не успела лечь на школу. Школа гудела, как большой рояль. Никто не пришел в форме, коридоры и классы расцвели от пестрых платьев, ярких рубашек и разноцветных испанок. Всем было весело, и даже строгая завуч Елизавета Максимовна рассмеялась, когда увидела, что Генка Медведев тащит по коридору большую, с себя ростом гитару.

Он принес ее в класс.

Ребята перед этим хвастались загаром, но теперь стало ясно, что чемпион по загару — Генка. Он все лето прожил в Севастополе и сделался коричневым, как его блестящая гитара.

— Подумаешь. Медведь и должен быть коричневым, — завистливо сказала длинная Люська Колосницына, именуемая обычно Люстрой.

Люстру не поддержали. Уж на кого-кого, а на медведя Генка никак не был похож.

Его затормошили, закидали вопросами:

— Генка, а зачем гитара?

— Ты играть научился, да? Ай да Геночка!

— Ой, да он врет, братцы! Я целый год учился, и то...

— Потому что у тебя таланта, как у курицы... Гена, сыграй!

— Ген, ты правда умеешь? Ну, давай...

Генка кивнул. Уселся на парте, сложив по-турецки ноги, словно покрытые коричневым лаком. Немножко смущенно посмотрел на ребят. У него были продолговатые большие глаза, почему-то похожие на глаза громадного насекомого. И лихо торчал над лбом выгоревший хохол.

Генка постучал пальцами по гулкой гитаре: Тра-та-та, та-та-та, тра-та...
Забренчал на струнах и запел:

Там, где у цветов
головки
Лепестками ветру
машут,
Маленький кузнечик Вовка
Жил да был среди ромашек...

Играл он, конечно, не очень. Просто подыгрывал песне. Но песенка была интересная, целая сказка. Никому не знакомая. И пел он здорово. Негромко, но чисто и весело.

Не был Вовка музыкантом,
Хоть трещал, не умолкая.
Вовка был работник-плотник —
Строил дачи и сараи.

Он пилой работал ловко,
Молотком стучал о доски:
Строил он мосты и лодки,
И газетные киоски...

Дальше рассказывалось, как в руки Вовке попалась золотистая лучинка, и кузнечик выстругал из нее шпагу «просто так на всякий случай». И однажды:

Приземлился на поляне
Злой разбойник и обжора,
Очень страшный и нахальный
Воробей по кличке Жора.

Всякие жучки и божьи коровки прыснули в стороны. А кузнечик остался. Неудобно прятаться, если у тебя шпага. Бессовестный великан Жора хотел тут же проглотить Вовку, но шпага воткнулась ему в язык. И Жора улетел, подвывая не по-воробьиному. А песенка кончилась такими словами:

Чтоб врагам
хвалиться
было нечем,
Не беги
назад от них
ни шага.
Даже если ты кузнечик,
У тебя должна быть
шпага.

Никто не заметил, что в класс вошла Татьяна Михайловна.

— Ай да молодец, Медведев! — сказала она. — Ты, Гена, за лето просто артистом стал.

Генка засмущался и вскочил прямо на парте.

— Да нет... Это не я. Это брат сочинил в Севастополе для ребят. Мы там с ними ялик ремонтировали...

— Ну, ладно. Пора нам о делах поговорить, — сказала Татьяна Михайловна. — А потом расскажешь про Севастополь и про ялик. Садись-ка на место, кузнечик.

И тут все заметили, что Генка и правда похож на кузнечика: в зеленой, как трава, рубашке, а руки и ноги у него — будто сломанные пополам лучинки; и гитара его тоже похожа на туловище насекомого с одиноко торчащей лапой.

— Точно! И правда кузнечик, — развеселились ребята.

— Ой, батюшки! Я, кажется, тебе прозвище придумала! — с шутливым испугом воскликнула Татьяна Михайловна. — Гена, я не хотела.

— Да ничего, — покладисто сказал Генка. — Это лучше, чем Медведь. А то Люстра меня медведем обозвала.

— Отныне считать Медведя Кузнечиком, — заявил Павлик Великанов, очень авторитетный в классе человек.

Так и повелось...

Сережа набрал номер. Он боялся, что трубку возьмут Генкины родители, будут спрашивать, кто и зачем. Но ответил сам Генка.

Сережа сказал:

— Здравствуй. Не узнал?

Кузнечик помолчал. Потом ответил:

— Узнал... Это ты, Сережа?

Он сказал не «Каховский» и даже не «Серега», а «Сережа», и это прозвучало как-то неожиданно, по-дружески. И Сережа обрадовался. Он сам не ждал, что так сильно обрадуется. Но тут же встревожился: в классе было шесть Сергеев.

— Это я, Каховский, — объяснил он.

— Ну да. Я понял, — все так же негромко сказал Кузнечик. — Хорошо, что позвонил.

— Почему хорошо?

— Ну, так просто, — откликнулся Генка теперь оживленнее. — Понимаешь, я сижу один, скучно. И вдруг ты...

— А я тоже так просто. Нам только что телефон поставили, и я вспомнил твой номер. Ты что делаешь?

— Я же говорю: скучаю. Гитару мучаю.

— Ты уже, наверно, здорово научился играть, да?

— Ну, что ты. Я понемножку.

— Слушай, сыграй что-нибудь, — попросил Сережа. Его словно толкнуло. И он загадал: «Если Кузнечик согласится, все будет хорошо». А что «хорошо», и сам не понимал.

Генка согласился сразу.

— Ладно... Я и сам хотел. Ты только трубку не клади, я гитару возьму... Ну вот, все.

И Сережа очень ясно представил, как Кузнечик такой же, как тогда в классе, сидит с гитарой на столе у телефона, прижимает щекой к плечу трубку.

— Ты слушаешь? — спросил Генка.

— Конечно!

— Понимаешь, эта песня... Ее брат придумал, когда в институте учился. Они пьесу ставили про наших летчиков, которые за Испанскую республику воевали. Вот про этих летчиков песня...

Сережа услышал негромкие удары по струнам и затем, гораздо громче струн, очень чистый Генкин голос.

Кузнечик пел отрывисто и печально:

Не трогай,
не трогай,
не трогай
Товарища моего.
Ему предстоит дорога
В высокий край огневой,
Туда,
где южные звезды
У снежных вершин горят,
Где ветер
в орлиные гнезда
Уносит все песни подряд.
Там в бухте
развернут парус,
И парусник ждет гонца.
Покоя там не осталось,
Там нет тревогам конца.
Там путь по горам
нелегок,
Там враг к прицелам приник,
Молчанье его пулеметов
Бьет в уши,
как детский крик...

Теперь Сереже не казалось, что Кузнечик сидит на столе у телефона. Он закрыл глаза и ясно увидел костер на поляне, и Костю у костра, и ребят с оранжевыми от огня лицами, и Генку рядом с Костей. Будто они пели вместе.

... Не надо,
не надо,
не надо,
Не надо его будить.
Ему ни к чему теперь память
Мелких забот и обид.
Пускай
перед дальней дорогой
Он дома поспит,
как все,
Пока самолет не вздрогнул
На стартовой полосе...

Песня затихла. Было слышно, как Генка прижал струны ладонью. Он помолчал и сказал:

— Вот все... Ты слышишь?

— Да, — сказал Сережа. — Это такая песня... Про нее лучше ничего не говорить. Просто слушать и все.

— Брат ее, оказывается, давно написал... А мне спел только сегодня. Это он когда про Чили услышал.

Не трогай, не трогай, не трогай
Товарища моего.
Ему предстоит дорога
В высокий край огневой...

— Про что?

— Про Чили. Ты что, радио не слушал?

— Нет, — смутился Сережа. — Я тут сегодня закрутился с делами...

— Там фашистский переворот! — с неожиданной злостью сказал Генка. — Генералы толстопузые мятеж устроили... Зря он этим гадам доверял.

— Кто?

— Президент Альенде. Они убили его. Обстреливали президентский дворец из танков.

— А я ничего не слышал, — тихо сказал Сережа.

— Брат в июле был в Чили со студенческой делегацией. У него там друзья остались. Он и мне привез адрес одного парнишки, помог письмо написать по-испански. Я все ответа ждал. Теперь уж, наверно, не будет ответа...

Что мог сказать Сережа? Он знал про Чили не так уж много. Знал, что там столица Сантьяго. Что там правительство, которое стоит за рабочих. И что президент Сальвадор Альенде распорядился, чтобы всем-всем детям в этой большой стране каждый день обязательно давали бесплатное молоко: и в городах и в глухих горных деревушках... Видно, не всем нравится, когда у каждого из ребят, даже у самого бедняка, каждый день есть глоток молока.

— ... В общем, все как тогда в Испании, — опять услышал Сережа Генкин голос. — Ты читал книжку «Испанский дневник»?

— Не читал, — признался Сережа.

— А у нас есть... Ты бы пришел ко мне, а? Мог бы взять ее. Если, конечно, хочешь. Ну, не обязательно за книжкой, а так... Ты ведь никогда у меня не был.

— Конечно, я приду, — обрадованно сказал Сережа. — А ты? Ты тоже приходи. Ты ведь тоже у меня не был.

— Ладно! Я знаю, где ты живешь.

— Нет, у нас теперь новая квартира.

— Я знаю, — повторил Кузнечик.

— Откуда?

— Очень просто. Узнал, когда коробку тебе раздобыл. Хотел тебе домой ее принести. Пришел, а у вас никого нет.

— Специально приходил?

— Ну да. С коробкой...

— А где ты ее раздобыл? Я думал, она твоя была.

— У соседа выпросил.

— Нарочно для меня? — все еще не решаясь поверить, спросил Сережа.

— Ага... Послушай, а зачем тебе пенопласт? Не секрет?

— Не секрет, конечно. Я завтра тебе расскажу. Хорошо?

— Хорошо. Тогда до завтра?

— До завтра... Гена... А можно еще раз ту песню?

— Ладно.

... Но если в чужом конверте
Придет к вам черная весть,
Не верьте,
не верьте,
не верьте,
Что это и вправду есть.
Убитым быть —
это слишком.
Мой друг умереть не мог.
Вот так...
И пускай братишка
Ему напишет письмо...

Этой песней Генки Кузнечика хорошо было бы кончить рассказ о длинном Сережином дне. Но не все кончается, как хотелось бы.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Куддус МУХАММАДИ

Весенка-весна

Вздохнул Уктам: зима длинна!
Он вышел в сад, пошел в поля,
Искал весну: нет, не видна!
Деревья спят, и спит земля,
Синеет лед, белеет снег...

Уктама голос — звонче всех.
Он крикнул: «Эй, весна, весна!
Эй, милая весна-красна!
Скажи, когда ж увидим мы
Травой одетые холмы,
Фиалку в зелени густой
И одуванчик золотой!
Приди, скучаем без тебя!
Где повстречаем мы тебя?
Где ты — в ущельях ли, в горах?
Где ты — в пещерах, на буграх?
Таишься, может быть, в лесах
Иль высоко ты в небесах?
Зовет и слушает Уктам.
А что заворошилось там?
И тихо так, едва-едва
Чьи слышатся ему слова?
— В сырой земле я крепко сплю
И силы что ни день коплю.
Я отдыхаю здесь, дружок,
Проснусь, когда наступит срок,—
Исчезнет лед, растает снег,
Увижу в марте белый свет.
Дорогу к людям я найду,
С цветами я к тебе приду,
Букет весенний подарю...
За то, что звал, благодарю,
Приятно знать, что ты нужна...
...И, радостный, сказал Уктам:
— Весна, ой, вёсенка-весна,
Ты приходи скорее к нам!

Перевела с узбекского
Зоя ТУМАНОВА.

ВИКТОРИНА

«Наш друг Польша, наши друзья харцеры»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

22 июля — день рождения Польской Народной Республики. В этом году ей исполняется 30 лет. День возрождения Польши — праздник не только польского народа, но и всех советских людей. Дружба наших народов окрепла в борьбе с фашизмом. Давняя и прочная дружба связывает Союз польских харцеров и Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина. Редакции журнала «Пионер» и газеты харцеров «Свят млодых» объявляют викторину «Наш друг Польша, наши друзья харцеры».

В викторине могут принять участие все читатели «Пионера». Первый приз — бесплатная путевка в Артек на международную смену. Победитель будет жить в одном лагере с польской делегацией харцеров. Пятьдесят самых интересных и хорошо оформленных работ будут отмечены премиями журнала «Пионер», газеты «Свят млодых», польского посольства в Москве и Союза польских харцеров. Награды получат и авторы самых удачных, самых точных ответов на каждый из вопросов викторины.

На конверте не забудь написать: Викторина: «Наш друг Польша, наши друзья харцеры». Обязательно укажи свой адрес, имя, фамилию, возраст.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Итак, вопросы

1

Перед тобой «немая» карта-схема Польской Народной Республики. Расставь на ней названия городов и расскажи хотя бы об одном из них. Чем он знаменит.

2

Какие места в Польше связаны с пребыванием и деятельностью В. И. Ленина?

3

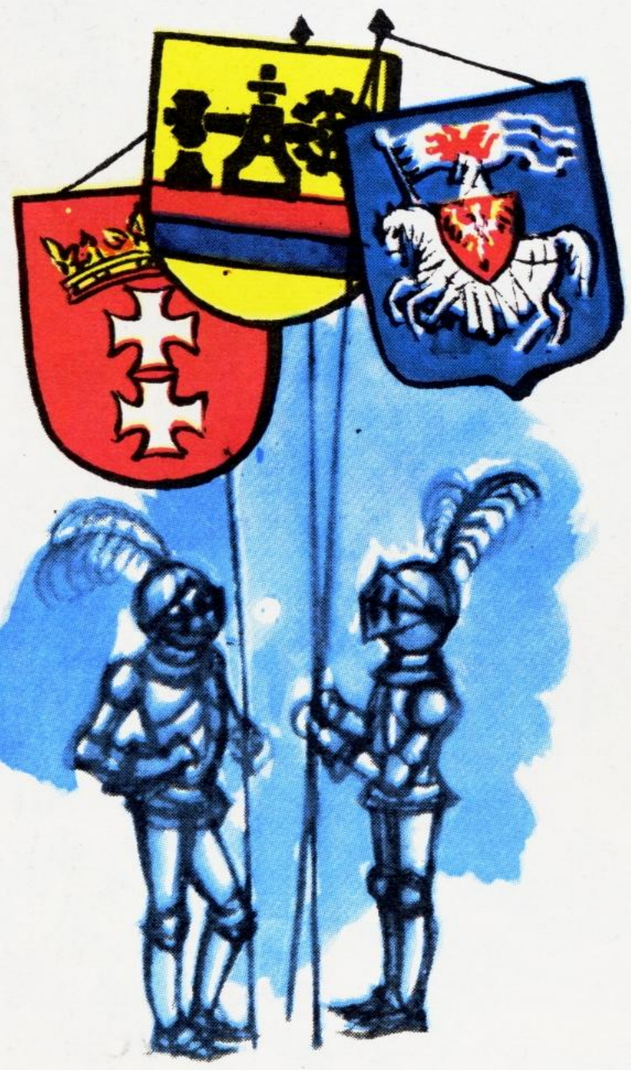
Два миллиона харцеров и зухов носят значки, которые нарисовал наш художник. Какого цвета галстуки носят харцеры? Когда образовался Союз польских харцеров? (Кстати, что означают слова «харцер», «чувай», «алерт»?)

4

Каким городам Польши принадлежат эти гербы?

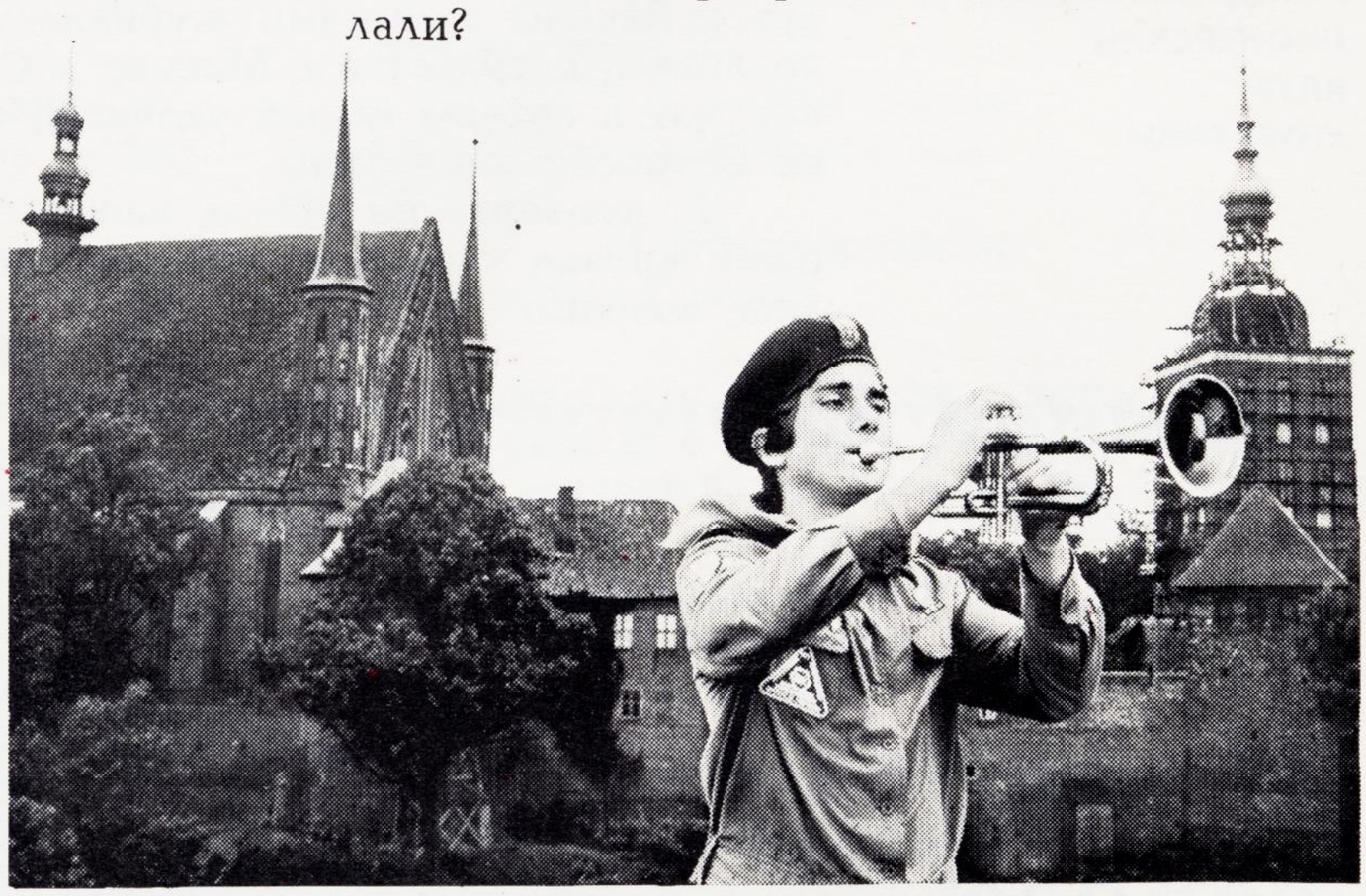

5

В Великой Октябрьской революции принимали участие и польские революционеры. Один из них, член партии большевиков, 23 мая 1924 года, в день принятия пионерской организацией имени Ленина, читал на Красной площади клятву пионеров, и ее повторяли за ним участники пионерского парада. Кто этот человек, что ты знаешь о нем?

6

В прошлом году весь мир отмечал пятисотлетие со дня рождения польского ученого Николая Коперника. Как называлась операция польских харцеров, посвященная этому событию? Над каким городом шефствовали польские харцеры и что они сделали?

7

В Польше есть орден, которым дети награждают взрослых. Как называется этот орден? Кого и за что наградили этим орденом польские ребята?

ВИКТОРИНА

8

В каком городе установлен памятник Фридерику Шопену? Что ты знаешь об этом композиторе?

9

В Новой Гуте есть металлургический комбинат. Когда он был построен? Чье имя он носит?

10

Расскажи о твоем любимом польском писателе. Какие его произведения ты читал, за что их любишь?

11

Каким событиям посвящены эти польские марки и конверты?

12

Многие советские ребята дружат с польскими. Расскажи о твоем друге в Польше.

Ответить на вопросы викторины поможет тебе книга «Харцеры — пионерам», изданная в «Молодой гвардии», журнал «Польша» и номера «Пионера» за 1971—1973 годы. Ответы присылай в «Пионер» не позже 15 мая!

ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ УСПЕХА!

На плоту «Муравьеды» и «Ручейники»

Парус с нашей эмблемой.

Юрий СОТНИК

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Все знают, кто такой геолог. Все знают, что геологи разведывают залежи полезных ископаемых, что без них не обходится ни одно крупное строительство. Но вот есть профессия гидролога. О ней мало кто знает.

Геологам достаточно всего один раз как следует изучить ту или иную местность: строение земной коры практически не меняется. Теперь предположим, что решено построить водохранилище на какой-нибудь большой реке. Если спроектировать плотину только по данным, полученным за один год, можно сделать непоправимую ошибку: или плотина окажется слишком большой, а гидростанция слишком мощной и ей постоянно не будет хватать воды, или, наоборот, водохранилище, спроектированное по данным засушливого года, в нормальный год переполнится, городам и поселкам на его берегах будет грозить затопление. Вот и получается, что за рекой и за всем ее бассейном надо вести наблюдения не год, не два, а десятки лет.

Теперь вам понятно, как важно накапливать «про запас» сведения о всех речках и водоемах? Мало ли какую роль им придется играть в нашем народном хозяйстве через несколько лет. Взять хотя бы ту же Верхнюю Волгу. Здесь мало промышленных предприятий, вода в реке чистая... Ученые уже поговаривают о том, что в будущем здесь следует создать водохранилище, которое станет снабжать питьевой водой Москву, когда потребность столицы в такой воде возрастет.

Вот об этом минувшей весной разговаривали два человека: учитель 717-й московской школы Николай Николаевич Щербаков и Яков Львович Готлиб — главный гидролог института «Гидропроект» — того самого института, который проектирует наши гигантские ГЭС, каналы, искусственные моря.

Николай Николаевич ведет уроки труда. Но, кроме того, он еще и страстный путешественник, приобщивший ребят к своему увлечению. Некоторое время назад он раздобыл для школы списанные камеры от колес больших самолетов и теперь каждое лето путешествует со своими учениками на плоту, построенном из этих камер. Путешествует главным образом по Верхней Волге, потому что места здесь довольно

Сейчас плот окажется в воде.

глухие, еще не освоенные туристами.

Главный гидролог огромного института и педагог пришли к такому соглашению: Николай Николаевич предложит своим ребятам заняться гидрологическими исследованиями, а специалисты института расскажут путешественникам, как это делается, снабдят их необходимыми измерительными приборами.

Весть об этом соглашении обрадовала ребят.

Пожалуй, только одним были недовольны некоторые новоиспеченные гидрологи. Им предложили взять на учет и обследовать только родники, бьющие из-под земли по берегам Верхней Волги. Некоторые ребята говорили, что следует замерить расход воды и в самой Волге и в ее больших протоках, но Николай Николаевич твердо сказал, что и родников на первый раз хватит, дай бог и с этим справиться.

❊

11 июня 1973 года двадцать два наших путешественника с Николаем Николаевичем во главе двинулись в путь. Я отправился с ними в качестве корреспондента журнала «Пионер».

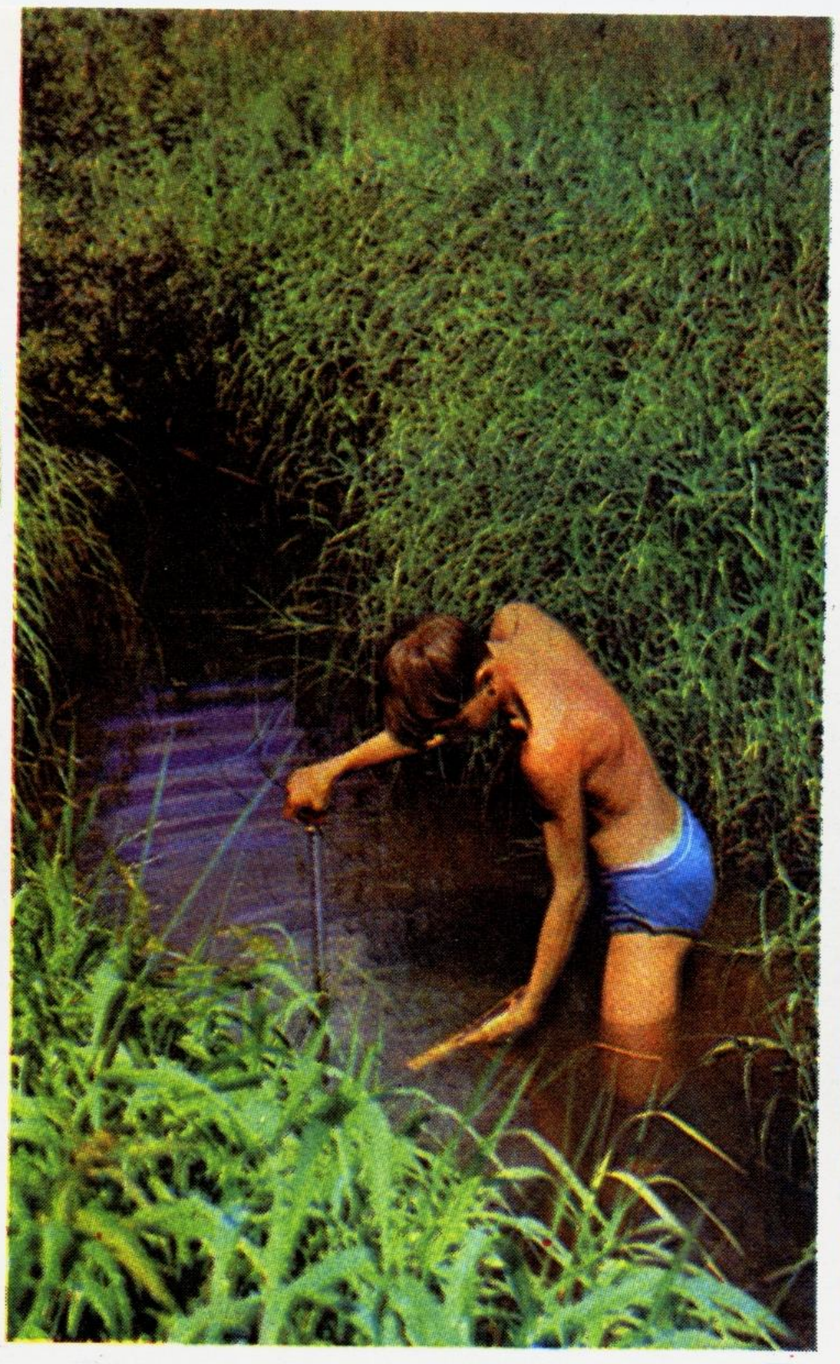
Под вечер автобус с путешественниками и грузовик с деталями плота остановились на лугу недалеко от деревни Большая Коша. Это было место, от которого Николай Николаевич обычно начинал свои походы.

Большинство ребят путешествовали уже не первый год и оказались опытными туристами. В считанные минуты были поставлены большие разноцветные палатки, принесена груда хвороста из леса, запылал костер. У старосты похода Андрея Глагольева уже был готов список дежурных: кому сегодня готовить ужин (3 человека), кому и в какие часы охранять лагерь ночью (два человека, по два часа), кому кашеварить завтра. Началась лагерная жизнь, а с ней подготовка к отплытию.

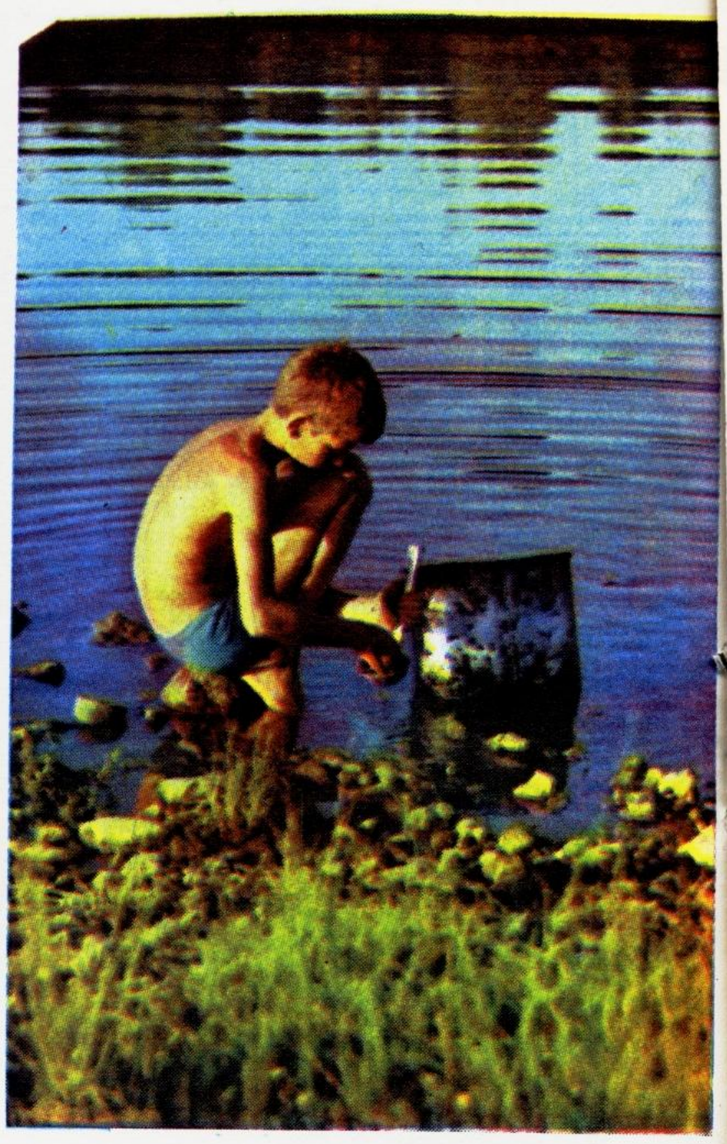
Старшие ребята сколачивали у самой воды раму для плота, а мальчишки помладше накачивали баллоны. Новичками, впервые попавшими в поход, были ребята помладше. Вот им и пришлось убедиться, что это за работенка — накачивание баллонов. Баллоны, повторяю, были не от автомашин, а от самолетов. Чтобы накачать некоторые из них, нужно было две тысячи раз поднять и опустить тугой поршень автомобильного насоса. Сущим бедствием для новеньких оказалась чистка бачков, в которых варили кашу. Собственно, я назвал бы эти штуки не бачками, а баками: ведь каждый из них вмещал от одного до трех ведер воды. Чистка бачков была обязанностью дежурных, а Николай Николаевич требовал, чтобы каждый бачок был вычищен до металлического

Измерение глубины ручья.

Дежурный драит бачок.

На рисунке — несложные приборы, необходимые гидрологам. Вверху—вертушка для измерения скорости течения. Как видите, это маленький пропеллер, на оси которого есть датчик электрических импульсов. Вертушка погружается в ручей (против течения). С каждым оборотом она посылает по проводу импульс, который поступает в счетчик импульсов (он изображен над вертушкой). По количеству импульсов в минуту определяют скорость течения. Под вертушкой — более простые приборы для той же цели: поплавки из пенопласта или дерева, окрашенные в яркий цвет. Их бросают в воду, засекают время по секундомеру и определяют, с какой скоростью они прошли определенное расстояние. Термометр можно взять обыкновенный, для ванны. Укрепить его в бутылке от молока, на дно которой положена вата. Бутылку опускают в воду на три минуты, вытаскивают, не выливая воды. А в самом низу — тяжелый белый металлический диск диаметром 30 сантиметров. Через отверстие в центре пропущен шнур. По всей длине его через каждые десять сантиметров завязаны узелки. Шнур погружают с теневой стороны плота и замечают, на какой глубине его еще можно разглядеть. Так измеряют прозрачность воды.

блеска (это после копчения его на костре!).

Мне интересно было наблюдать, как по-разному переносят это испытание новички. Новичок Леша Филиппов надраивал бачок примерно в течение двух часов. Пять раз он приносил бачок к Николаю Николаевичу, и каждый раз тот указывал ему на какое-нибудь темное пятно.

— А это что? Давай чисть!

Леша крякал, как утка, но все же находил в себе мужество улыбнуться и продолжал тереть бачок пучком травы, смешанной с мокрым песком.

Другой мальчишка попросту заплакал, когда ему в третий раз предложили повторить чистку бачка. Имени его я называть не буду.

Под вечер четвертого дня плот был готов: сверху к построенной старшеклассниками деревянной раме в два этажа прикрутили проволокой надутые баллоны. Потом все путешественники собрались вместе, поднатужились, поставили плот на попа́ и плюхнули его в воду баллонами вниз.

После ужина началась погрузка. До позднего вечера ребята тащили с косогора на плот мешки с картошкой, ящики с хлебом, консервами, крупами... Утром ко всему этому присоединились свернутые палатки, спальные мешки, рюкзаки и три ненавистных, но необходимых бачка. Посреди плота образовалась гора высотой в человеческий рост, и на верхушке этой горы, казалось, в самом безопасном месте, стояли рядышком барограф и гигрограф.

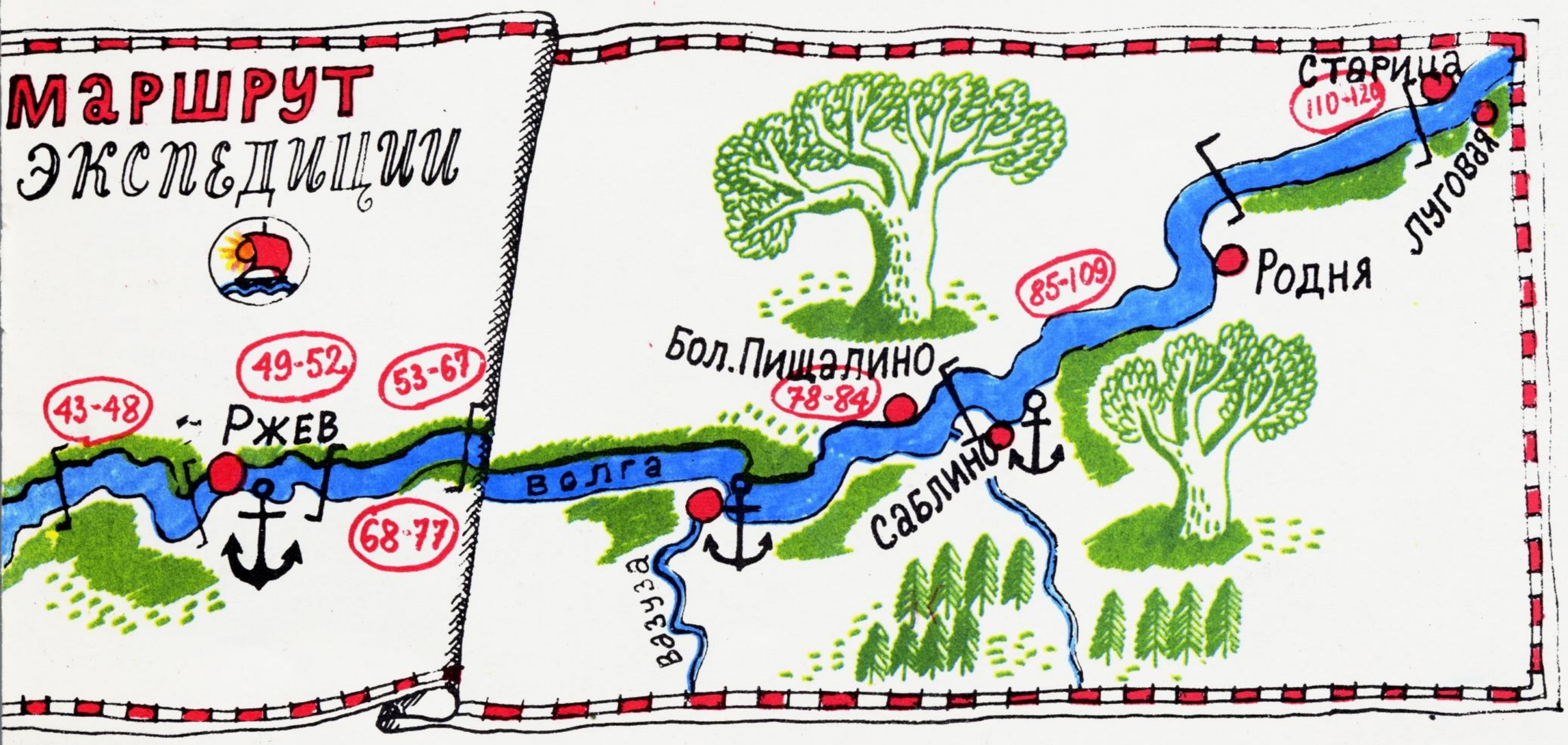

Переход через Бенский порог.

Барограф — аппарат, записывающий на бумажную ленту изменения атмосферного давления, гигрограф — прибор, регистрирующий таким же образом изменение влажности воздуха. Ведь всякое изменение режима рек, озер и других водоемов тесно связано с погодой, следовательно, и с такой наукой, как метеорология. Поэтому, чтобы стать гидрологом, надо овладеть методикой работы с такими аппаратами.

Надо сказать, что члены экспедиции делились теперь на две группы. Одни продолжали операцию «Муравей» и работали главным образом во время стоянок, обследуя ближайшие леса. В свое время кто-то их назвал муравьеведами, потом такое название подсократили, и муравьеведы превратились в муравьедов. Гидрологов же нарекли ручейниками.

И вот состоялось отплытие. Часть муравьедов села на плот пассажирами, двое из них стали на вахту у носового и кормового весел и по команде Николая Николаевича вывели плот на фарва-

тер. Трое ручейников сели в байдарку.

Мало кто знает, что Волга в своих верховьях не похожа на ту Волгу, какой мы ее представляем, — на могучую, величавую реку. Здесь это узкая, метров в пятьдесят речушка, извилистая, быстрая, со множеством перекатов и даже порогов. На самом большом пороге — Бенском — плот несся с такой скоростью, что на каждое рулевое весло пришлось поставить по два гребца.

После волнующего перехода через этот порог остановились на ночлег, стали разгружать свои рюкзаки, и тут один из путешественников столкнул нечаянно барограф и гигрограф в воду. Приборы быстро выловили. Когда они подсохли, барограф, бывший на попечении Леши Филиппова, продолжал работать как ни в чем не бывало, а гигрограф, порученный Максиму Пшеничникову, отказал: что-то испортилось в часовом механизме. Мастер на все руки Леша взялся помочь товарищу. Он копался в гигрографе полдня, как вдруг над ним раздался голос Николая Николаевича:

— Леша! А ты новую ленту в барограф зарядил?

— Ах, извините, забыл! — воскликнул Леша и побежал к барографу.

Вскоре тот же Леша Филиппов нашел молодого грача с перебитым крылом. Грача взяли на плот, назвали Яшкой, стали лечить как могли. И самым старательным лекарем и сиделкой был Леша. Но чем больше он нянчился с грачом, тем чаще раздавался грозный окрик Николая Николаевича:

— Леша! А как барограф?

И все чаще слышалось в ответ:

— Ах, простите, забыл!

У того самого Леши, который так мужественно выдержал испытание с бачком, не хватало терпения аккуратно менять ленту в барографе, заправлять чернилами самописец, заводить часовой механизм.

Ручейники, двигаясь на байдарке, то отставали от плота, то обгоняли его. Заметив ручей, они останавливались. Леша Пешков с помощью рейки измерял ширину ручья и его глубину в нескольких местах. Потом, вычислив среднюю глубину и помножив ее на ширину, он узнавал сечение ручья. Андрей Черкунов устанавливал в струе ручья вертушку.

На привале, помножив скорость воды — ее показала вертушка — на площадь сечения ручья, ребята определяли расход воды, узнавали, сколько ее вливается каждую секунду в Волгу. Помимо этого, измеряли температуру каждого ручья.

Пожалуй, свыше сотни километров прошли ребята таким образом на байдарке. Но однажды Леша Пешков отправился за продуктами в ближайшую деревню и по дороге обнаружил несколько ручьев, бежавших к реке. Плывя в свое время на байдарке, ребята их почему-то не заметили. Леша прошел вдоль ручья до самой реки и понял, что место впадения его в Волгу скрыто под зарослями ракит. Устья же других не замеченных с лодки ручьев терялись в густой осоке.

Ручейникам стало ясно, что надо идти пешком. И ребята пошли. Они пробирались сквозь заросли, хлюпали по болотам, скакали по ухабам, но зато не пропустили теперь ни одного ручья.

И все-таки настроение у ребят упало: добрую треть пути они работали неправильно и теперь не могли похвастаться точностью полученных сведений.

Об этих неудачах Николай Николаевич поведал Якову Львовичу, когда вернулся в Москву. Но главный гидролог сказал, что даже те неточные сведения, которые собрали ребята о ста двадцати родниках, могут оказаться полезными для гидрогеологов (есть и такая профессия). Они дадут им примерную картину распределения грунтовых вод вдоль берегов реки.

И все-таки читатели могут меня спросить: собственно, зачем вы рассказываете нам о ребятах, которые

а) нечаянно утопили приборы;

б) не нашли в себе выдержки, чтобы регулярно менять ленту у барографа;

в) прошляпили на своем пути несколько родников.

Вы что пишете: фельетон или хвалебный очерк?

Хвалебный очерк, отвечу я. Я очутился на плоту вместе с мальчишками, которые впервые взялись за важное и трудное дело. И я понял, сколько огорчений предшествует успехам, о которых пишут потом. В будущем году эти ребята снова двинутся в путь по тому же маршруту, и они уже не повторят своих ошибок.

Сейчас они вели разведку боем, только разведали они не огневые точки противника, а собственные слабые места.

Возможно, эта разведка окажется полезной и для вас, если вы решите заняться гидрологией.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сейчас весна. Кажется, далеко еще до летних походов. Но именно сейчас надо позаботиться, чтобы ваш будущий поход был не просто прогулкой. Короче — **надо получить интересное задание и маршрут.** Как это сделать?

Обратиться в краеведческий музей, отделение общества охраны природы и общества охраны памятников истории и культуры, лесничества, управление гидрометслужбы и геологическое управление, станции юных натуралистов и туристические станции — везде вам помогут продумать маршрут, снаряжение, дадут задание.

ГОВОРИТ ДЕЛЕГАТ XVII СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

Как копейка 100 000 рублей сберегла

Радиолампы, которые мы собираем, совсем маленькие. Самые крупные — с мизинец. Но без них не поднимется в воздух самолет, не засветится экран телевизора, глаз локатора корабля не увидит в ночи тайные рифы.

За год мы делаем почти миллион таких лампочек. Каждую собираем из ста деталей. А нам обычно выдавали не сто, десятка на полтора больше — на случай, если при сборке какая-нибудь повредится.

Опытные работницы, конечно, мало расходовали запасных деталей. Вот если бы так работали все, тогда, сэкономив хотя бы копейку на каждой радиолампе, мы могли бы сберечь за год около десяти тысяч рублей.

1 коп. × 1 000 000 = 1 000 000 копеек = 10 000 рублей.

Но дело это непростое.

Перед началом третьего, решающего года пятилетки мы решили: пусть самые ловкие, аккуратные сборщицы научат так же хорошо работать своих подруг. Мы стали оставаться после работы в цеху. У каждой учительницы было по четыре ученицы. Целый месяц одни добросовестно учили, другие настойчиво овладевали мастерством.

Все быстрее и аккуратнее работали сборщицы, все меньше тратили они запасных деталей. Мы столько сэкономили запасных деталей, что один час в неделю могли собирать лампы только из них. Дальше — больше. Уже целый день в месяц мы работали на сэкономленных материалах.

Когда в конце прошлого года подсчитали, оказалось, бригада тринадцать дней работала, пользуясь теми деталями, которые мы сберегли.

Вскоре так же, как мы, стал работать весь цех. А в цеху десять бригад. И оказалось, что за год мы все вместе сэкономили сто тысяч рублей.

1 000 000 коп. × 10 = 10 000 000 коп. = 100 000 рублей.

А началось-то с копейки. Помните?

Для чего я вам все это рассказала, ребята? Чтобы вы уже сейчас приучали себя к бережливости. Беречь народное добро—дело не только взрослых. Присмотритесь-ка повнимательнее к так называемым мелочам. Один из вас позабыл свет погасить на кухне — лампочка горит понапрасну, другой от нечего делать на лифте катается вверх-вниз, третий жжет спички без надобности, четвертый испишет пару страничек в тетрадке, что-нибудь не понравится — начинает новую. Иной скажет: «Подумаешь, это все копейки!» Но вот на примере нашей бригады вы теперь убедились, как одна копейка целых десять тысяч рублей сберегла.

Теперь мы решили работать еще лучше, еще бережливее и закончить четвертый год пятилетки досрочно. В дни XVII съезда комсомола наша бригада обязалась выпускать радиолампы только из сэкономленных деталей.

Ребята, вас миллионы, и, если каждый станет бережливее, представляете, какая будет выгода для страны, для всех нас!

Галина АРЕФЬЕВА,
лауреат премии Ленинского комсомола.

Журнал в журнале.

Печатает только тебя.

Вера КОЛЯКОВА к празднику 8 Марта сочинила стихотворение для своей мамы. Стихотворение получилось короткое, но все самое главное в нем поместилось. Вере 10 лет, она из Магнитогорска.

* * *

Мама друг мой лучший,
Словно солнца лучик!

❊

ЛЕНУ АНДРЕЕВУ многие читатели «Кораблика», наверное, помнят: мы печатали ее стихи. Лене сейчас 14 лет, живет она в селе Бердюжье, Тюменской области.

Рыжая

Девчонку «рыжей»
прозвали,
И все над ней хохотали,
Кричали: «Рыжая! Рыжая!»
Ну что может быть
обиднее?

Девчонка в себе
замкнулась,
Обиделась, отвернулась,
Молча села за парту
И не сдержалась —
заплакала.

Не встал за нее мальчишка
(про которого пишут в
книжках),
Защищая от смеха злого.
Нет, не нашлось такого.

Грустное стихотворение получилось на этот раз у Лены... Но вот что удивительно: в тот же самый день из той же Тюменской области пришло в «Кораблик» еще одно стихотворение и тоже о том, как мальчики относятся к одноклассницам. Только это стихотворение радостное. Написала его семиклассница **ОЛЯ ИГНАТОВА.**

Подарок

Окошко украшая белым
цветом,
Стоит черемуха в стакане на
окне.
Мальчишки веточку сорвали
где-то
И в школе у дверей отдали
мне.

❊

«Родился я в городе Дудинке, на Крайнем Севере, на полуострове Таймыр. Я приехал учиться в Гомель, к бабушке и дедушке, но своего родного Севера я все равно никогда не забываю и часто думаю о нем».

Из письма Вани ЛЕБЕДЕВА.

О Севере

Я стою, запорошен в снегу.
Как давно я не видел пургу!
Здесь весь город без снега совсем,
Не катался я на лыжах ни с кем!

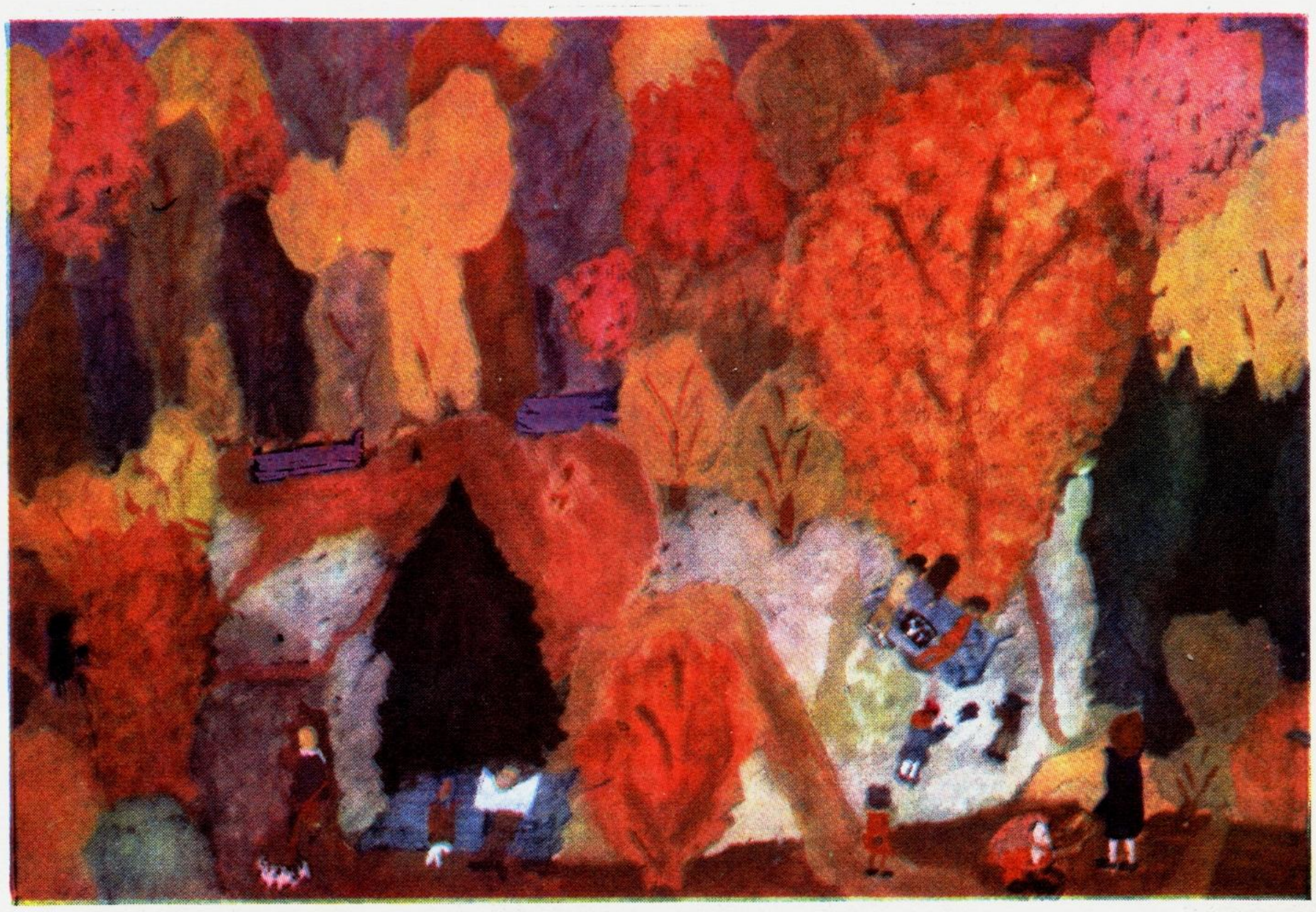
Хорошо бы промчаться сейчас
На коньках да на лыжах хоть
раз!
Но снежок весь растаял, уплыл,
Его ветер угнал на Таймыр...

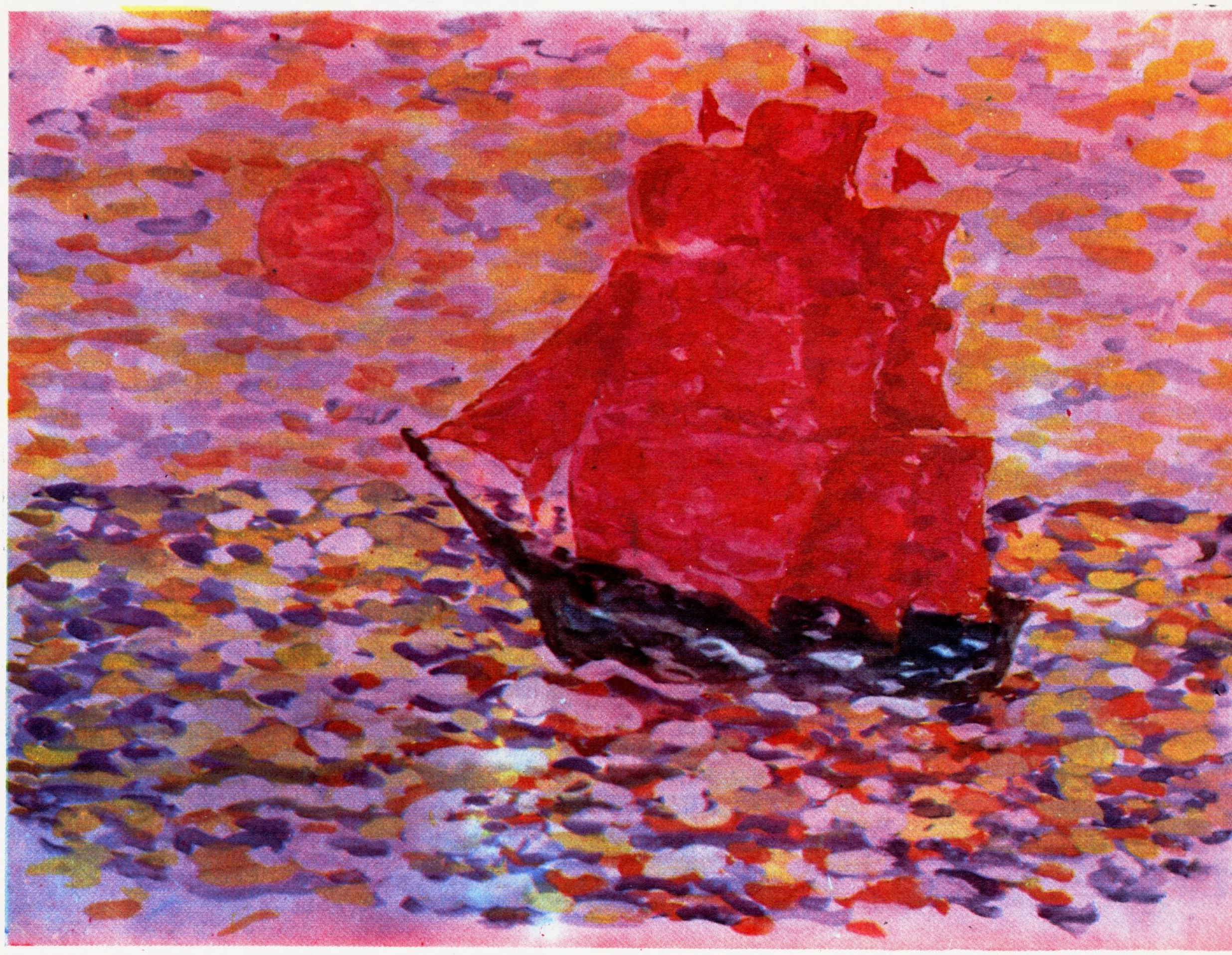
«Кораблику» неизвестно, видела ли **ТАНЯ ДАВИДЕНКО** живого варана или прочитала о нем в книжке, но ее стихотворение всем понравилось.
Тане 8 лет, живет она в городе Саратове.

Варан

В пустынях жарких,
В кустиках саванн
Живет огромный
ящер—
Большой варан.
Он жертву убивает
Сильным хвостом,
Захватывает пищу
Огромным ртом.
Он бегает быстро,
Быстрей газели.
Хотя он неуклюж на
вид —
Проворнее форели.
Когда опасность —
бьет хвостом,
Пищит, шипит и злится.
А крик его похож на
тот,
Когда поет синица.

Сейчас весна, март —
синее небо, веселое солнце,
а Гриша Лихшер
нарисовал осень.
Каждое дерево
как цветок —
красный, или желтый,
или золотой.

Редакция «Кораблика» все хотела объявить конкурс на самую красивую эмблему, но пока собирались да решали, в каком номере объявлять конкурс, Коля Козлов нарисовал картинку «Алые паруса». Как считаете, оставим ее эмблемой нашего журнала в журнале или объявим конкурс?

РАХИДИН ЭМИНОВ живет в селе Ахты. Он очень любит наблюдать природу. Вот его рассказ, который он назвал

БЫЛЬ

Это было в феврале, когда я был в лесу с отцом. Мы пилили дрова. Вдруг вижу — на снегу лежит куча сосновых шишек. Все шишки без семян. Кто-то их клевал. Посмотрел я вверх на дерево — да ведь это не сосна, а осина! На осине сосновые шишки не растут. Значит, кто-то натаскал их сюда. Осмотрел я со всех сторон дерево, гляжу, повыше, между сучьев, такая же сосновая шишка, как те, что на снегу валяются.

Вдруг вижу: к дереву летит небольшая птица. Сразу я узнал, что это дятел. Перья у него черные с белым, а на голове черная с красной полоской шапочка. Летит дятел, а в клюве несет сосновую шишку. Прилетел и сел на осину, да не на ветку, как все птицы, а на ствол. Зацепился за кору острыми когтями, а снизу еще хвостом подпирается. Перья и хвост у него крепкие! Сунул дятел свежую шишку в ту щель на осине, а старую вытащил клювом и выбросил. Потом начал выклевывать из шишки семена. Выклевал семена и полетел к соснам за другой шишкой. Вот почему под осиной лежало столько сосновых шишек.

Долго смотрел я на дятла, как он своим клювом семена достает, смотрел и думал: ловко это у дятла получается! И сам сыт, и лесу польза. Не все семена он склевывает, многие падают на землю. Одни погибнут, а другие весной прорастут. Стал я вокруг смотреть — маленькие тоненькие сосенки из-под снега виднеются. Их так много, что не сосчитать. Кто же их посеял? Конечно, это дятел. Пройдет тридцать — сорок лет, и вырастет на этом месте сосновый лес. Такая от дятла польза!

СЫН ОХОТНИКА

Владимир ВИШНЯКОВ

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

Медвежонок был баловной. Он убежал от матери на солнечный склон сопки, где на проталинах уже пробивались первые травинки, и стал их обкусывать, нюхая землю, еще сырую и холодную после снега. Он недавно только родился и не успел еще привыкнуть к своей жизни, и всему радовался, и удивлялся, и со всеми играл — с послушными цветками и нахальными мухами, с птицами, глазевшими на него с веток, и с круглыми червяками, немо таившимися под камнями. Его глаза, похожие на черные ягоды, еще не видели далеко, как у больших медведей, и не замечали синего моря гор, волнами катившегося к горизонту. Они смотрели только на близкие небольшие вещи, и сердце медвежонка сильно тукало в груди от постоянного волнения и любопытства.

Травинки были вкусные. Медвежонок, урча от наслаждения, сосал их нежные побеги и переваливался по склону мохнатым мячиком, катясь от проталины к проталине.

— Глянь-ка, батя,— тихо сказал Витька.

Они только что вышли из лесу, чтобы здесь на припеке отдохнуть после утомительного подъема в гору и оглядеться. Макар Ильич прислонил ружье к дереву и с удовольствием сбросил с плеч мешок. Услышав возглас сына, он поднял глаза и замер. Потом схватил ружье и взвел курки.

— Что ты!— вскрикнул Витька.— Зачем?

— Молчи! — коротко приказал отец.— Молчи и не двигайся.

Лицо его сделалось хмуро, и жесткие глаза шарили вокруг, как два взбудораженных сыщика.

— Не надо,— прошептал Витька.

Медвежонок поднял морду. Он смотрел на людей своими глупыми, веселыми ягодками, маленькие дуги его ушей ловили незнакомые звуки человеческих голосов. Он внимательно изучал очертания двух фигур, большой и поменьше,— таких он никогда еще не видел в лесу. Хрюкнув, медвежонок поднялся на дыбки, чтобы стать выше и лучше видеть. Он стоял, покачиваясь и склоняя голову набок, Витька не выдержал и хихикнул.

— Топай сюда, я тебе булки дам,— сказал Витька, но в этот миг мощный вздох наполнил поляну, сбоку из кустарника выдвинулась громадная туша медведицы, и Витька почувствовал, как напряглись руки отца, сжимавшие ружье, а сам он забыл дышать и моргать глазами, оледенев от неожиданности.

Медведица вздыбилась, мгновенным взглядом окинула поляну и рявкнула так, что у Витьки что-то оборвалось внутри.

Большущий зверь присел, и в следующую секунду он был уже рядом, словно на его могучих плечах выросли вдруг два колоссальных крыла. Волна звериного запаха накрыла Витьку, в глазах у него помутилось. Будто сквозь сон, услышал он слабые и очень далекие хлопки выстрелов.

— Ну,— тряс его за плечи отец.— Ну, Витек, кончено.

Витька медленно выплывал из забытья. Сколько прошло времени — секунда, час, сутки,— он не мог бы сказать. Время слиплось в бесформенный плотный комок.

Когда из мутного круга, вертевшегося перед глазами, появилось и обрело наконец черты передернутое улыбкой лицо отца, Витька встал, качнулся в сторону и снова опустился на землю. Его стошнило.

Отец протянул ему фляжку.

— Это ничего,— сказал отец, неестественно похохатывая.— Ничего. Зато глянь. Ты только глянь, какова тетя.

Темно-бурая крупная медведица лежала в двух метрах, распластанная на брюхе, с вытянутыми вперед лапами. Ее глаза были открыты и блестели, как стеклянные. Ясное утро обещало солнечный день.

На ухабах встряхивало, и туловище медведицы, переполнившее телегу, вздрагивало и

колыхалось. Буланый, чуя зверя, храпел и косил назад безумным глазом. Макар Ильич время от времени вытягивал коня кнутом, возвращая к действительности — простой и смирной его работе. Витька сидел на краю телеги и жевал булку с колбасой.

— А ты струсил,— повернулся к нему отец.— Признавайся, струсил?

— Ага,— великодушно признался Витька.— А ты?

— И я тоже,— сказал отец.— Ты знаешь, я ведь с закрытыми глазами стрелял,— добавил он через некоторое время и взмахнул кнутом.

Потом он опять повернулся к сыну, и они принужденно засмеялись.

У ног Витьки свернулся под рогожей убаюканный тряской медвежонок.

Весть о происшествии в горах мгновенно облетела наш поселок. По нынешним временам это было событием необыкновенным. В последние годы медведей в окрестных горах сильно поубавилось. Уходили они от шума стройки, развернувшейся в долине, уходили в глубь тайги, в горы, где еще дремала чуткая первобытная тишь. Не любят звери нашего шума, непонятны им великие наши заботы и хлопоты.

Посмотреть на медвежонка приходили многие.

— Ххе-е!— качнул головой участковый милиционер Филимонов, наблюдая, с какой серьезной деловитостью и младенческим наслаждением медвежонок сосет молоко из бутылки.— Надо же, такой маленький, а медведь.

— Это медведица,— сказал Макар Ильич, вытирая полотенцем лицо, только что умытое после работы.

— Надо же,— повторил милиционер.

— Мишка-Машка. Такая у нее кличка теперь.

— Мишка-Машка. Ххе-е!— снова удивился Филимонов и вдруг стал серьезен.

— Вот что, Макар,— сказал он.— Дело такое, придется тебе объяснение написать, по какой надобности медведицу ухлопал, ейную, значит, мать,— кивнул он на Мишку-Машку.— А то с прошлого году на медведей запрет вышел в нашей области. Мало будто бы их осталось. Будто они нужны кому, ххе-е! Так вот ты уж напиши. Чтоб по всей форме было, справедливо и чисто. По причине, дескать, самообороны.

— Будет сделано,— кивнул Макар Ильич.— Мы тоже служили, армейский порядок понимаем. Заходь, Филимонов, чайком побалуемся али еще чем. Под медвежатинку-то,— подмигнул приятелю Макар Ильич.

— Это можно,—тронул ус Филимонов.

Всходя на крылечко, он оглянулся на стену сарая, на которой распялена была для просушки шкура медведицы. Тщательно выскобленная мездра белела на солнце.

— Полтонны в ей было, не меньше,— охотно восхитился он.— Силен ты, Ковалев.

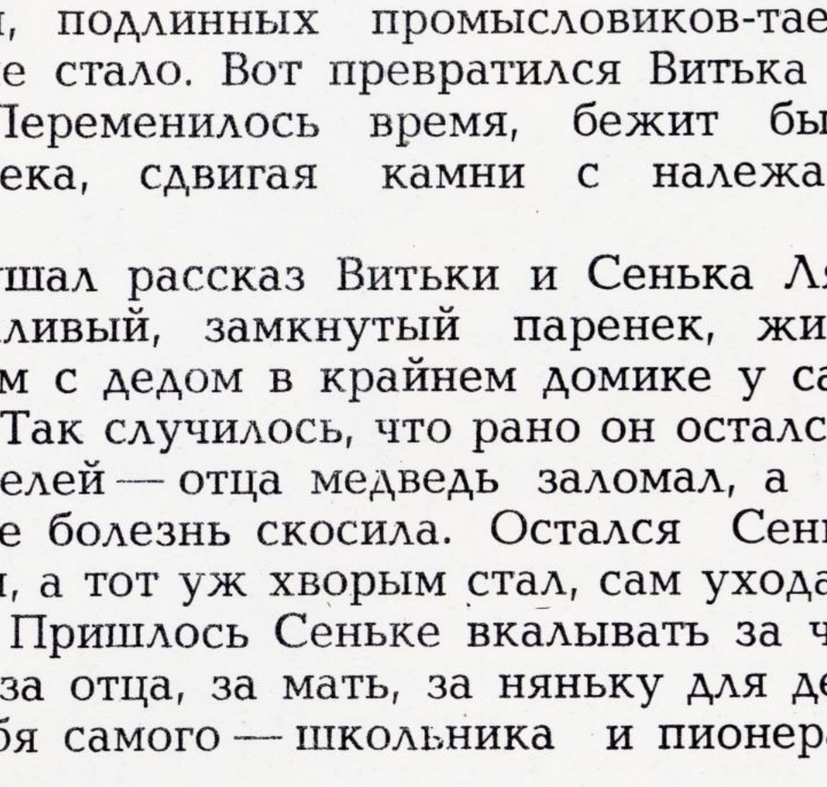
Витька Ковалев стал сразу знаменитым человеком среди наших подростков. Солидно, смакуя подробности, описывал он приключение в горах. Постепенно короткая и простая история превратилась в пространную, увлекательную повесть, в которой он — Витька — представал опытным и хладнокровным охотником, не только не растерявшимся в минуту опасности, но выказавшим тонкое знание медвежьих повадок и ловкость в обращении с ружьем. Витька не врал, что он стрелял по медведице,— это уже было бы слишком, но все выходило у него так, что если бы не он, не его мужество и находчивость, то неизвестно еще, чем окончилась бы встреча с разъяренной медведицей.

— А не врешь?— подденет Витьку кто-нибудь из мальчишек.

Но Витька только смерит скептика взглядом, хмыкнет и продолжает заливать.

Еще лет десять — пятнадцать назад Витьке ни в коем случае не удалось бы стяжать себе столь сомнительную славу. В те времена ребятишки наши сызмальства становились охотниками, прекрасно знали тайгу, отлично стреляли и зверя и птицу, ходили на промысел со взрослыми. Многим и с медведями приходилось встречаться. Дело это было обыкновенное. А сейчас, когда зверь отошел от нас, и люди отошли от настоящей охоты, подлинных промысловиков-таежников не стало. Вот превратился Витька в героя. Переменилось время, бежит быстро, как река, сдвигая камни с належанных мест.

Слушал рассказ Витьки и Сенька Лямин, молчаливый, замкнутый паренек, живший вдвоем с дедом в крайнем домике у самого леса. Так случилось, что рано он остался без родителей — отца медведь заломал, а мать вскоре болезнь скосила. Остался Сенька с дедом, а тот уж хворым стал, сам ухода требует. Пришлось Сеньке вкалывать за четверых: за отца, за мать, за няньку для деда и за себя самого — школьника и пионера. От

пережитого горя и житейских забот Сенька рано повзрослел, стал немногословен и не по-детски внимателен к окружающему.

Дед и отец были охотниками. Не такими, что нынче постреливают рябчиков в ельничке, а настоящими промысловиками, добытчиками. В глухих урманах стояли у них зимовья, и с первыми морозами, когда рыжая шубка белки становится седой, уходили они в тайгу. На всю зиму, до весны. Белковали, добывали соболя и куницу. Нередко случалось и косолапых. О последней, трагической встрече с «хозяином» дед рассказывал Сеньке.

В ту зиму дед и отец охотились на дальних гольцах, между которыми выписывала кренделя быстрая Стремянка. Сезон был на редкость удачным. Солнце уже улыбалось повесеннему, и мысль о доме, даже в самые лучистые минуты не покидающая таежного охотника, становилась все настойчивее.

Однажды в середине дня они расположились на отдых на южном, солнечном склоне

сопки, разожгли костерок и только было принялись за еду, как вдруг из чащи донесся заливистый, злобный лай Задора. Этот некрупный и не очень породистый кобелек был незаменимым их помощником в таежном труде. Азартный бельчатник и соболятник, он с одинаковой готовностью работал и по птице и медведю, а при случае со всем ячьим пылом бросался в ноги гиганту лосю, заставляя верзилу остановиться и угрожающе наклонять к земле костяные пальмы рогов.

— И надо же мне было остаться у костра,— рассказывал дед, пыхтя самокруткой и кашляя.— Надо же было остаться. Чтоб, видишь ли, кулеш устеречь. А он, Колька, батя твой, пошел на лай. Мы-то подумали, что пес горностая гоняет в буреломе.

Дед сидел у костра и помешивал в котелке. И слушал. Лаю все прибывало. А потом из чащи вырос вдруг рев. Дед сразу услыхал, что медведь крупный. Потом выстрел, другой. Снова рев. Задор визжит, точно его кипятком ошпаривают. Поняв, что дело неладно, дед схватил ружье. Но было уже поздно. Медведь сам возник из кустов, дыша яростью. При виде человека он рявкнул и, перекинувшись через голову, попер наутек через чащу.

— На шее у него, вот здесь, большое пятно седое, это я приметил. А стрелить не успел. Ушел он в чащу,— рассказывал дед.

Выхромал на поляну Задор. Он весь был в крови, и зад у него вихлялся, и ноги шли в разные стороны.

По следам дед ясно прочитал историю трагического поединка. Задор наткнулся на берлогу, облаял ее, лаял настойчиво, назойливо, а медведи в эту пору и так уже спят некрепко, к тому ж еще голодны после долгой зимовки и поэтому очень злы. Зверь решил проучить настырную собачонку и выметнулся из берлоги в тот самый момент, когда подошел ничего не подозревавший охотник. Он выстрелил и поранил медведя, несколько капель крови на ходовом следу зверя сказали об этом. Второй выстрел, сделанный почти в упор, оказался безрезультатным. Позднее дед понял почему. В кармане телогрейки сына он обнаружил выкатившуюся из патрона пулю. Второпях, на ходу перезаряжая ружье, тот ничего не заметил.

Я ее видел, эту пулю. Сенька всегда носил ее с собой. Так, маленький шарик из свинца.

С тех пор дед не ходил больше на промысел. Одному тяжело уж было, а привыкать к новому напарнику в его годы тоже нелегко. Да и хворать начал часто.

Отцовское ружье, то самое, из которого сделал он свой последний, холостой выстрел, досталось Сеньке.

Он не очень увлекался охотой. Ходить в тайгу любил, стрелял неплохо, но страсти охотничьей, от которой человек дрожит, как скрученная пружина, в нем не было. За добычей не гнался и на утиных перелетах, когда иные наваливают полные лодки дичи, взяв пять-шесть штук, уходил домой, к деду.

Но я знал его тайную мечту. Он надеялся, мечтал, искал: когда-нибудь встретить в тайге медведя. Пуля, выкатившаяся из отцовской гильзы, всегда была с ним, и именно ее он вложил бы в приготовленный для такой встречи патрон.

Мы с Сенькой давно уже были на «ты». Разница в возрасте не имела значения. Потому что мы подружились. Он часто приходил к нам на автобазу и смотрел, как мы копаемся в моторах. Особенно любил, когда мотор, до этого разобранный по винтикам, собирали и он вдруг начинал работать. Почему-то это особенно его радовало, а может быть, втайне он удивлялся, как и я когда-то, этой бурной жизни, вдруг возникавшей в машине, состоящей из мертвых частей.

Однажды осенью, узнав, что меня командируют в город за запчастями, Сенька пришел ко мне со странной просьбой.

— Послушай. Мне в город поехать нельзя — дед хворает... Сделай одолжение, купи для меня велосипед. Только очень хороший. — И протянул деньги. — Я тут заработал на сплаве. Купишь? Только самый лучший.

Надо сказать, просьба была удивительная. Трудно найти вещь, более ненужную в крошечном, окруженном болотами и горами таежном поселке, чем велосипед. Только из опасения обидеть Сеньку я не рассмеялся.

— Нужен, — немного смутившись, ответил он на мое удивление. — Ты не понимаешь, нужен.

Ну, нужен, так нужен. Конечно, я купил ему велосипед. Замечательная попалась машина. Сверкающая, легкая, с мягким, удобным седлом, опрятно пахнущая смазкой. Я привез ее Сеньке. Когда я вел ее от пристани через поселок, перенося через лужи, чтоб не испачкать, мальчишки рты пораскрывали

от удивления и зависти и сопровождали меня до самого Сенькиного дома.

Сенька изо всех сил старался сдержать свой восторг при виде велосипеда. Он бережно принял его из моих рук и поставил в чистом сарае. Больше я велосипеда не видел. Сенька так ни разу не проехал на нем по улице, так велосипед-красавец и стоял в чистом сарае, сверкая деталями и благоухая смазкой.

Я удивлялся и в душе посмеивался над этой его прихотью. Но постепенно, кажется, понял, в чем дело. Просто Сеньке нужна была игрушка. Какая-нибудь прекрасная и бесполезная вещь. И, может быть, лучшие минуты своей богатой заботами и не такой уж богатой радостями жизни он проводил именно там — в чистом сарае, возле прекрасной и бесполезной вещи.

Как-то в воскресенье Сенька тоже пришел посмотреть на медвежонка. Мишка-Машка была привязана на цепочку у двери сарая. Сенька долго и серьезно смотрел на нее.

Макар Ильич снимал со стены сарая просохшую уже шкуру медведицы.

— Как дед-то? — спросил он.

— Простыл опять. Отлеживается на печке. Чай с малиной пьет, — сказал Сенька, глядя на медвежонка.

— Где он ее подцепил, простуду-то? На печке что ль? Топишь, видать, плохо.

— Нет, в избе тепло. Вышел на небо посмотреть, вот и прохватило,— сказал Сенька, глядя на медвежонка.

— А чего ему на небе выглядывать? Или место выбирает? — засмеялся Макар Ильич.

Он кинул шкуру на расстеленный брезент и провел ладонью по жесткому темному ворсу.

— Красота,— вздохнул он и подмигнул Сеньке. — Вещь, а?

А Сенька теперь неотрывно глядел на шкуру. На правой стороне шейной части он увидел круглое седое пятно.

Вечером, когда дед, попив чаю с малиной, собрался в свое трудное путешествие на лежанку, Сенька спросил у него:

— Скажите, дедушка, у того медведя, что отца заломал, где пятно было?

Дед плохо расслышал, и Сенька повторил свой вопрос.

— Вот тут,— сказал дед и коснулся правой стороны своей шеи костистой рукой.— Аккурат в этом месте. Седое пятно с тарелку. А пошто вспомнил?

— Так, вспомнилось что-то,— нехотя ответил Сенька.— Спокойной вам ночи, грейтесь на здоровье. Я еще подтоплю.

Сенька принес дров из поленницы, сунул их в печь и долго сидел, глядя, как преображается в огне сухое, холодное дерево, и теребил в пальцах маленький свинцовый шарик.

Потом встал и пошел к Ковалевым.

Витька вышел к нему.

— А, это ты,— сказал он.— Заходи. Мы тут дело решаем.

Сенька вошел в горницу. За столом сидел Макар Ильич и какой-то незнакомый человек в кожанке. Тут же у стола крутилась и Мишка-Машка, ожидая подачек. Вокруг нее, воинственно выгибая спину, урча и ощетиниваясь, ходил кот, на которого Машка не обращала как будто никакого внимания.

— Итак, шкуру я беру,— говорил незнакомец.— Теперь о медвежонке. Больно уж забавный. Может, уступите?

— Это с ним договаривайтесь,— кивнул на сына Макар Ильич.— Это его имущество.

— С Виктором Макарычем? — подмигнул незнакомец Витьке.— С ним, я думаю, мы договоримся. Ну, охотник, что хочешь за медвежонка?

Его снисходительный тон явно задел Витьку.

— За Машку-то? — усмехнулся он.— Машка не продается.

— А я и не предлагаю продавать,— пожал плечами незнакомец.— Давай меняться.

Он вынул из кармана и положил на стол большой полевой компас с зеркальной крышкой.

— Вещь,— сказал Макар Ильич, повертев компас в руках.— Вещь, а, Витек?

Витька покосился на компас.

— А на что она вам? — спросил он уже не так решительно.

— У меня знакомый дрессировщик есть, в цирке работает. Вот и подарю ему. Он сделает ее знаменитой артисткой.

— Он ее замучает,— сказал Витька, глядя на компас.— Их там бьют, небось.

— Это у тебя отсталые представления,— покачал гость головой.— Сейчас зверей дрессируют только лаской. Про Дурова слыхал?

— Да это только пишут, что лаской,— сказал Витька, беря компас в руки.— А сами лупят, небось.

— Привыкнет,— сказал Макар Ильич.— Все привыкают.

— Ну, Виктор Макарыч,— сказал гость.

Витька раскрыл компас.

— Вещь, а? — сказал Макар Ильич.

— Витька! — сказал Сенька.— Выйдем на минутку.

Они вышли на крыльцо.

— Отдай мне медвежонка,— сказал Сенька.— И забирай велосипед.

Они вернулись в комнату. Сенька видел, как гость увязывал шкуру медведицы. Седое пятно на ее шее было величиной с тарелку. Шкуру туго перевязали веревками, и она скрылась в брезентовом мешке горожанина.

Витька увел велосипед. Проводив его, Сенька привязал медвежонка во дворе и вошел в дом. Дед сопел и кряхтел во сне. Сенька снял с гвоздя ружье. Нашел патронташ и вынул патрон. Он расковырял закрутку и высыпал дробь на ладонь. Потом нашел пулю в кармане, утопил ее в отверстии гильзы и крепко прижал пальцем. Вложил патрон в ствол, вышел во двор.

Ночь была светлая, лунная, теплая. Сенька взвел курок и подошел к медвежонку, поскуливавшему на привязи, вложил ему в ухо стволы ружья. Медвежонок качнул головой и схватил зубами ствол. Вкус металла ему не понравился, он оттолкнул ружье лапой и повернулся спиной к Сеньке.

«Нет, это не то»,—подумал Сенька. И убрал ружье. Это было что-то не то. В этом было что-то не то. Совсем не то.

Он ушел в дом, лег в постель и долго лежал без сна, глядя в темноту.

Мишка-Машка прожила у Сеньки лето и зиму. Он поместил ее в чистом сарае, в том самом, где прежде стоял велосипед. Когда Сенька выводил ее гулять на улицу — это был просто цирк. Машка выделывала всякие фокусы, она кувыркалась, танцевала, боролась с Сенькой и кланялась публике, как заправская артистка. Она была любимицей всего поселка, до самозабвения была предана Сеньке и росла как на дрожжах. Собаки брехали на нее издали, и горе было той, которая подкатывалась слишком близко.

К осени она выросла в настоящую медведицу, а к зиме Сенька натащил соломы в сарай, и Машка сладко уснула в ней до весны.

А весной, когда солнце погнало снег с сопок и на южных их склонах пробились лютики и борщевик, Сенька увел Мишку-Машку в горы. Они ушли рано, еще затемно, и к концу дня были уже далеко, на дальних гольцах, в тех глухих урманах, где еще не слышно рева моторов, в тихом краю маралов, соболей и медведей, в краю прозрачных стремительных рек.

Машка озиралась и сдержанно порыкивала в темную чащу, словно предупреждая неведомые опасности, таящиеся в ней.

— Не бойся, Машка. Ничего там нет страшного. Теперь ты здесь хозяйка.

Он достал из кармана свинцовую пулю, положил ее на ладонь, посмотрел на нее и, размахнувшись, забросил в реку.

— Вот так,— сказал он и отстегнул на Машке ошейник.— Теперь сама живи. Здесь хорошо будет.

Он ступил на плот, наскоро связанный из сухих валежин, оттолкнулся шестом от берега, и быстрое течение умчало его в темноту.

В поселок он вернулся под утро. Он пришел на автобазу, когда мы с помощником копались в утробе старого трактора, безуспешно пытаясь вдохнуть жизнь в эту груду железа.

— Не получается? — сказал Сенька, остановившись позади.

Я обтер ветошью руки и отошел с ним.

— Хочу к вам учеником поступить. Примете? — сказал он как-то растерянно.

Я заглянул в его глаза.

— Ты где был? Где Машка? Я заходил утром и...

— Там,— кивнул он в сторону сопок.

Мы вышли на улицу и пошли к конторе. Навстречу ехал Витька на велосипеде. Он кивнул нам, проезжая мимо. Спицы велосипеда серебристо вспыхивали на солнце.

— Рад, небось,— улыбнулся Сенька.— Любит, чудак, похвалиться.

Он стоял, глядя вслед сверкающему велосипеду.

— Ничего,— сказал я.— Ничего, Сень. Зачем в тайге велосипед?

— Да, ни к чему,— сказал Сенька.

Илья ФОНЯКОВ

НОЧЛЕГ

Шумела, пела вьюга в поле,
Переметал дороги снег.
Нам предложили в сельской школе
Остановиться на ночлег.

Таинственно пустое зданье
В ночные долгие часы.
Меняют вещи очертанья,
Стучат значительней часы.

Обычной лестницы ступени —
Загадочнее горных троп.
Как стадо спящее оленей,
Стоит рогатый гардероб.

Читают звезды стенгазету
И жителям иных миров
Расскажут после — по секрету,
Что двойку получил Петров.

А утром — снова нам в дорогу,
Идти и видеть белый свет,
И вновь со школьного порога
Помашет детство нам вослед!

РЕЧКА ЯЯ

Яя — река в Кемеровской и Томской областях.
(Энциклопедический словарь)

Был свежий весенний денек. Налегке
Я шел по дороге, я вышел к реке.
Мне крикнула речка, сияя:
— Я — Яя!

Я, Яя, так рад этой встрече с тобой,
Такой серебристой, такой голубой,
Такой золотой и зеленой такой,
Российской, сибирской, кузнецкой рекой!

Кто дал тебе имя, какой музыкант —
Забавно, по-птичьи слетать с языка,
Росинкой двойною на солнце сверкать,
Словарь многотомный собой замыкать?

Есть реки — прославлены их имена:
Есть Волга и Днепр, Енисей и Двина,
Ты, Яя, скромна, им ни в чем не равна.
А все же страна без тебя неполна.

Струится, стремится речная вода,
Не помнит откуда, не знает куда,
Но я не забуду уже никогда
Ту первую встречу, тот полдень, когда
Мне крикнула речка, сияя:
— Я — Яя!

В ТАЙГЕ ЗА ТОМСКОМ

Сначала кажется: лесок —
Молоденький и слабый.
Сосенка ближняя в песок
Вцепилась птичьей лапой.

Но вглубь — все гуще и темней,
Замшелость и величье.
Лишь в многопалости корней,
Как прежде, что-то птичье.

И осенило вдруг меня:
Спили деревьев пару —
И можно ставить на два пня
Подобие амбара.

Повыше ставить, чтобы зверь
К припасам не пробрался.
А что получится — теперь
Ты понял, догадался?

Припомни книжки первых лет
В потрепанных обложках:
Узнал, скажи мне, или нет
Избу на курьих ножках?

Без окон — где ж тут взять стекло! —
Крепка, но темновато...
С того присловье и пошло,
Наверное, когда-то.

И я, конечно, не открыл
Особого секрета,
И не пилил и не рубил —
Я лишь подумал это.

Но в сердце — радости волна,
Как будто сказка рождена
При мне сегодня снова
Средь сумрака лесного...

ПЛОТЫ

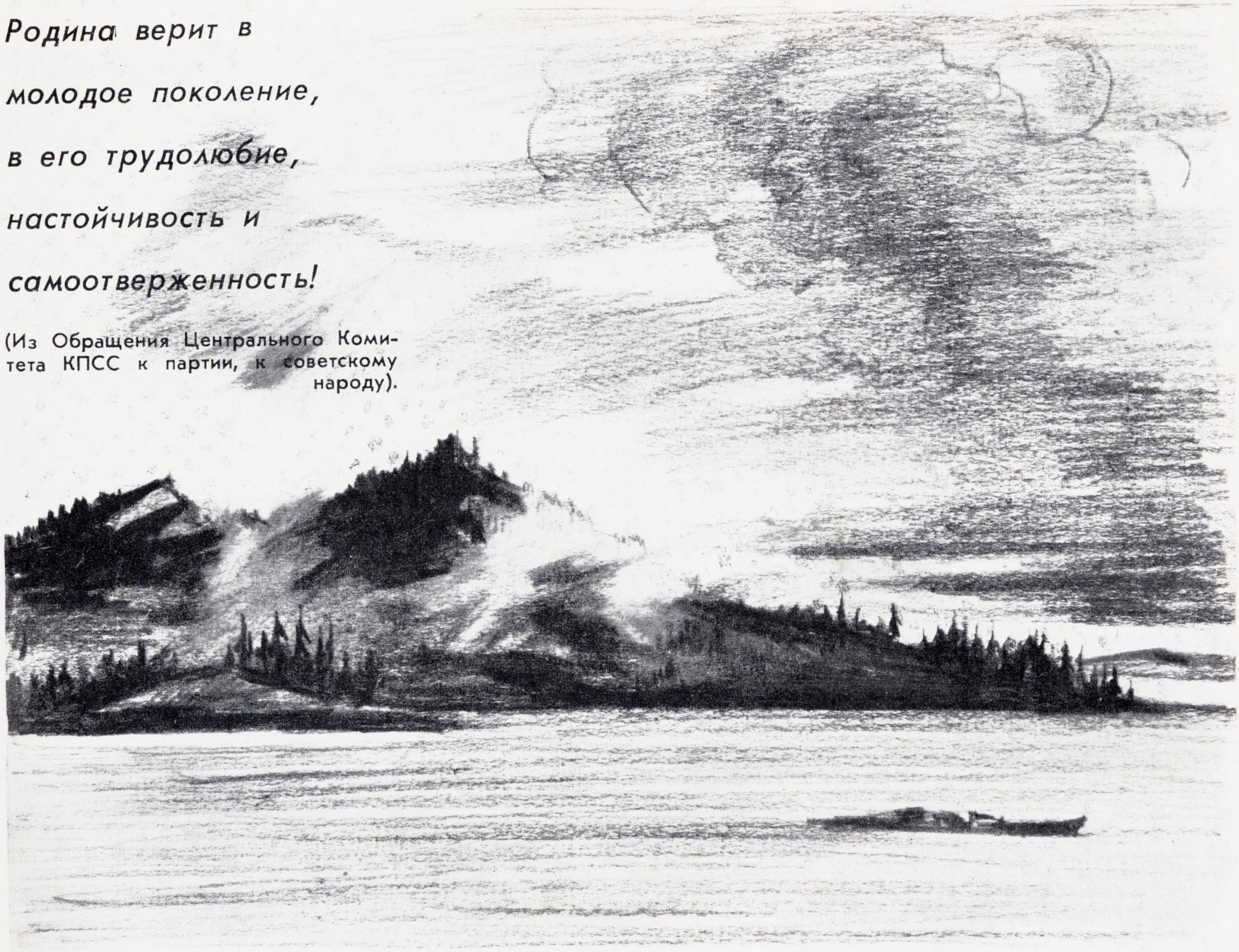
Север. Холодно вечерами
На просторе большой реки.
И костры перед шалашами
Разжигают плотовщики.

Огонек — воспаленной точкой...
Дыма серая синева...
Проплывают плоты цепочкой,
Как Курильские острова...

Рисунок И. УРМАНЧЕ.

Родина верит в молодое поколение, в его трудолюбие, настойчивость и самоотверженность!

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу).

Тихое, грозное Братское море.

МОЯ РОДИНА — СССР

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ СОЛНЦЕ

Анатолий Пантелеймонович Михалец. Только что кончилась смена.

А этот мальчишка, что на велосипеде, один из первых в нашей стране будет писать, заполняя анкеты: «Родился в городе Братске».

Путешествие специального корреспондента «Пионера», художника Семена Андриановича Трофимова по ударным комсомольским стройкам Сибири продолжается!

Позади город Братск, выросший в вековой дремучей тайге, светлый, просторный, юный, стремительно растущий ввысь. Остались в памяти лица его жителей, тоже чаще всего молодые. Ведь строили-то его люди, съехавшиеся сюда со всех концов страны по комсомольским путевкам.

Маршрут ведет художника к Братскому морю. Там ждут встречи с новыми его героями, героями великого мирного сражения в Сибири. Идет четвертый, определяющий год пятилетки, идет трудовая вахта в честь XVII съезда комсомола.

Братское море огромно. В самой широкой своей части раскинулось на тридцать километров. Дальнего берега не видать. А наибольшая глубина его знаете какая? Сто пятьдесят два метра! Азовскому и Аральскому морям с этим искусственным водохранилищем тягаться слабовато!

А какие облака над сибирским морем — могучие, тяжелые, а какие горы по берегам! Тайга смотрится в темную воду.

Братское море. День и ночь идут по нему суда с грузом, летят быстрые «метеоры» — режут воду сталью подводных крыльев. Пыхтят работяги буксиры: тащат караваны барж, громадные плоты... Ангара ныне стала едва ли не самой оживленной водной улицей Сибири!

Широко, мощно раскинулось гигантское водохранилище. Всей своею силой навалилось оно на плотину Братской гидроэлектростанции. День и ночь работают турбины. Братское море рождает целый океан электрической энергии. И потому дальше рассказ наш пойдет о том, что дала ГЭС Братску... Нет, не одному только Братску, а всему этому громадному району, раскинувшемуся на много сотен квадратных километров.

Во все стороны от гидроэлектростанции расходятся линии электропередач, мачта за мачтой, пролет за пролетом убегают куда-то вдаль... Куда же?

Помните, в прошлом номере мы рассказывали о строительстве Усть-Илимской ГЭС? Могучая стройка нуж-

дается в огромном количестве энергии. И вот бежит туда по проводам из Братска целая река электричества.

За сотни километров от Братска, на реке Лене расположился один из портов Восточной Сибири, Осетрово. Ни на минуту не смолкает там жизнь. Словно переговариваясь о чем-то, размахивают в поднебесье стальными руками портовые краны. А в руках у тех кранов многотонные грузы. Под ногами у кранов снуют поезда, электрокары. Ночью (и ночью работа не стоит!) сверлят темноту прожекторы... Значит, нужна энергия, много энергии.

Вот и сюда, на Лену, в Осетрово, бежит из Братска полноводная река электричества.

Электрифицируется одна из важнейших сибирских магистралей — железная дорога Тайшет — Лена. И туда шагают ажурные мачты из Братска... Да разве обо всем расскажешь! Ожил, оживает целый огромный край!

Сам город Братск стал благодаря ГЭС важным промышленным центром страны. Братский алюминиевый завод — один из крупнейших в СССР. Художник Трофимов прошел по его цехам, где в гидролизных ваннах кипит белый металл — будущие крылья и фюзеляжи наших воздушных кораблей. Здесь Трофимов познакомился с Анатолием Пантелеймоновичем Михальцом.

Комсомольскую путевку дали ему на Украине. Но он считает себя сибиряком. И работает с крепкой хваткой, отлично работает!

Недавно комсомольцы завода рекомендовали его в партию. В нем уверены. Здесь в Братске сложилась его рабочая биография.

ЛПК — лесопромышленный комплекс — еще один гигант города Братска. На его территории мог бы уместиться иной город. Всю основную работу здесь выполняют машины, десятки и сотни механизмов, приборов.

«Доктор» Валерий Антонов.

Слесарь Валерий Антонов следит за исправностью этого автоматического организма. Он еще молод. Недавно получил билет члена КПСС.

Кончается смена. Валерий снимает халат. Торопится! Куда? К своим подшефным. Он общественный воспитатель, наставник тех, кто помладше, кому нужно передать настоящее отношение к делу, достойное братчанина.

Идет рабочий человек по городу Братску. Вечер. Смех слышен, неторопливый сибирский говор. Растет город. Растут люди. Хорошо!

КОРАБЛИ ИДУТ К ЭКВАТОРУ

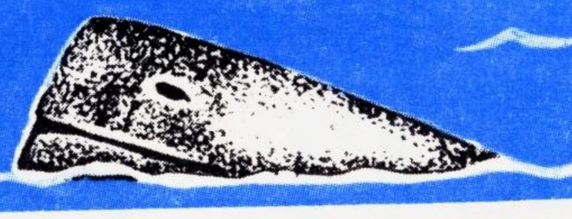

•АФРИКА•

ЭКВАТОР·ЭКВАТОР·ЭКВАТОР·ЭКВАТОР·ЭКВАТОР·

•ЮЖНАЯ• •АМЕРИКА

«ТРОПЭКС-74» — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОГОДЫ

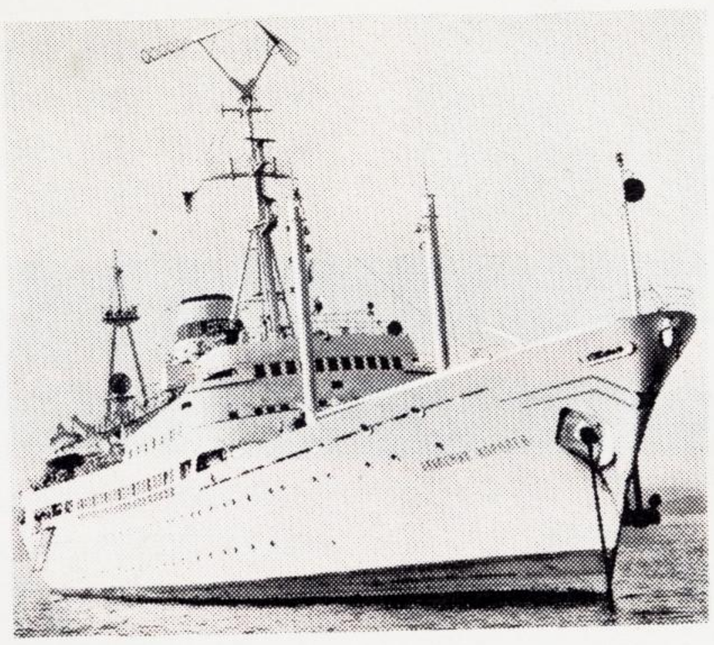
Перед нами Атлантический океан, зона экватора... Август ли, декабрь на дворе — тут и не заметишь разницы. Все триста шестьдесят пять дней солнце высоко над горизонтом. И щедрого его тепла с избытком хватает и вечнозеленым лесам Амазонки, и Конго, и теплому океану.

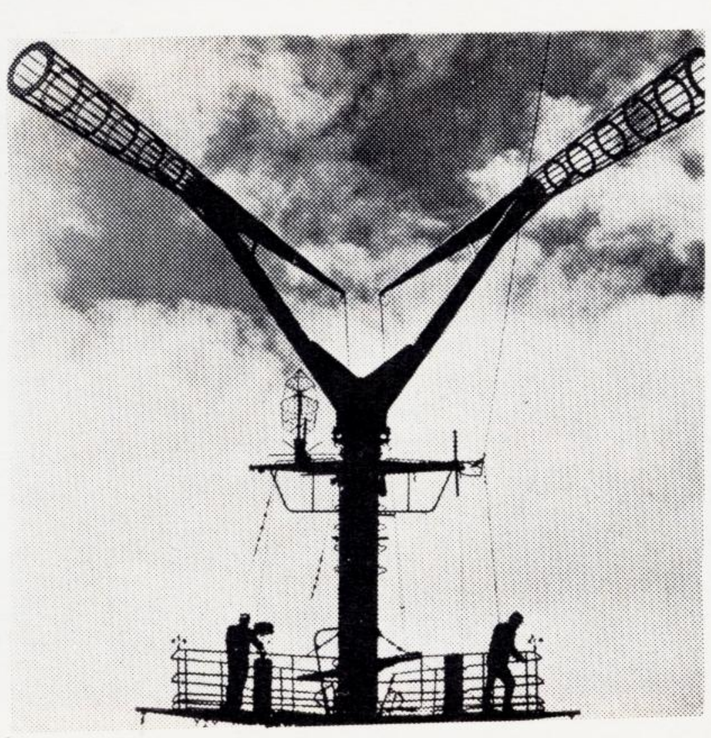
Щедрость тропического солнца чувствуем и мы с вами в наших умеренных широтах: с теплыми океанскими и воздушными течениями оно растекается по всему земному шару. У экватора как бы работает какой-то гигантский, загадочный еще механизм, обогревающий всю нашу планету.

Как же это происходит? По каким законам океан и атмосфера обмениваются теплом и влагой? Это очень важно установить — тогда можно будет точнее предсказывать погоду на много времени вперед.

Вот почему летом этого года на экваторе начнется трехмесячная вахта исследовательских кораблей из многих стран мира. Каждый из тридцати кораблей встанет на свою точку в океане и двадцать четыре раза в сутки будет измерять температуру и влажность воздуха, давление атмосферы, скорость ветра и морских течений.

На специальном полигоне (на нашем рисунке он помечен шестиугольником) соберутся корабли, вооруженные радиолокаторами. Их задача — одновременно с десятью специально оборудованными самолетами следить за движением облаков над океаном. В то же время за облаками будут наблюдать приборы со спутников.

В этом большом научном эксперименте будут участвовать и советские корабли. Среди них флагман дальневосточного метеорологического флота «Академик Королев». Сейчас он уже в пути из Владивостока в Атлантику...

Видишь на снимке узкие антенны? На «Академике Королеве» они и будут принимать сигналы метеоприборов. Восемь раз в день с борта корабля будут подниматься в небо радиозонды. Локатор будет следить за их полетом.

Окончив первый этап исследований, корабли уйдут на отдых в ближайшие порты. Через два-три дня все они снова вернутся на свои точки — и так до конца сентября 1974 года.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

ПОВЕСТЬ ОБ ОТЦЕ

Продолжение. Начало в № 1.

Ю. КАЛИНИНА

Рисунки В. ДУДКИНА.

В Иванове на одном из собраний отца спросили: «Кто дороже Советской власти — рабочий или крестьянин?» На этот вопрос он ответил вопросом: «А какая нога человеку дороже — правая или левая?»

Много бывал он в ту пору в рабочих аудиториях.

Перед рабочими Тулы он выступал в момент, когда над Тулой нависла опасность вражеского вторжения и когда в городе вспыхнула эпидемия тифа, перед рабочими Шлиссельбурга сразу после того, как враг был отброшен. Здесь он обращался в основном к молодежи. Говорил о том, что и для него было так важно в юности. Что же такое счастье? «Счастье для отдельного человека отдельно от всех не завоюешь. Давайте спросим каждого человека, согласится ли он в полном достатке один жить, когда все окружающие его будут стонать от непосильного бремени жизни?.. Человек не может быть счастлив в тот момент, когда страдает весь мир».

Впервые отец был занят работой такого масштаба. А вот повседневные его привычки оставались все те же.

Как-то зашел к нему в вагон агитпоезда «Октябрьская революция» один из товарищей, увидел, что он пришивает к рубашке рукав, удивился: «Что же ты, Михаил Иванович, не попросишь кого-то из женщин тебе пришить?» Отец посмотрел на товарища, перекусил нитку и ответил: «Знаешь, если уж я пришью, то никогда больше не оторвется. Да и зачем кого-то просить, когда я и сам могу?»

О своей работе отец, как правило, нам не рассказывал. Он считал, что если мы живем вместе с ним, это не значит, что мы имеем право знать о его служебных делах больше других. На многие вопросы он отвечал полушутливо: «Читайте газеты». Сказывались тут, наверное, и привычки старого конспиратора, и чувство партийной дисциплины, и природная сдержанность.

Поэтому больше я буду говорить о том, каким он был дома, о его отношениях с нами, с детьми, и с теми людьми, в общении с которыми мне приходилось его наблюдать. На полноту рассказа об отце я претендовать никак не могу — многого я просто не знаю. По существу, больше всего я видела отца в те часы, которые он считал своим отдыхом. Это было позже, когда гражданская война подходила к концу и он мог иногда позволить себе побыть вместе с нами.

Чаще мне приходилось бывать с ним летом, когда он ездил в Верхнюю Троицу проведать свою мать, нашу бабушку и встретиться с земляками. Мы, ребята, тоже ездили с ним к бабушке на каникулы.

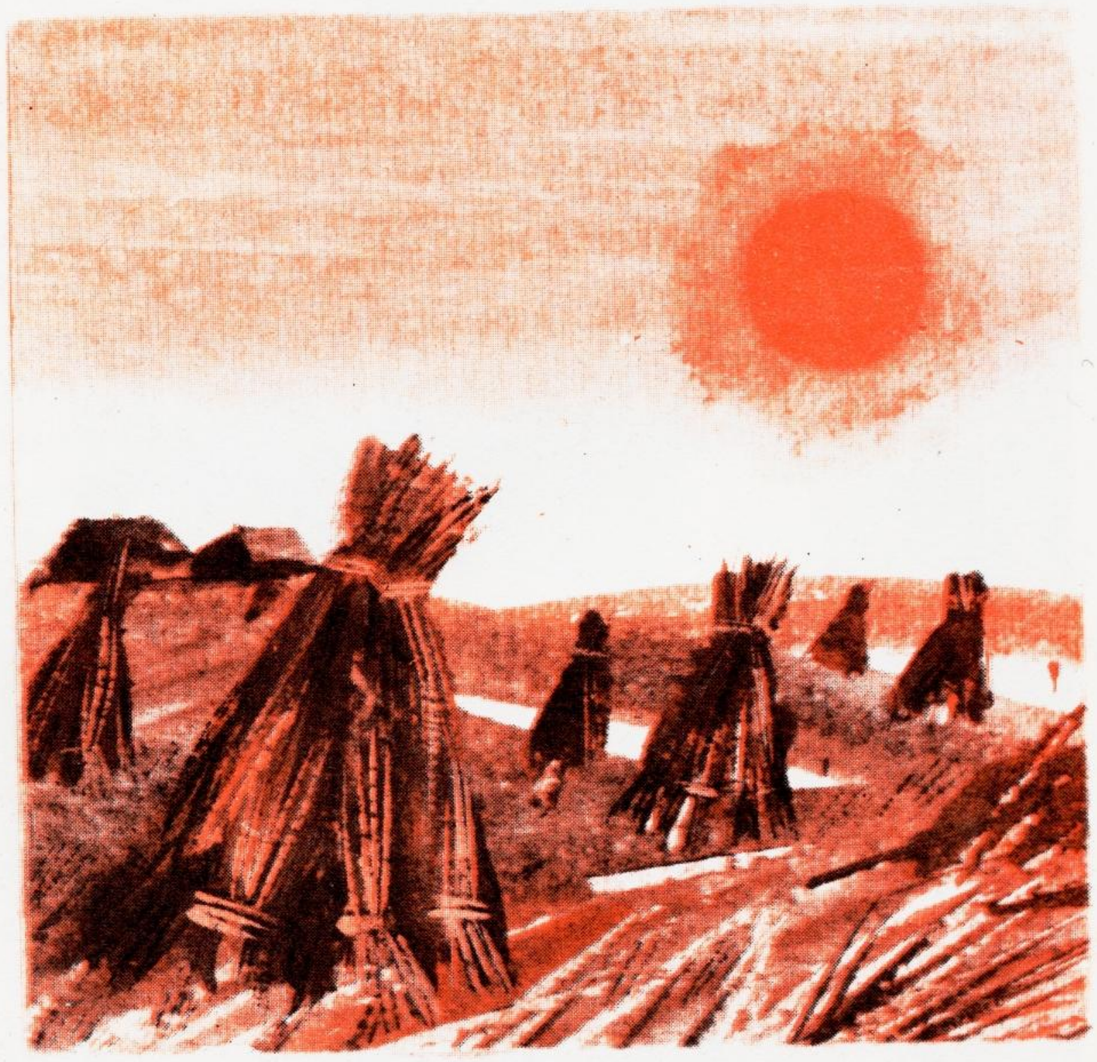
В деревне отец каждый день работал в поле и не любил, чтобы мы, ребята, болтались без дела. Помню, и мама нам говорила: «Все, что можешь сделать, делай сам, ни на кого не взваливай».

Мы и жать ходили и молотить, дома мыли полы, окна, чистили картошку, кормили скотину.

Хотя отец давно ушел из деревни, руки его не утратили навыков крестьянской работы. Особенно он любил сенокос, это был его лучший отдых — так он сам говорил.

На покосе отец шел как будто неторопливо, замах у него был не удалой, не широкий. Глядя на него, можно было подумать, что он играет: так легко, без напряжения размахивал он косой. Движения его были удивительно размеренны и ритмичны. Удалые косцы быстро уставали и ложились в тенек, а отец все шел да шел, взмахивая косой, и в конце концов получалось, что он со своей неторопливостью всегда впереди.

Цепом он молотил так же легко, как и косил. Бывало, помолотит или покосит и скажет мужикам, которые старше: «Давайте покурим, а молодежь пусть поработает».

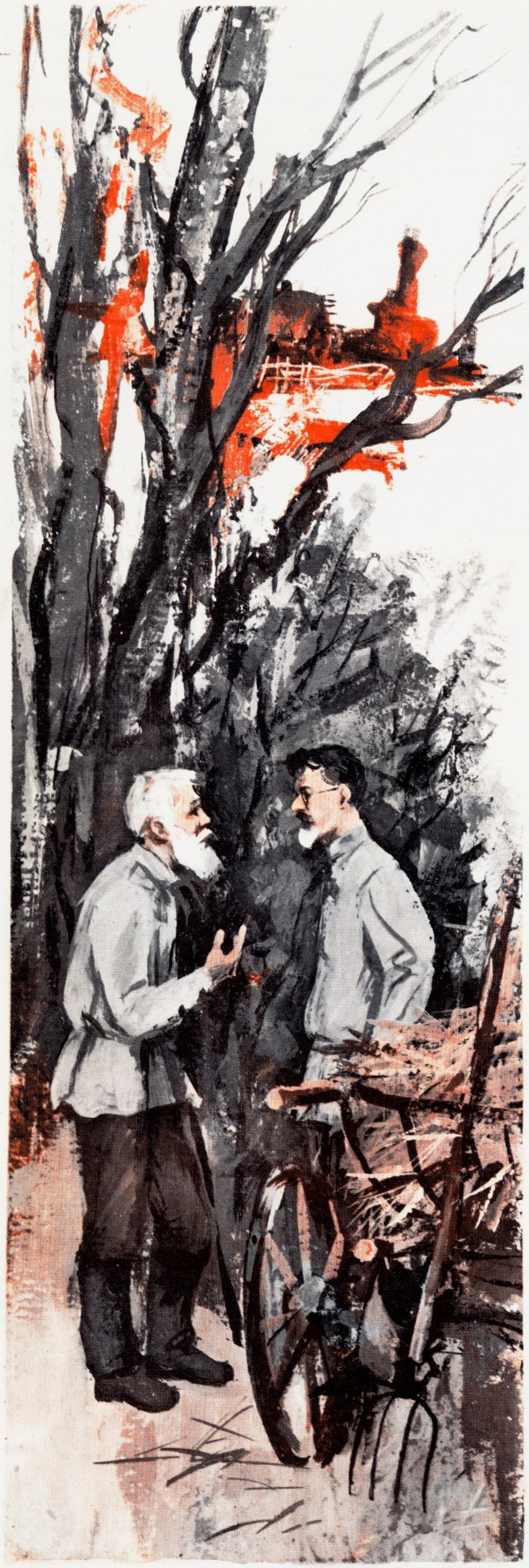

Летом у нас в Верхней Троице хорошо!..

Тут начинался у них разговор — сразу собиралось много народу. Думаю, эти беседы с односельчанами мало чем отличались от тех, которые он вел с крестьянами, приезжая на агитпоезде в самые далекие уголки страны, с той, конечно, разницей, что здесь он был в курсе всех дел, знал обстоятельства жизни каждой семьи. Приезжая по разным делам в Москву, земляки иногда останавливались у нас, и отец выспрашивал у них все деревенские новости.

В те же первые годы Советской власти как-то летом, когда мы гостили у бабушки, в соседней деревне случился пожар,

После обеда к нам в дом пришли четверо крестьян из погоревшей деревни.

Отец только вернулся с поля, пошел в сарай отдохнуть. Я сказала им, что отец, наверное, спит.

Крестьяне сели у тына и закурили. «Ну, мы подождем».

Я походила у сарая возле двери, слышу — внутри все тихо. Зашла в сарай, отец тут же проснулся, а может, еще и не спал.

— К тебе погорельцы из Поповки.

Он сразу стал хмурый.

Думаю: «Что же он на них сердится? Они ж погорельцы!»

Отец встал, еще больше нахмурился, такой к ним и вышел.

Я иду за ним и расстраиваюсь: «Что же он сердитый такой? И так у них горе...»

Крестьяне поздоровались. Он ответил угрюмо:

— Здравствуйте, что пришли?

— Да как же нам не прийти? И подушки, и одеяла сгорели. И самоваров не вынесли. Все как есть... Только что на себе и осталось.

— Ну, конечно, теперь Советская власть вам и подушки, и самовары должна справлять, — сказал отец.

— Да нет, нам бы лесу. Жить же негде...

— Лесу надо, конечно, дать. Ладно, я поговорю завтра в волости.

Крестьяне повеселели, и отец подобрел. Он вытащил кисет, угостил их, присел рядом с ними. Дымят, разговаривают — видно, все очень довольны, а о чем говорили они, я уж не слышала.

Так я тогда и не поняла, отчего отец был сначала сердитый, а потом подобрел. Потом уже, спустя годы, мне стало понятно: это он накручивал себя, боролся с собой. Ясно, ему было жаль их, и он хотел бы дать им как можно больше, но всем тогда было трудно — он-то, изъездивший всю страну, видел это своими глазами и не имел он права дать своим землякам больше, чем получали другие. Как председатель ВЦИКа он, конечно, мог переступить установленное, но не сделал этого, не стал показывать свою щедрость за счет государства.

А когда договорились о лесе — просили погорельцы не больше того, что он мог для них сделать, — и с них и с отца будто свалился груз. Потому-то теперь и он и они с таким удовольствием вели разговор.

Умел отец слушать то, что ему говорят, даже если это было и не очень приятно.

На одном из собраний в соседнем селе — это было, наверное, в начале двадцатых годов — стоял в сторонке подвыпивший мужик и громко, перекрикивая ораторов, ругал власть, потом он увидел отца и осекся. Отец понял, чем-то вызваны горькие слова мужи-

Он умел разговаривать по душам...

ка, подошел к нему и сказал: «Хмель пройдет — приходи, как-нибудь разберемся».

И разобрался: оказалось, этот крестьянин бедняк, многодетный вдовец, один поднимавший кучу ребят, был несправедливо обложен налогами.

Не могу представить себе, чтобы отец нарушил закон ради кого бы то ни было, как бы он ни жалел человека, но там, где закон нарушался, он всегда помогал человеку.

Все это, вместе взятое, отец называл своим отдыхом. О человеке можно судить и по тому, как он отдыхает.

Однажды, в те же первые годы, когда у бабушки в Троице гостили мы, ребята, и мама, к нам в дом пришла незнакомая женщина с девочкой — несла она ее к нам на руках пятнадцать верст из дальней деревни —просить совета и помощи.

У девочки от рождения была повреждена нога. На улице ее обижали ребята, а у женщины, кроме этой девочки, было еще четверо детей, и муж не вернулся с войны.

Мама решила взять девочку с собой, показать ее врачам. В Москве оказалось, что Ане — так звали девочку, предстоит ряд операций. Ее положили в больницу. Лечение продолжалось несколько лет. Мы навещали девочку и постепенно привыкли к ней.

Аню вылечили, мы взяли ее из больницы. Она уже стала ходить в школу, но тут из деревни пришло письмо: умерла ее мать.

Я слышала, как отец и мать говорили между собой об Ане. Мама спросила: «Как с ней дальше быть?» Отец предложил: «Пусть растет вместе с нашими».

Так она и осталась в нашей семье младшей сестрой.

Ради того, чтобы отец меньше болел душой за нас, за семью и мог целиком отдаваться партийному делу, мама в свое время вынуждена была отойти от подпольной работы. Конечно, этим она очень отцу помогла. Теперь мама была членом партии. После переезда в Москву она работала заместителем директора на фабрике «Освобожденный труд», потом ее выбрали председателем исполкома Печетовской волости, в которую входила тогда и наша Верхняя Троица.

Позже она работала в Москве в только что организованном «Зернотресте». Много ей приходилось ездить в командировки, какое-то время она даже жила на Алтае, организовала там совхоз и санаторий.

Где бы ни работала мама, она целиком отдавала себя делу, всю без остатка. А все же, когда отцу было особенно трудно, она всегда оказывалась рядом с ним.

К слову сказать, когда отец один, без всякой охраны, поехал в восставший против Советской власти Кронштадт, с ним была мама.

Каким же отец был именно как отец?

Строг он с нами не был.

Вспоминается такой случай. Мы жили в Москве. Я пошла после школы к подруге, заигралась и не заметила, как пролетело время. Вечером ее родители позвали нас в консерваторию. Концерт затянулся, и я возвращалась домой в первом часу ночи. Было тогда мне двенадцать лет.

Прихожу домой, вижу — отец сидит на диване, сапоги надевает. Видно, собирался идти искать меня. Посмотрел на меня и спросил: «Где ты была?»

Должно быть, они с мамой сильно волновались. Я объяснила, как было дело. Он задумался и сказал только: «Ладно, ложись спать».

Потом я задавала себе вопрос: почему мне не попало?

Мне кажется, он думал в тот вечер о нас, о своих ребятах, о том, как мы живем.

А жили мы в ту пору сами по себе, без опеки. И потому рано привыкли к самостоятельности. И, наверное, он был рад, что ходила я в консерваторию, что тянусь я к хорошему.

Но отец и не баловал нас.

Как-то летом мы собирались с отцом в Верхнюю Троицу. У него уже начался отпуск, но мне еще нужно было побыть в Москве. Мне было тогда тринадцать. В семье обсуждали, как я доберусь до деревни одна. Вообще-то и не совсем одна: я позвала с собой подругу.

Отец сказал, что это дело простое: здесь можно нас посадить на поезд, а выйти в Кашине мы сумеем.

Мама засомневалась: «А от Кашина как?»

От Кашина до нашей деревни, как известно, еще тридцать верст. И отец, и мама не раз меряли ногами эту дорогу.

Тогда отец обратился ко мне: «Ну как, доберетесь пешком?»

Ничего другого не оставалось, как ответить, что доберемся.

— Вот и хорошо.

Он уехал, а мы отправились через неделю.

Соскочили в Кашине с поезда и пошли. Каждые пять верст — село. Первые десять верст дорога идет лугами, а после лесом.

Подруга моя, городская девочка, к таким переходам была непривычна. Когда оставалось восемь верст до нашей деревни, она сказала: «Я больше идти не могу» и легла у дороги. Я уговариваю ее: «Ну, ничего, как-нибудь дойдешь». Трудно ей дались эти последние версты, она не раз еще ложилась у дороги, ей казалось, что дальше идти не сможет, а потом снова вставала и шла.

Переправились на лодке через Медведицу, и вот мы уже дома.

Бабушка нас пожалела: «Как вы устали! Посидите, отдохните, а я поесть соберу».

Тут вошел отец — был он в светлой рубашке, в старых залатанных штанах, должно быть, собрался работать — и спрашивает нас,

устали мы или нет. Раз спрашивает — как сказать, что устали?

Мы обе ответили, что не устали нисколько, а он говорит: «Ну, не устали — так пошли молотить».

Бабушка ему: «Что ты, Михайло? Они же с дороги».

Но мы уже шли за отцом на гумно к стоявшей там молотилке. Отец подавал в машину снопы, а мы их подносили и отгребали полову. Поработали часа полтора и, правда, оказалось, что силы у нас еще есть в запасе — только чуть ноги болели.

Теперь я сама внучку жалею, так, что и устать ей не даю. А уж если теперь мы, не дай бог, устанем, считаем, что, значит, работу нужно бросать немедленно. На самом же деле нужно уметь работать через усталость: ее можно преодолеть. Если бояться, что может быть трудно, ни в каком деле ничего не достигнешь.

Отец сам не умел ничего делать плохо и больше всего в людях ценил умение работать и старался нас приучить к труду.

С Катей, женой брата Семена, впервые отец встретился в Верхней Троице, в те же первые советские годы.

Встретил ее, как и всех людей он встречал, дружелюбно. Посмотрел на нее с хитринкой и попросил: «А ну-ка, матушка, пришей-ка мне пуговицу к тужурке».— И добавил, уже не скрывая: «Посмотрим, какую жену Семен себе выбрал».

Отец носил в ту пору кожаную тужурку и такую же кепку. В дороге, и правда, пуговицы у него отлетели. «Матушке» не было в ту пору и двадцати, но за дело она взялась со сноровкой. Работой ее отец остался доволен: пуговицы были не просто пришиты, они держались «на ножках», чтоб было крепче.

Отец сказал тогда брату: «Ну, Семен, хозяйка будет у тебя неплохая», а новой невестке достал горсть орехов из кармана той же тужурки. Все это — и проверка, и «награждение» орехами — было, конечно, шуткой, но где-то в этом эпизоде кроется то, что для отца было существенным.

Вспоминаю еще один случай, произошел он в то же самое время и тоже в Троице. Как-то отец приехал в деревню не поездом, а на машине. По дороге ему повстречалась лошадь. Она везла огромный воз. Машин было в ту пору мало. Лошадь испугалась, встала было на дыбы, еще мгновенье — и произошла бы беда. Но молодая женщина, которая правила лошадью, каким-то чудом сумела ее удержать.

Отец остановил машину и вышел навстречу женщине: «Ну и молодчина же ты».

Женщина ему ответила резко: «Ездите тут, городские, без толку, делать вам нечего, а лошади наши непривычны к вашим машинам». Она была из другой деревни и не знала отца.

Он пообещал ей: «Лошади ваши к машинам еще привыкнут» и снова сказал: «А ты молодец».

Потом он рассказывал нам об этой встрече, хвалил женщину за сноровку.

Теперь, когда вспоминаю все эти случаи, я понимаю отца: кто умеет трудиться, кто стал мастером в своем деле, тот всегда может сохранить человеческое достоинство и независимость.

Примерно в ту же пору один из товарищей отца по революционному подполью написал его биографию. На первой странице рукописи отец сделал надпись: «Необходимо выбросить сентиментальность, приукрашивание, например, «ему удалось сколотить группу старых подпольщиков» и она якобы продолжала дело партии в Ленинграде. Явная чепуха. В Петрограде всегда существовала организация и, насколько я помню, всегда были работники, стоявшие куда выше меня.

Надо писать, что было, а не выдумывать. Я был рядовым и нечего ставить на ходули героя, чуть-чуть не вождя. Достаточно того, что есть. Был верным сыном своего класса пролетариата и по мере своих сил и разумения работал всю жизнь в интересах этого класса.

Ничего более почетного не выдумаешь, зачем же эту простую, всем понятную историю заполнять мишурой».

Не знаю, кто тут фактически прав, отец или его биограф. Дело не в этом. Эта надпись характеризует отца как человека: он трезво оценивал свою личность, был самокритичен и не терпел никаких преувеличений. В этой надписи все — и скромность и чувство собственного достоинства, которые, по существу, неотделимы одно от другого.

Возвращаюсь к нашей семье.

Мы, ребята, учились в одной из московских школ.

Учились мы кто лучше, кто хуже—в меру способностей, но все добросовестно. Наши занятия отец не контролировал, доверял нам. Всеми своими знаниями он обязан был себе самому. Нам, детям, он говорил так: «Хочешь учиться — учись». Заставлять нас учиться он никогда бы не стал.

Мнений своих отец нам не навязывал, нотаций никогда не читал. Был краток — ограничивался одной-двумя фразами. Уговаривать не любил. Считал: кто не хочет слышать — все равно не услышит! А уж тем более не любил громких слов.

Когда я кончила школу, мне хотелось пойти работать. Это было в 1926 году. Тогда была безработица. Отец только одно сказал мне: «Ты имеешь возможность учиться, а место займешь. Знаешь, как людям нужна работа сейчас». Я поняла его и пошла в институт.

Валя, мой старший брат, поехал учиться в Ленинградский политехнический и поступил

на электрофакультет — это была пора ГОЭЛРО, мальчики шли в электротехнику.

Стали думать, где ему жить в Ленинграде. Отец попросил старого рабочего Владимира Петровича Колпашникова, с которым знаком был еще по заводу «Айваз», чтобы Валя пожил у него. Колпашников был бездетным, жили они с женой вдвоем.

Старики сначала засомневались.. «Мы не сможем создать условий. Будет ли ему хорошо с нами?» Отец ответил: «Пусть он беспокоится о том, чтобы вам было с ним хорошо».

Получилось действительно хорошо: Владимир Петрович и его жена привязались к Вале, как к сыну, он чувствовал себя у них как в родной семье, и отец был доволен: Валя жил среди трудовых людей, и не только получал образование, но и проходил настоящую школу жизни. Избаловаться в этой семье он, конечно, не мог. Деньги за квартиру и питание отец посылал Колпашниковым, а Вале на собственные расходы давал очень немного. Когда пришло время Шуре поступать в институт, он вслед за Валей выбрал Ленинградский политехнический, и тоже жил в этой семье.

И Лида училась в Ленинграде, в Военно-медицинской академии. Ей хотелось поскорее быть самостоятельной, знать, что всем в жизни она обязана собственному труду. Она даже сменила фамилию перед отъездом, чтобы люди не знали, чья она дочка. Поехала в Ленинград как Лида Лесная. Мы не хотели иметь поблажки оттого, что мы дети председателя ЦИКа.

Это в нас воспитывал отец, правда, как и все другое, не словами, своим примером.

Больше он нас воспитывал тем, какой сам был, какой уклад сложился в нашей семье.

С детства отец жил в нужде и оттого всю жизнь был бережлив, привык ограничивать свои потребности.

Став председателем ЦИКа, «президентом», как называли его за границей, он и в этом остался самим собой.

Но если раньше он был бережлив от нужды, оттого, что чувствовал ответственность перед семьей, то теперь он был скромен в быту оттого, что не хотел извлекать какую бы то ни было личную выгоду из своего положения. И еще он хотел, чтобы мы, его дети, не выросли барчуками.

Ни разу он не позволил себе что-то оставить в тарелке, да и все мы были приучены к этому. Крестьянское отношение к хлебу, к еде так и сохранилось в нем на всю жизнь.

Одет он был всегда аккуратно, даже дома к столу выходил в костюме. Но одевался при этом скромно, любил носить вещи, к которым привык. Помню, как уже во время войны, когда костюм, в котором отец ходил на приемы, пообносился, мы посоветовали ему сшить новый. Он отказался.

— Не об этом сейчас думать. Вот немножко еще поживем, тогда будем костюмы шить.

По мере того, как Валя, Саша и Лида кончали свои институты, они возвращались из Ленинграда домой. Когда мы все получили образование, мы снова стали жить одной большой семьей.

Бывало, соберемся в столовой, а у каждого в это время в комнате горит свет. Отец пройдет по квартире, всюду потушит лампочки, и скажет нам: «Чего вы не гасите свет? Вот будете самостоятельно жить, придется за все расплачиваться самим. Тогда научитесь экономить...»

Правда, тут дело было не только в том, что он хотел приучить нас к бережливости в быту. В стране не хватало электроэнергии, и он всегда помнил об этом. Он вообще уважал чужой труд и не мог спокойно видеть, как что-то нужное, сделанное руками людей, пропадает без толку.

Как только мы стали работать, отец начал брать с нас деньги за стол и квартиру.

Он говорил: «Выучились, зарабатываете, вносите в хозяйство. Привыкайте жить за свой собственный счет».

Он не хотел, чтобы у нас были лишние деньги.

Как-то Валя попросил у отца денег на новый костюм.

Отец посмотрел на него и, улыбнувшись, ответил:

— Пожалуй, я дам лучше Жене.

Валя в ту пору уже был женат. Женей звали его жену.

— Почему? — удивился Валя.

— Жене я дам взаймы. Она мне отдаст. А ты не отдашь.

Он хотел, чтобы мы не чувствовали себя детьми президента, чтоб мы жили той жизнью, какой живут все.

Семья разрасталась. Мы выходили замуж, женились, в семью входили новые люди. Отец умел сделать так, чтобы в доме всем было легко и просто.

Валя впервые привел к нам Женю в день моего рождения.

Как она вспоминает, шла она к нам с волнением. За столом Женя сидела молча.

Отец шутливо сказал:

— Валя, что ж ты жену такую выбрал себе — все молчит да молчит?

Потом стол отодвинули, начали танцевать. Танцевала Женя прекрасно — тут ей не мешало волнение.

Отец ее похвалил: «Танцевать-то она хорошо танцует»—и, улыбаясь, прибавил: «А вот говорить не умеет».

К концу вечера она уже чувствовала себя у нас не в гостях.

А мой Николай пришел к нам в дом, когда

мы были на первом курсе, готовили к сдаче какой-то чертеж.

Чертеж оказался трудным и для меня и для него — долго мы бились, не находя решения: производства мы оба не знали, а в чертеже была дана червячная передача.

Отец пришел домой обедать, заглянул в комнату, где мы работали, поздоровался с Николаем, спросил, что мы тут чертим, и сразу нам объяснил, что «червяк» это не что иное, как бесконечный винт; должно быть, он это знал еще с той поры, когда был токарем. Нам все стало понятно, когда, выйдя на минутку из комнаты, он вернулся с мясорубкой, которую взял на кухне, и на ее винте показал, что это такое.

И оттого, что отец объяснил нам это так просто, с помощью такого обыденного предмета, Николаю, как он потом говорил, сразу стало легко с ним.

Бабушка наша по-прежнему жила в Верхней Троице. Она и теперь оставалась такой же простой, деревенской женщиной, какой была всю свою жизнь. Ни уклад ее жизни, ни деревенские ее предубеждения и приметы — ничто в ней не изменилось.

Как всегда, целый день находила она дела по хозяйству, жила в мире и дружбе с соседями. Всем с ней было легко и просто.

Долго еще в горнице, в переднем углу, висели иконы. Земляки вспоминают, что отец говорил о бабушке: «Пусть живет, как ей надо. На то ей и свобода дана». Он любил говорить, что просвещение — единственный путь к атеизму. В одном из своих выступлений как-то сказал, что всегда считался с религиозностью своей матери и что запретом бороться с религией бесполезно.

Потом бабушка иконы из горницы убрала в свою комнату. Никто об этом ее не просил, сама так решила.

Конечно, бабушка теперь не нуждалась, как в прежние времена: отец каждый месяц высылал ей деньги, мы приезжали летом и помогали ей. Но она ничего не хотела менять в своем обиходе, не хотела отличаться чем-то от своих соседей и нарушать заведенные в деревне обычаи.

Встречая нас, она неизменно ставила на стол все одно и то же излюбленное свое угощение: яишню из единственного яйца, сбитого с мукой и молоком. Яишня получалась при этом пышной, высокой и занимала целую сковородку.

Никаких разносолов, копчений бабушка не признавала, даже сливочного масла на ее столе не бывало. Раньше всего этого по бедности не было, а потом уже по привычке.

Отец чаще всего ездил в Верхнюю Троицу так: до Кашина поездом, от Кашина до деревни на лошадях. Посередине дороги, в Зяблине, лошади отдыхали, он заходил в чайную, его немедленно окружали, и начиналось его общение с земляками: разговор касался всегда самых острых, горячих вопросов дня.

Если же кто-нибудь приглашал его в гости, он отвечал, что прежде всего должен побыть у матери.

Бабушка и отец очень любили друг друга. Достаточно было увидеть, как теплеют глаза их, когда они вместе, чтобы это понять. Но слова оставались скупыми. Она ему всегда — сколько я помню —«Михайло», он ей — «мама», и ничего другого.

Он жалел свою мать, прожившую такую тяжелую жизнь, и быть может, отсюда та особая чуткость, то понимание трудной женской судьбы, которые вообще свойственны были отцу.

Помню его поездку на Кавказ в связи с юбилеем одной из республик. Отец побывал на многих заводах, колхозах. В честь юбилея устроили для партактива банкет. Присутствовали на нем только мужчины.

Отец возмутился:

— Что, у вас нет партийных работников женщин?

Оказалось, что нет.

— И жен у вас нет?

Хозяевам и в голову не пришло, что можно пригласить жен. Отец им сказал: «Завтра в колхозы поедем — берите жен. Дайте пример человеческого отношения к женщине».

На следующий день была праздничная встреча с колхозниками прямо в поле.

Теперь пригласили и женщин-колхозниц, но за столом, куда усадили отца, сидели только мужчины. Женщинам был накрыт стол в сторонке и поскромней.

— Нет, я так не могу,— сказал отец,— празднуете десятилетие Советской власти, а еще не поняли место женщины в нашей жизни.

Он встал, подошел к столу, где сидели колхозницы, каждой пожал руку, поздравил с праздником, да так за этим столом и остался. Вокруг него было весело и оживленно: он много шутил, рассказывал и расспрашивал.

Односельчане обычно сами приходили в наш дом — поговорить с отцом о плугах, о налогах, о ситце, о керосине, о внешней политике. Если же случалось, что у нас нет никого, отец, бывало, попросит: «Пойдите к Ивану Александровичу Соловьеву, пусть приходит к нам с мужиками».

Мужики приходили гурьбой. Накурят так, что в доме станет темно. Посмотрит отец на бабушку, скажет: «Надоели мы тебе, ну, мы пойдем на улицу». И продолжают у кого-нибудь на завалинке. Разговоров было много — на самые насущные темы.

В Верхней Троице на нашем краю всегда жили дружно. Так и теперь было. Молотилка, которая стояла в нашем сарае, по суще-

Бывало, мы все уже ляжем,
а в комнате отца
еще долго горит свет.

ству, была общей: пользовались ею все, кто хотел. А когда отец приезжал отдохнуть, он сам молотил людям — сначала нашему краю, потом остальной деревне.

Бывало, придет он на сенокос и скажет соседям: «Давайте покосим вместе, а после поделимся — так будет скорее».

Пожилые женщины в Троице и сейчас вспоминают: «Пока в деревне аукаются, на нашем конце уже все готово».

Так еще до коллективизации его земляки привыкали к совместной работе.

В феврале тридцатого года в Верхней Троице открывался Народный дом — деревенский клуб, построенный по предложению отца. Его пригласили на открытие клуба.

Приехал он, и сразу, как всегда, его окружили односельчане. На этот раз вопросов у земляков было больше обычного: началась коллективизация.

На заседание правления только что организованного колхоза пришла вся деревня. Отец говорил, обращаясь к местным руководителям: «Не озлобляйте людей. Дайте мужику все понять самому. Вы лучше так скажите: «Мы, мол, никого неволить не будем. Через год вы сами придете в колхоз, но тогда мы еще подумаем, принять вас или нет».

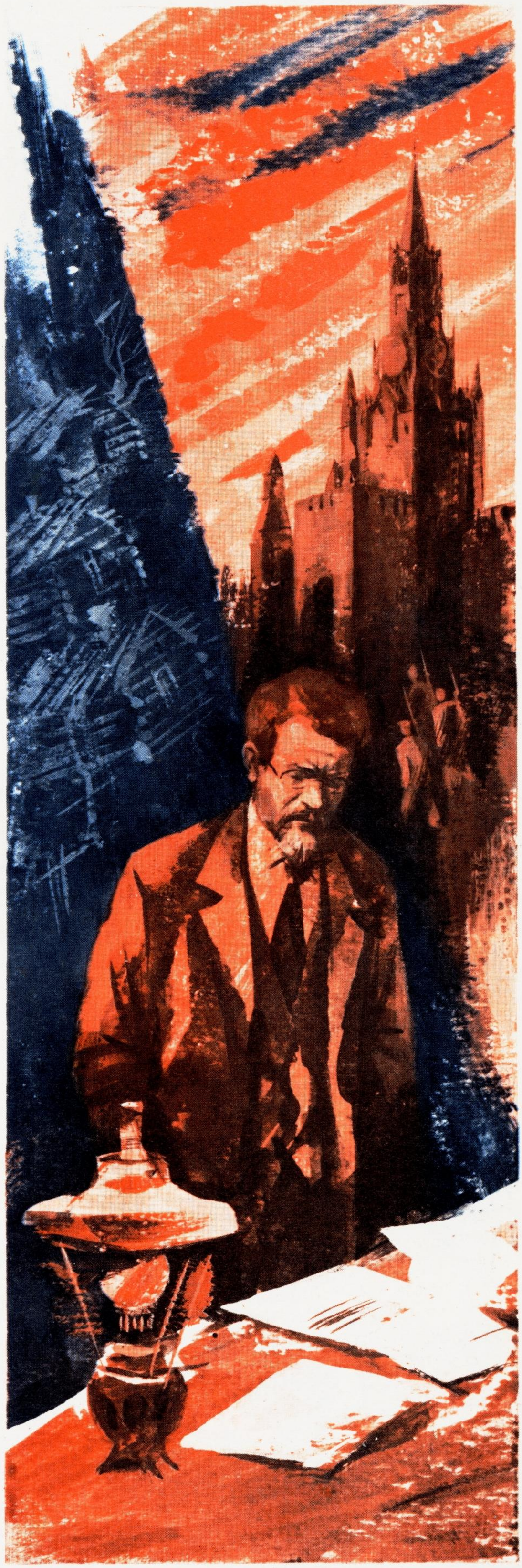
На другой день в контору принесли заявления о выходе из колхоза. Писались эти заявления коллективно, и подписи шли по кругу, чтобы не видно было, кто тут зачинщик.

Показали отцу местные руководители эти бумажки, он усмехнулся и только одно сказал: «А знаете, о чем говорит этот круг? О том, что вы тут брали уже кое-кого за штаны». Он хотел этим сказать, что нельзя насильно тащить в колхоз. Осталось в колхозе всего двадцать два хозяйства. Первым записали отца.

Через год в колхозе была вся деревня. Не вступил только Иван Александрович Соловьев, старый школьный товарищ отца.

Отец сказал: «Оставьте его в покое. Мы с ним уже сорок лет друг друга упариваем, упарить никак не можем». Он имел в виду те споры, которые они с Соловьевым вели всю жизнь.

Литературная запись Ю. КАПУСТО.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Пионеры будут всегда

Журнал «Пионер», детский, юный журнал «Пионер» празднует свой юбилей. Довольно взрослый уже юбилей.

Но все равно он юн и всегда будет юным, наш милый и любимый журнал.

Я говорю — наш, имея в виду и вас, читатели-пионеры, и нас, писателей, кто пишет для вас.

В журнале «Пионер» начинали свой литературный путь все или почти все детские писатели.

Так было и со мной.

Правда, первая моя повесть о десятиклассниках была напечатана в самом начале войны во взрослом журнале «Октябрь».

Но вот... Как отчетливо помню я этот день, вернее, вечер поздней осени 1941 года! Фашисты под Москвой. Беспрестанно слышны взрывы бомб и раскаты орудий. Машины с заводскими станками медленно движутся на восток. Предприятия Москвы эвакуируются. Эвакуируются музеи, картинные галереи. И дети.

Но я еще здесь. У меня двое маленьких детей, и я должна вывезти их из Москвы. Но пока я еще здесь...

Не знаю, что мне скажет завтрашний день. Рыть окопы? Я готова. Все, что нужно для победы над фашистами, я буду делать.

И вот однажды вечером слышу телефонный звонок. Тонкий, какой-то очень юный голос из журнала «Пионер» приглашает приехать. Я удивлена. Еду.

Журнал «Пионер» помещался тогда на улице «Правды», в здании редакции «Правды».

Я еду, полная недоумений, тревоги, смятения — война, война! Гитлеровцы под Москвой, что делать нам, не солдатам, не умеющим стрелять. Мы хотим защищать Родину от нашествия фашистов! Что делать нам?

Вхожу в кабинет главного редактора журнала «Пионер». За большим столом, в полупотемках вечера вижу женщину моих лет, миловидную и негромкую, усталую, с очень юным голосом.

Сразу, без вступления, она начинает разговор:

— Нам нужна повесть для пионеров о пионерах. Как они живут сейчас, во время войны? Что они думают? Как они страдают и как они борются? Нам нужна пионерская повесть. И вот, вы понимаете... — после паузы продолжает она,— как бы ни было тяжко, если даже придется уехать из Москвы, журнал «Пионер» будет выходить в другом месте. «Пионер» не замолчит никогда.

Помню этот вечер. Глухой, осенний.

Главный редактор журнала «Пионер» Наталия Владимировна Ильина, тихая женщина, под грохот орудий, при вспышках зловещих огней в московском небе говорила:

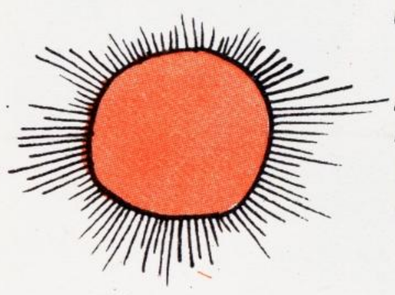
— Очень нужна повесть о пионерах. Журнал «Пионер» будет всегда выходить для наших читателей. Пионеры будут всегда.

Я написала эту повесть о пионерке Тане Слесаревой, обыкновенной советской девочке, которая во время войны стала бесстрашной, готовой отдать за Родину жизнь. В тяжелую, жестокую зиму 1942 года повесть о пионерке Тане Слесаревой и ее друзьях, юных патриотах, печаталась в журнале из номера в номер.

Вот, милые ребята, я рассказываю вам это, чтобы вы знали и помнили нескончаемый и вечный завет:

— К борьбе за дело Ленина, пионер, будь готов!

М. П. ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской.

Есть в редакционной работе такое понятие «запарка». Это в день сдачи номера— все носятся по редакции как мотогонщики, все шипят (потому что голоса уже сорваны в творческих спорах), а номер еще не готов, и нужно... ох, сколько еще нужно!.. А типография не ждет... Типография! Она самый наш большой, но и самый строгий друг. И вот, наконец, курьеры летят, спешат в типографию. ...И вот в одно прекрасное утро открывается киоск:

— Внимание! Внимание! Поступил в продажу новый «Пионер»!

Мой давний друг

Я с полным основанием могу назвать журнал-юбиляр своим давним-предавним другом. Во-первых, я зачитывался «Пионером» в те незабываемые и невозвратные годы, когда сам был пионером. Во-вторых, именно на его страницах я впервые выступил как автор литературного произведения. Мне было тогда четырнадцать лет. Стихотворение «Грибной дождь», опубликованное в журнале в 1938 году, было, конечно, очень несовершенным, и все же я не могу забыть об этом своем литературном дебюте, как не могу забыть свой первый школьный урок и первую прочитанную мною книжку...

Ну, а потом уж на страницах родного «Пионера» были напечатаны многие мои повести —«Саша и Шура», «Тайный сигнал барабанщика», «Говорит седьмой этаж!», «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле». Вот и получается, что в течение всей своей творческой жизни я дружил с «Пионером». И буду дружить с ним всегда!

Сегодня хочу сказать: спасибо тебе, мой давний и добрый друг, за все хорошее. Желаю тебе и твоим читателям солнца и счастья!

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат премии Ленинского комсомола.

Крепкого вам ветра, тебе, „Пионер"!

Журнал «Пионер» любят миллионы советских детей. От души желаю, чтобы с каждым годом росло число его друзей и во всех странах мира. Горжусь тем, что могу назвать себя другом «Пионера» и советских пионеров.

В день славного юбилея мой сердечный привет журналу и его юным читателям.

Морис КАРЕМ,
Брюссель.

Мне нравится листать старые подшивки «Пионера». В те годы, когда я учился в университете, часто я заказывал в библиотеке комплекты журнала за тридцатые и сороковые годы. Библиотекарша, удивленно оглядываясь на меня, отправлялась в глубины книгохранилища. Я слегка смущался и объ-

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ДОРОГОЙ «ПИОНЕР»!

Я рада, что ты познакомил меня со своими читателями и что моих Пеппи, Малыша и Карлсона любят дети Советского Союза!

Дорогой «Пионер», у тебя сегодня славный юбилей — 50 лет!

Поздравляю тебя!

Пусть у тебя всегда будет как можно больше веселых страниц, которые так любят все дети!

Астрид ЛИНДГРЕН,
Стокгольм.

яснял, что «Пионер» нужен мне для курсовой работы по детской литературе.

Никакой работы на эту тему я не писал. Просто мне приятно было листать полузабытые страницы, перечитывать знакомые с детства повести, снова читать о заботах и радостях пионерских отрядов, ребята из которых теперь уже стали взрослыми.

Я словно возвращался в свое детство.

Мне хорошо запомнилось, как в этом детстве произошла моя первая встреча с «Пионером». Однажды я увидел много журналов с разноцветными обложками — они лежали на сером, колючем одеяле, которым была укрыта Пашкина кровать. Пашка — это мой сосед. Ему исполнилось одиннадцать лет, он ходил в четвертый класс и носил красный галстук с блестящим значком-зажимом на узле. И журнал «Пионер» получал тоже он. Не знаю, зачем он раскидал номера журнала на кровати. Помню только, что я как увидел их, так прилип и не мог оторваться.

Пашке надо было куда-то уходить и запирать комнату. Он торопился и ворчал на меня. А я не хотел расставаться с «Пионерами». Тогда Пашка схватил ворох журналов и сунул мне в охапку.

— Забирай и выметайся.

Я, осчастливленный, прибежал к себе в комнату и разложил журналы на полу...

Знаю, что мне шел тогда шестой год, за окном пулеметными очередями била солнечная капель и таял снег. Значит, был март сорок четвертого года. В этот месяц и год «Пионер» отмечал свое двадцатилетие.

А через двадцать лет, тоже в марте, ворох разноцветных обложек, таких знакомых с детства, снова запестрели передо мной. Они были напечатаны на обложке номера, посвященного сорокалетию «Пионера»,— множество маленьких, со спичечную наклейку, обложек на одной большой, настоящей. Я очень хорошо помню этот номер. Еще бы! Впервые я держал журнал не только как читатель, но и как автор. В юбилейном номере был напечатан мой рассказ «Капитаны не смотрят назад».

С тех пор прошло ровно десять лет. Все эти годы меня с журналом связывала и дружба, и работа, и заботы о пионерских делах. Журнал вручил пионерское знамя морским юнкоровским отрядам ребячьей флотилии «Каравелла», которой я командую вот уже девятый год. А на страницах журнала за это время было напечатано больше десятка моих повестей и рассказов. «Пионер» дал дорогу в жизнь героям большинства моих книжек: именно с его страниц они впервые пришли к читателю.

Вот и сейчас в этом номере начинается моя новая повесть — «Мальчик со шпагой». Тот, кто читал журнал в прошлом году, помнит, может быть, ее главного героя Сережу Каховского. О нем рассказывалось в повести «Всадники на станции Роса». Вторая повесть о нем — это дальнейший рассказ о Мальчике со шпагой, готовом броситься в бой с любой несправедливостью, о надежном и смелом товарище. Я очень рад, что именно «Пионер» впервые рассказывал о нем читателям.

Дело в том, что «Пионер», несмотря на свой солидный возраст, сам кажется мне похожим на такого мальчишку — верного друга, веселого спутника, бесстрашного бойца, готового всегда сражаться с глупостью и злобой, скукой и равнодушием,— на мальчика со звонкой шпагой в руках.

Владислав КРАПИВИН,
член Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР.

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

С. ГУРЕВИЧ,
заслуженный учитель школы РСФСР.

Завтра урок. Приступаем к изучению Пушкина. Какие портреты писателя и его друзей, какие издания его сочинений показать ребятам? Что из огромной литературы о нем посоветовать почитать всем, что некоторым? Как учесть интересы, склонности и возможности каждого ученика? Что задать к следующему занятию, а что по всей теме?

Я сорок пятый год преподаю литературу. Встречи с людьми и книгами, с искусством и наукой, со всем, что читаю, слышу, вижу и люблю, постоянно обновляют то, что несу в класс.

В шестнадцать лет я стал студентом Высших государственных литературных курсов. Крупнейший знаток Пушкина, профессор Мстислав Александрович Цявловский, преподавал введение в литературу. Он читал нам Пушкина и то, что казалось понятным, объяснял слово за словом. Отсылал по всякому поводу к словарям и справочникам, и к концу занятий мы убеждались, как мало мы знали и сколько еще предстоит узнать. Велико было наше удивление, когда мы узнали, что Мстислав Александрович, писатели В. В. Вересаев и И. А. Новиков, прославленные артисты Художественного театра Л. М. Леонидов и В. В. Лужский уже три года обсуждают каждую строфу «Евгения Онегина», спорят и далеко не всегда соглашаются друг с другом.

Цявловский вводил нас в творческую лабораторию Пушкина, делал свидетелями того, как постепенно возникали образы, казавшиеся нам родившимися сразу. Первоначальный черновой набросок совершенствовался у нас на глазах в те строки, что мы помнили с детства. Вскоре Мстислав Александрович пригласил нас к себе. Его квартира учила не меньше, чем ее владелец.

Все, что написано было Пушкиным и о Пушкине, стояло на полках библиотеки Мстислава Александровича. Картотеки, составленные Цявловским, учитывали, что и когда писал Пушкин и где печатал свои произведения, где появлялись отзывы о них, кто знал поэта, кто, где и когда вспоминал о нем, где и когда он бывал.

Кругом висели портреты Пушкина и тех, кто окружал его, посмертная маска поэта. Цявловский знал о Пушкине больше, чем

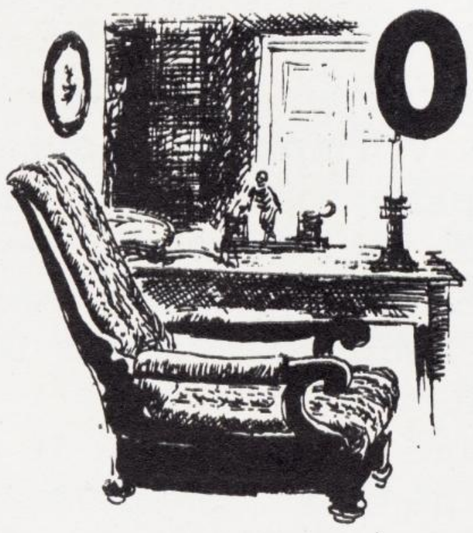
тот мог знать о самом себе. Пушкин не сопоставлял бесконечные черновые варианты своих строк, ему остались неведомы доносы жандармов и их агентов, не знал он и того, что писали о нем друг другу его друзья и враги. Цявловский помнил все. Вся атмосфера его квартиры была насыщена Пушкиным. Мыслями о нем жил Мстислав Александрович. Трудно представить разнообразие дел и вопросов, с которыми обращались к нему: внучка декабриста искала подтверждения своего родства с другом Пушкина; режиссер спрашивал о разночтениях «Бориса Годунова»; певица просила перед концертом прослушать пушкинские романсы в ее исполнении; художник интересовался мнением о своих иллюстрациях; обладатель неподписанного автографа пушкинской эпохи допытывался, кто мог его написать; чтец советовался о том, что и в какой последовательности включить в композицию.

Цявловский слушал неодинаково: сочувственно и заинтересованно, иронически и враждебно. Но одного он не умел — слушать равнодушно.

М. А. Цявловский не только пробудил у нас жажду, но и показал, как утолять ее. Он привлекал нас к составлению библиографии, учил самостоятельно находить источники и брать из них главное. Не довольствоваться добытым и неустанно его пополнять. Извлекать полезные знания не только из книг, но из всего, что нас окружало.

Многие годы, когда я перечитывал Пушкина в Ленинграде и там, где стоит Лицей, на Кавказе и в Крыму, в Михайловском и Тригорском, в Болдине и на Волге, и всюду — у себя дома и в классе — я готовился к урокам по Пушкину.

И когда собирал все, что писал Пушкин — издания прижизненные и посмертные, дней Октябрьской революции и академические, редчайшие и массовые, когда читал все значительное, что писалось о Пушкине,— я готовился к урокам о нем.

Оставит ли урок след надолго или пройдет впустую, зависит не только от меня. Что, кроме обязательного — внимательно прочитанного текста и знания учебника,— принесет с собой в класс каждый из вас? Чем обогатит всех и что узнает от них?

На переменках, выбрав уголок поукромнее, ребята поспешно перечитывают «От и до...» — то, что задано к следующему уроку. Задано вчера, а то и три дня назад. «Учат химию». «Учат географию». «Учат историю». «Учат» и Пушкина. Заботятся об одном: не забыть до той поры, когда спросят. А потом — поскорее учить новое.

Невелика цена таким знаниям. Копни глубже — пустота... Все — разные, а отвечают одинаково. И на уроке воцаряется усыпляющее однообразие.

Если же готовиться серьезно, привлекая к ответу все, что читали, видели и слышали, если перекидывать мостик от того, что знаете и любите, к тому, о чем предстоит узнать на уроке, исчезнут одинаковые ответы, возникнут вопросы, появится интерес. Так мы и попробовали сделать.

Мальчик, недавно побывавший в Ленинграде, поведал о личной библиотеке, которую собрал Пушкин. 3 560 томов на четырнадцати языках отражают безгранично широкие интересы владельца: комплект «Журнала общественно-полезных сведений или Библиотеки по части промышленности, сельского хозяйства и наук, к ним относящихся», «Введение в географию, служащее ко изъяснению всех ландкарт земного шара, движения звезд, древних и новых систем света и употребление глобусов и мер географических», «Военный мореплаватель, с показанием, каким образом военные флоты долженствуют быть устрояемы для сражения, также для атаки неприятельских, или защищения своих портов», «Явления Венеры на солнце, наблюденные в Санкт–Петербургской императорской академии наук» и «Сочинение о государственном кредите». На страницах многих книг сохранились пометки Пушкина...

Тот, кто лучше других знал историю, рассказал об интересе Пушкина к героям Отечественной войны 1812 года, к выразителям народного протеста—Разину и Пугачеву—и раскрыл содержание исследований Г. Блока и И. Фейнберга о работе Пушкина над историческими источниками и неоконченной книгой о Петре Первом.

Ребята, занимающиеся краеведением, рассказали о местах, связанных с пребыванием Пушкина в окрестностях школы, и обозначили на географической карте пункты, через которые пролегали дороги Пушкина, успевшего изъездить на лошадях тридцать четыре тысячи верст. А на карте мира они обозначили названия произведений, действие которых происходит во многих странах мира.

Мальчик, увлеченный математикой и физикой, поведал о том, что Пушкин, основав журнал «Современник», опубликовал «Разбор парижского математического ежегодника» и очерк о теории вероятностей. Прочитав статью о железных дорогах, Пушкин счел, что она «в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого». Он заказал для журнала статью о теории паровых машин. Докладчик прочитал те строки писем Пушкина, где тот упоминал «чугунные дороги», «паровые корабли», «пароходы» и «подводные судна».

«Я не вижу границ творчеству человеческому»,— говорит Бертольд в «Сценах из рыцарских времен».

Пушкин верил в неиссякаемые возможности науки и думал о будущем:

«О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух
И Опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг,
И Случай, бог изобретатель...»

Пушкин мечтал о создании машины, предупреждающей снежные заносы, о сооружении водоотводных каналов. Стремясь «в просвещении стать с веком наравне», Пушкин следил за всем, что волновало крупнейших ученых его времени. «Ни одно из таинств науки им не было забыто», — вспоминал В. Ф. Одоевский.

Тема «Пушкин в музыке» увлекла многих. «Руслан и Людмила» Глинки, «Русалка» и «Каменный гость» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Евгений Онегин», «Мазепа» и «Пиковая дама» Чайковского, «Моцарт и Сальери», «Сказка о царе Салтане» и «Золотой петушок» Римского-Корсакова, «Дубровский» Направника, «Алеко» Рахманинова, «Медный всадник» Глиера, замечательные романсы на слова Пушкина заняли урок и три вечера. Одни рассказывали, другие играли, третьи пели...

О том, что поэзия Пушкина вдохновила многих композиторов, знали все. Но то, что без Пушкина нет русской музыки, поняли только теперь.

Все, что узнали, ребята решили объединить в синхронистическую таблицу, включающую основные исторические факты и события из жизни и творчества Пушкина и его современников — литераторов, композиторов, живописцев, артистов, деятелей науки и техники. Это давало возможность сопоставить и обобщить сведения, полученные из разных источников.

Но как это сделать?

Блестящий образец такого сопоставления мы нашли в статье К. Симонова о Пушкине: «Пушкин родился в тот год, когда русские войска под водительством Суворова на равнинах Северной Италии и в горах Швейцарии впервые и победоносно встретились с войсками Наполеона, в те дни уже некоронованного диктатора Франции.

Пушкин напечатал свое первое стихотворение в тот год, когда русские войска после пожара Москвы, после изгнания «двунадесяти языков» из пределов России победоносно вошли в Париж.

...Пушкину 16 лет, когда вторичным вступлением русских войск в Париж кончаются наполеоновские войны. Ему 17 лет, когда возникает декабристский «Союз спасения». Ему 21 год, когда происходит революция в Испании и в Неаполе. Ему 22 года, когда восстает против турок Греция. Ему 26 лет, когда на Сенатской площади разражается декабрьское восстание».

Все эти факты, взятые отдельно, известны из уроков истории и литературы. Но, сопоставленные друг с другом, они обрели новый смысл.

На уроке, который мы провели, каждый рассказал о Пушкине что-то свое, но общими усилиями воссоздавался облик того Пушкина, про которого Гоголь сказал: «это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».
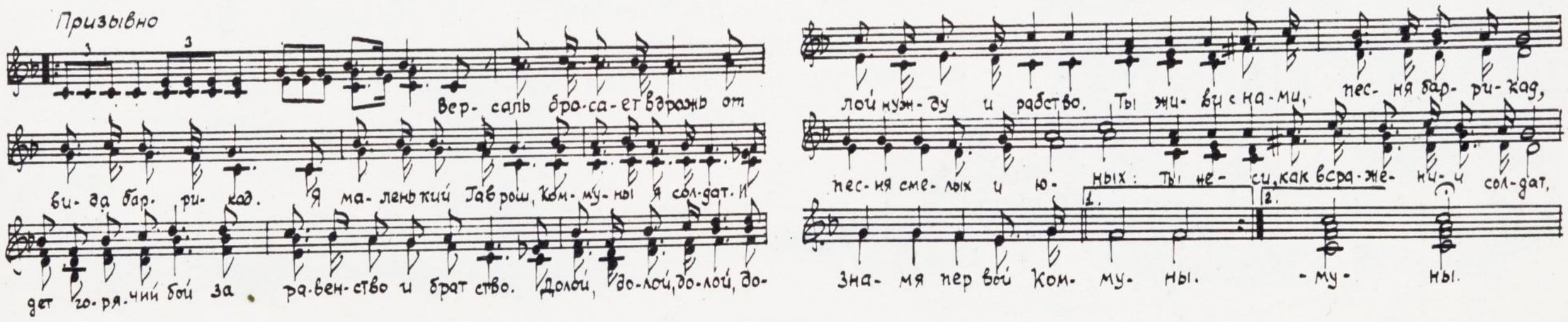
Знать мало. Необходимо использовать эти знания. Без употребления они выветриваются. Когда каждый приносит на урок свое, обогащаются все. И не только тем, что слышат новое. Видят разнообразие источников, путь к ним и глубину и способы использования.

Робкий, ощутив внимание класса, становится уверенней, слабый — сильнее, самонадеянный — строже к себе. И все видят друг друга как впервые, узнают, чем сильны товарищи. Всем становится интереснее друг с другом. Никому не хочется отстать. И учение постепенно начинает увлекать всех. Оно формирует отношение к работе, людям и к себе.

Песенка Гавроша

Стихи Ефима ШКЛОВСКОГО. Музыка Михаила ПРОТАСОВА.

(Слова песни напечатаны на 4-й стр. обложки).

12000
100 ватт × 10 часов
4 коп × 5 киловатт часов
ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ
ГЛАВНЫЙ ЭНЕРГЕТИК В ДОМЕ
Вечером 20 февраля в редакции раздался телефонный звонок. Говоривший был взволнован. Фамилии он своей не назвал. Сколько ему лет, тоже не сказал, но, судя по тому, что телевизор он назвал «телеком», его примерный возраст мы определили. Вот что незнакомец рассказал.
Мы с Алешей Рябушкиным сидели у меня дома и делали уроки. Все было как обычно. Радиоприемник работал исправно. Алеша, например, любит делать уроки под музыку, а я — под «Последние известия». Телевизор тоже работал хорошо. В коридоре лампочка горела, в ванной горела лампочка, а в комнате целая люстра сияла в пять лампочек, как солнце в Африке. Это Алеша придумал. «Зачем, — говорит, — каждый раз свет включать и выключать? Сколько нашей энергии на это уходит... У нас и так нагрузка в школе большая. Зажечь один раз, и пусть горит».
Жужжала стиральная машина. Моя младшая сестра Аллочка прочитала, что пауков в космос берут... И теперь испытывала в центрифуге, которая белье отжимает, своего ручного паука Федю. Как он перегрузки выносит...
И вдруг... Все замерло. Стало тихо и темно. В ванной плакала Аллочка. Центрифуга остановилась, и паук Федя удрал в темноту.
— Надо бы пробки поправить, — неуверенно сказал Рябушкин. Я тоже знал, что есть какие-то пробки... но где они?
Спотыкаясь, мы пошли в коридор, где висел электрический счетчик. Рябушкин встал на стул и принялся искать пробки.
— Это бесполезно, — вдруг проскрипел мне кто-то в самое ухо. Голос был знакомый, знакомый...
— Электроэнергии вы сегодня больше не получите. За один день вы истратили столько, сколько на три дня полагается. — Теперь я понял, кому принадлежал голос — нашему электрическому счетчику.
— Не будет, и все, — подтвердил счетчик. — Вот посчитайте, если одна только лампочка в 100 ватт, которая висит у вас в коридоре, горит 10 часов, то (счетчик защелкал):
100 ватт × 10 часов = 1000 ваттчасов = 1 киловатт час
На этот киловатт-час можно сто двадцать килограммов хлеба испечь. На пекарне ведь электропечи стоят. И батончиков и булок с изюмом...
— Бубликов теплых с маком, — добавил я.
— На один этот киловатт-час мастер на электрической машине две пары обуви сошьет — Рябушкину и тебе.
И это еще не все, — говорит счетчик, — радиоприемник у вас сегодня весь день зря работал. Мощность у него 200 ватт — хороший приемник. Умножьте-ка...
200 ватт × 10 часов = 2000 ваттчасов
2 киловаттчаса
А если в городе не два таких мальчика, а хотя бы тысяча?
2 киловаттчаса × 1000 мальчика, — торопливо защёлкал счетчик, — равняется 2000 киловатт часов
А если у каждого такого мальчика работает приемник да еще горят три лампочки по 100 ватт... Четыре копейки платят ваши родители за один использованный киловатт-час электроэнергии...
1 лампочка 40 ватт
3 500 ватт
3 киловатта часа
220 v
127 вольт

1 киловаттчас × 3 лампочки = 3 киловаттчаса

3 киловаттчаса + 2 киловаттчаса = 5 киловаттчасов

4 коп. × 5 киловаттчасов = 20 копеек

Вот так вот! Пломбир в стаканчике можно купить. Что вам стоило вовремя погасить свет...

И еще, — подумав, добавил счетчик. — Замените все обычные лампочки на криптоновые.

— Криптоновые? — удивились мы с Рябушкиным.

— Вот именно. Электроэнергии они расходуют меньше, а света дают больше. А у вас обычные лампочки все в пыли. Пыль, между прочим, съедает 20 процентов световых лучей. Вот что... — сказал счетчик. — Посидите-ка сегодняшний вечер без электроэнергии.

Вот мы и сидим. Уроки не сделали. Завтра по двойке получим. Мороженое, которое нам мама в холодильнике оставила, растаяло. Художественный фильм не посмотрели. Радио молчит, магнитофон тоже. Сидим мы с Рябушкиным у окна, смотрим на звезды. Тихо, темно.

❄

Долго они не просидели. Позвонили из автомата нам в редакцию. Стали просить Тут-Как-Тута поговорить со счетчиком. Чтобы он их простил. Они так больше никогда делать не будут. Пришлось Тут-Как-Туту отправляться им на помощь. А на следующий день он проявился в «Мосэнерго» у Николая Николаевича Бибикова, старшего инженера, и рассказал ему эту историю.

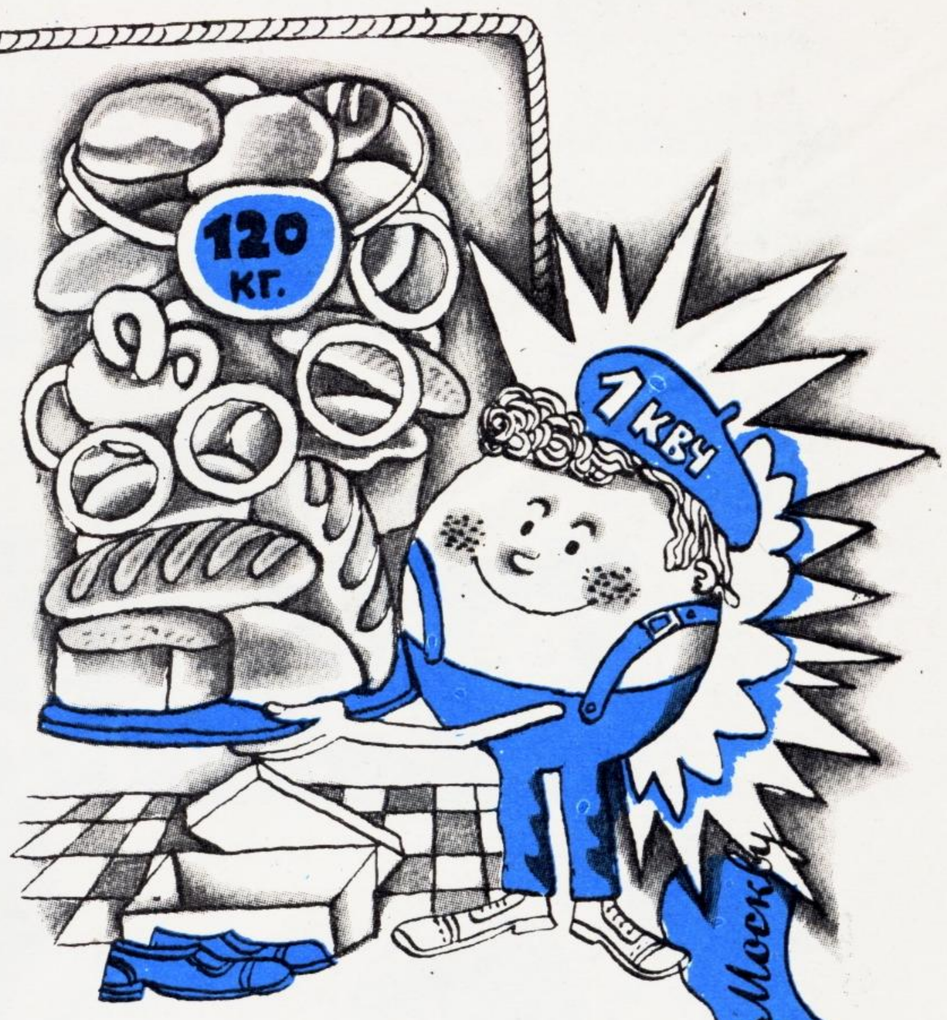
— Электроэнергия, — сказал Николай Николаевич, — неощутимая продукция. Поэтому к ней иногда относятся несерьезно.

Одну только Москву снабжают электроэнергией десять электростанций. Восемьдесят тысяч тонн угля, нефти, торфа привозят каждый день в Москву целых тридцать железнодорожных составов. Все это надо превратить в мельчайшую пыль, только тогда топливо можно будет сжигать. Воду надо очистить, чтобы в котлах не появилась накипь. Потом воду превращают в пар. Пар крутит лопасти турбин. Электрический ток побежал по проводам. Но им еще нельзя пользоваться. Трансформаторные подстанции понижают его напряжение до 127 и 220 вольт.

❄

Вот задача для тех, кто учится в Школе Умелых Хозяев.

Условие. Для того, чтобы получить 1 киловатт-час электроэнергии, нужно сжечь 350 граммов угля. В Москве 7 миллионов жителей, то есть примерно два миллиона семей. Почти у всех есть телевизор. Если телевизоры будут работать только один час, сколько будет израсходовано угля? Телевизор потребляет 300 ватт в час.

300 ватт × 1 час = 300 ваттчасов

300 ваттчасов × 2 000 000 = 600 000 000 ваттчасов = 600 000 киловаттчасов

350 граммов × 600 000 киловаттчасов

Ответ:

Наверное, каждый, — сказал Николай Николаевич, — должен стать у себя дома главным энергетиком. Это не так уж трудно. Приоткрой сейчас дверь в коридор — посмотри, не напрасно ли горит там лампочка.

И. ГОЛУБЕВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

С. ИВАНОВ

ТВОЯ ГАЗЕТА

Рисунки А. ГРИШИНА.

Этот материал обращен к вам, председатели советов отрядов, редакторы отрядных и дружинных газет! Мы будем рады, если он поможет вам!

Первый Всесоюзный слет тимуровцев в Артеке — горячие деньки, каждый битком набит событиями, встречами.

Работы хватает и ребятам и взрослым. С утра до вечера я хожу по дружинам (а их в Артеке десять!), рассказываю ребятам о том, каким должен быть тимуровский «боевой листок» (мне поручили руководить тимуровским пресс-центром).

А в самом деле, каким же он должен быть?

Прежде всего о названии.

Обычно тимуровскую газету называют «боевой листок». Однако это не обязательно. Название может быть любым.

Только главного забывать нельзя: твоя газета по сути своей должна быть именно «боевым листком» — родным братом тех, пусть и наскоро сделанных, но все же интересных и острых газет, что выходили во время войны прямо на передовой, что выходят в наши дни на строительных площадках, например, на ударных комсомольских стройках.

Боевой листок. В каждом из этих двух слов заложен свой смысл.

Боевой — это значит, что газета твоя должна быть оперативной, зубастой, боевитой. Мне вспоминается трудовой десант в Артеке — ребята роют траншею для прокладки кабеля. А земля крымская неподатлива, камениста. Кирки звенят, пыль дымится, солнце палит что есть силы. Словом, нелегко... Наконец устроили «передых». И здесь вдруг откуда ни возьмись — «боевые листки». Прямо на ветках кипарисов они висели. Рисунки, может, и не ахти, а заметки деловые, точные. И, честное слово, веселей стало работать, легче... Вот это оперативность!

Теперь еще об одном необходимом качестве, которого частенько не хватает тимуровской газете. Мы громко говорим ей: «Будь зубастой!» А сами делаем ее... беззубой. Успокаиваем друг друга: «Ну, чего уж

там, вроде все старались, все от души...» И пишем уныло, что, мол, есть отдельные ребята, с отдельными недостатками — зачем сор из избы выносить? Нет, надо сор из избы выносить. Лучше сор из избы, чем сор в избе!

Теперь о втором слове — **листок.** Газета твоя невелика. Примерный объем ее — страничка «Пионерки». Стало быть, за что надо бороться? За краткость. Болтовню из «боевого листка» вон! Как и вон ее с наших сборов. Краткость, точность фактов. Точность позиции. Не рассусоливание, не маскировка обтекаемыми словечками, а прямой, правдивый рассказ.

О чем должна говорить газета?

Обо всем, что составляет жизнь, интересы твоей команды. Здесь сегодняшний день и мысли на будущее. И, конечно, не только внутренняя жизнь команды!.. Артек, тимуровская смена, первые числа октября 1973 года. Ребячьи газеты полны заметок о Чили. И это естественно! Разве могли тимуровцы, пионеры — просто честные, настоящие ребята, пройти мимо чилийских событий?

В первой части этой заметки речь в основном шла о содержании тимуровской газеты. Теперь поговорим о ее форме. Давайте прямо и честно скажем: грош цена будет нашей газете — даже самой принципиальной, точной, правдивой,—если она окажется скучна... У скучной газеты нет читателей. Скучная газета — это газета-невидимка!

Тимуровская газета — острое оружие твоей команды, острое оружие всего тимуровского дела. Но что же это за острое оружие, если газету твою никто не читает?

Операция «Шиповник». Артековцы собирают целебные ягоды для госпиталя в Ханое. Все работают хорошо, а некий Миша отлынивает. Как может откликнуться на это «боевой листок»? Ну, допустим, острой заметкой. Что ж, неплохой путь. Но боюсь, уйдет много места, а газета невелика, а надо еще о тех сказать, кто работал по-боевому. Может быть, лучше использовать короткий фельетон. Например, так:

Наш отряд шиповник рвал,
Миша ягодки искал.
Первый час уже прошел,
Миша ягодку нашел!..

Это не я придумал. Это начало из фельетона. Не беда, что стихи не совсем гладки. Главное, они веселы, точны, попали в цель.

А можно про того же Мишу нарисовать карикатуру и сделать короткую подпись. Тоже выйдет неплохо... Ну, хорошо, карикатуру. А если в команде художника нет? Тут могу посоветовать только одно: побольше выдумки, побольше юмора. Скажем, так: в газете рамочкой обведено пустое место. И подпись: «Это что за загадочная картинка? Это рабочее место нашего Миши. А где же Миша? Он спит в холодке!»

Очень здорово в «боевом листке» выглядит фотография. Три-четыре фотографии, три-четыре подписи к ним — вот и готова газета. Главным достоинством ее будет точность факта, документальность. Две фотографии рядом: прохлаждающийся Миша и какая-нибудь девочка, которая себе уже все руки исколола о шипы. Тут, пожалуй, и подписи никакой не потребуется!

Теперь немного о заметке. Все-таки именно она остается основным газетным жанром. Без нее не обойтись. Только вот беда: в ста случаях из ста заметки эти строятся по одной и той же надоедливой схеме. Примерно так: «23 февраля мы собрались в классе и пошли к ветерану битвы на Волге Алексею Степановичу Петрову». И дальше будет рассказано, как шли, как пришли, что сделали, то есть все, как было, от точки до точки, от «а» до «я». Может существовать такая заметка? Может. Только читать ее будет скучновато.

Как же быть? А например, взять и тот же факт начать с середины: «В подъезде было темно, и старые ступеньки скрипели...» Или вообще начать с конца: «Когда мы уходили от Алексея Степановича Петрова, он сказал нам...» Очень неплохо может получиться, если заметка (описание события) будет перебита коротким интервью в два-три вопроса.

Я совсем не хотел бы, чтоб мои предложения вы возводили в закон. Пробуйте, экспериментируйте — на то вы и газетчики! Сколько фактов, столько и способов их подачи. Последнее: чтобы газету можно было прочитать, она должна быть написана разборчивым почерком. На мальчишек здесь надежда плохая. Значит, пусть в редколлегии обязательно будет девочка, которая умеет красиво и аккуратно писать.

Самое последнее: в тимуровских газетах я часто сталкивался с ошибками. Не с описками, а именно с ошибками — безударные гласные, слитное и раздельное написание «не» и «ни», путаница в окончаниях глаголов. Это все совершенно недопустимо. Газета должна быть грамотной. Авторитет безграмотной газеты едва ли не равняется нулю. Помните, пожалуйста, об этом. Нельзя, чтоб из-за орфографии страдало важное дело.

И теперь самое-самое последнее: удачи вам, тимуровские газеты, принципиальности, смелости, гордости, доброты!

❊

Всесоюзный штаб Тимура при редакции журнала «Пионер» объявляет конкурс на лучший «боевой листок». Время проведения конкурса — март — май 1974 года. Каждая тимуровская команда имеет право прислать один «боевой листок». Результаты конкурса будут подведены в девятом номере нашего журнала. Листки шлите по адресу журнала с пометкой: «На конкурс».

КОНКУРС КОНКУРС КОНКУРС КОНКУРС

Небольшое бумажное землетрясение, и на журнальных страницах появился ТУТ-КАК-ТУТ. Впрочем, всем известно, что он не появляется, а проявляется. От сильных чувств: когда радуется или сердится, он становится видимым.

— Пионерский салют! — как всегда приветствовал нас ТУТ-КАК-ТУТ. Он подбросил шляпу, она закрутилась в воздухе, и мы услышали смешную короткую песенку:

Хотя журналу пятьдесят,
Но он — ровесник всех ребят,
И в пятьдесят он — не седой,
А совершенно молодой...

— У меня сегодня великолепное настроение. Раза в три, нет, пожалуй, в пять раз лучше, чем у человека, который кончил четверть на одни пятерки, помирился с другом и получил в подарок фотоаппарат. Два месяца я путешествовал по разным городам и селам и не встретил ни одного мальчика и ни одной девочки, которым бы не нравился журнал «Пионер». Все просили передать журналу поздравления и говорили всякие добрые слова:

— Я люблю читать «Пионер»,— сказала Надя Чипёнева из Москвы. — Мне нравятся его повести и рассказы. И еще: он помог нашему отряду стать правофланговым.

— А мне он рассказывает о жизни ребят из других школ и о том, как сделать, чтобы класс стал дружным,— добавила Люда Куранова из села Еножаевка, Астраханской области.

— «Пионер» много рассказывает о космосе, и мне это очень нравится,— говорит Дима Столыга из Ташкента.

— И учит хорошо шить,— замечает Марина Сдобникова.

— «Школа Умелых Хозяев» научила меня бережливости, — поддерживает остальных ребят Олег Никишианов.

— А мне, — призналась Лена Панова из поселка Кневицы, Новгородской области, — разобраться в некоторых своих ошибках.

— И очень хорошо,— сказала Попова Валя,— что «Пионер» рассказывает, как лучше работать с октябрятами.

ТУТ-КАК-ТУТ снял с плеча свою огромную сумку. Крышка ее не закрывалась, и из всех кармашков и карманчиков сумки торчали белые уголки писем. Пачку писем ТУТ-КАК-ТУТ держал под мышкой.

— Вот сколько,— сказал он,— накопилось за два месяца.

Прямо на наших глазах письма, которые ТУТ-КАК-ТУТ вынимал из сумки, увеличивались в три, а то и в пять раз.

— Имеешь дело с детьми, ничему не удивляйся,— повторил свою любимую присказку ТУТ-КАК-ТУТ.— Письма увеличились потому, что простые вопросы ребята превратили в проблемы, а проблемы преувеличили по крайней мере в пять раз. Чтобы доказать это, я попросил самих ребят ответить на вопросы, и это у них получилось.

— Вот, например, Надя Петрунина из города Темиртау написала нам:

«Класс у нас недружный. Мальчики не уважают девочек. А мы как ни стараемся завязать с ними дружбу, ничего не выходит. Они смеются над нами, обзывают, не хотят принимать участия в жизни класса».

— Я посчитал,— объявил ТУТ-КАК-ТУТ,— писем, похожих на Надино, я получил 187. А вот что ответили Наде ребята, у которых я проявлялся в гостях.

Валя Курашова из г. Спасска:

«Девочки часто говорят: «Мальчишки, мальчишки...» А сами их толком не знают. Недавно мы выпускали стенгазету. Девочки остались после уроков. И вдруг дверь открылась. Зашел один мальчишка из нашего класса, за ним другой. Мы испугались, что они будут мешать. А они говорят: «Давайте мы вам поможем».

Оля Стопыкина из г. Киева:

«У нас в классе провели анкету «Кто чем любит заниматься?» Оказалось, что мальчишки не такие уж плохие. Один написал, что хочет организовать фотокружок, другой — шахматно-шашечный турнир... А мы-то думали, их ничего не интересует».

Валя Сидорова из г. Красноярска:

«Девочки иногда хотят, чтобы мальчишки были похожи на них. А мальчишки должны оставаться мальчишками. Они не умеют не шуметь на перемене и не играть в футбол».

Коля Кириленко из г. Николаева:

«Мальчишки не любят, когда девчонки командуют: «А ну, марш делать уроки!». «Чтоб все остались на сбор!». Какая уж тут дружба».

Лариса из г. Шахрисабзе, Уз ССР:

«В нашем классе было очень скучно. Каждый жил сам по себе. Но вот нас вызвал на КВН 7«Е». Мы долго готовились к КВНу, сильно переживали: нам не хотелось потерпеть поражение. И с тех пор мы стали болеть за свой класс. Мы стали жить для класса. Почти все ребята записались в кружки. Многие увлекаются теперь геометрией, алгеброй, физикой, немецким языком».

— Ужасно важно постараться сначала самому ответить на свой вопрос и не создавать проблему там, где ее может не быть,— сказал ТУТ-КАК-ТУТ.— Я думаю, нет такого класса, в котором девочки и мальчики не могли бы подружиться. Только нужно знать, кого что интересует, и не уговаривать мальчишек участвовать в концерте самодеятельности, если им хочется провести хоккейный турнир.

Письма, которые ТУТ-КАК-ТУТ держал под мышкой, прислали ему вожатые октябрят. Их было 104, и почти все они похожи на письмо Володи Васильева из Уфы:

«Я оставляю октябрят после уроков и читаю им интересные книжки. Они меня не слушают. Смеются, играют в морской бой. Я просто в отчаянии. Ведь я так мечтал стать вожатым. Может быть, у меня нет никаких способностей?»

— Нечего отчаиваться,— сказал ТУТ-КАК-ТУТ.— Тебе тоже было бы трудно после шестого урока взяться за книгу. А ребята твои совсем малыши. После школьного дня они устают. Лучше пойди с ними на улицу, поиграй, побегай, построй снежную крепость. И в морской бой поиграй, если им так хочется. Вот увидишь, им не будет с тобой скучно. Потом можно и книжку почитать...

И вдруг глаза-тарелочки ТУТ-КАК-ТУТа начали быстро-быстро вращаться. А это, как известно, означало, что ТУТ-КАК-ТУТ чем-то недоволен.

— Ира Румянцева из Ленинграда,— голос ТУТ-КАК-ТУТа уже не был похож на перезвон колокольчиков,— мне очень не понравилось твое письмо. Вот послушайте:

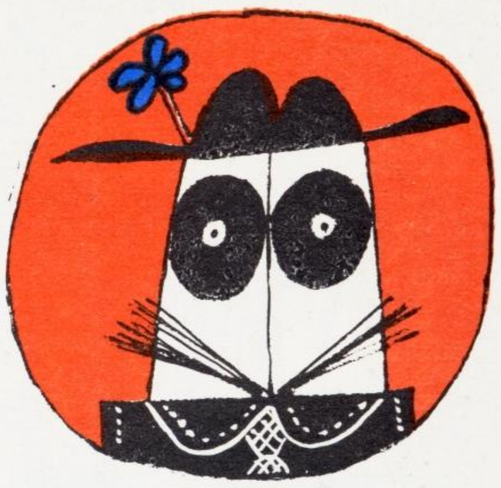
«Моя одноклассница Надя живет только для себя. Ничем она не интересуется. Пионерские дела ее не увлекают. А я член совета дружины школы. Надя не занимается ни в каком кружке, а я уже три года занимаюсь в студии при Доме культуры. Напечатайте это письмо в журнале, может быть, Надя поймет, что она неправа».

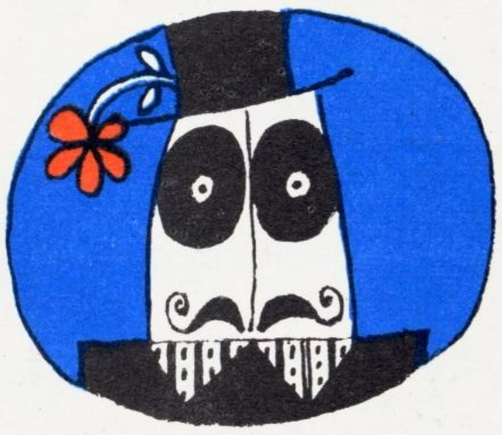
— Ни одно письмо меня не расстроило так, как это,— сказал ТУТ-КАК-ТУТ.— Я бы никогда не стал жаловаться на своего одноклассника. Помочь—другое дело. Тем более, если я член совета дружины и уже три года занимаюсь в студии. Ябеда, даже когда жалуется, чтобы помочь, все равно остается ябедой.

А вы как думаете? — ТУТ-КАК-ТУТ повернулся на каблуке и... исчез. А на нашем столе остались его ответы на письма ребят. И мы отправили их вам. Получили?

Сегодня лекцию читает академик А. А. Колмогоров.

«Мы тоже юбиляры»

А. ОРЛОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Десять лет назад не было на свете той удивительной школы, где учатся эти ребята.

Ученые-математики МГУ только готовились тогда к ее открытию. А эти мальчишки и девчонки из городов и сел Белоруссии, Брянской, Воронежской и других областей РСФСР и не подозревали, что скоро будут учиться в Москве, слушать лекции наших лучших математиков.

За десять лет сотни ребят окончили ФМШ, поступили в МГУ и другие вузы страны, шестеро защитили кандидатские диссертации, а один — даже докторскую.

Для многих школьников из маленьких городов и сел путь в большую науку стал быстрее и короче благодаря ФМШ.

Об этом и мечтали ученые МГУ и бессменный руководитель ФМШ академик Андрей Николаевич Колмогоров (интернат так и называют «Колмогоровским»)

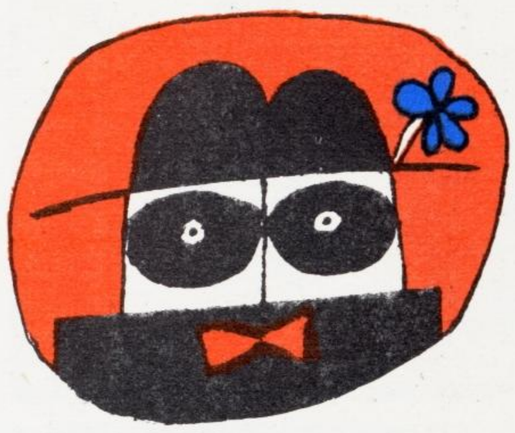
Андрей Николаевич рассказал нашему корреспонденту о школе-интернате и в заключение добавил:

— **Поздравляю читателей «Пионера» с пятидесятилетием журнала. Собираюсь написать статью для вас. Но сейчас занят срочной работой.**

Мы в свою очередь поздравляем фэмэшат и их учителей с юбилеем! Надеемся, что кое-кто из наших сегодняшних «лягушат» поступит в ФМШ (хотя это и очень нелегко) и два (или даже три!) незабываемых года проживет по адресу: Москва, Кременчугская ул., 29, физико-математическая школа-интернат № 18 при МГУ.

Спешите — март на дворе!

К письменному экзамену в школу-интернат (экзамен проходит одновременно с областными олимпиадами в марте в областных городах) допускаются все желающие. Нужна только рекомендация учителя математики или физики. Принимают семиклассников, восьмиклассников и девятиклассников.

Несколько задач предлагают вам сегодняшние фэмэшата.

1. Найдите сумму всех трехзначных чисел, все цифры которых нечетны.

2. Подберите четыре гири по весу так, чтобы ими можно было отмерить на рычажных весах любое целое число килограммов от 1 до 40. Гири можно класть на обе чашки.

3. У какого прямоугольника периметр численно равен площади, а стороны выражены целыми числами?

Вот они, какие фэмэшата!

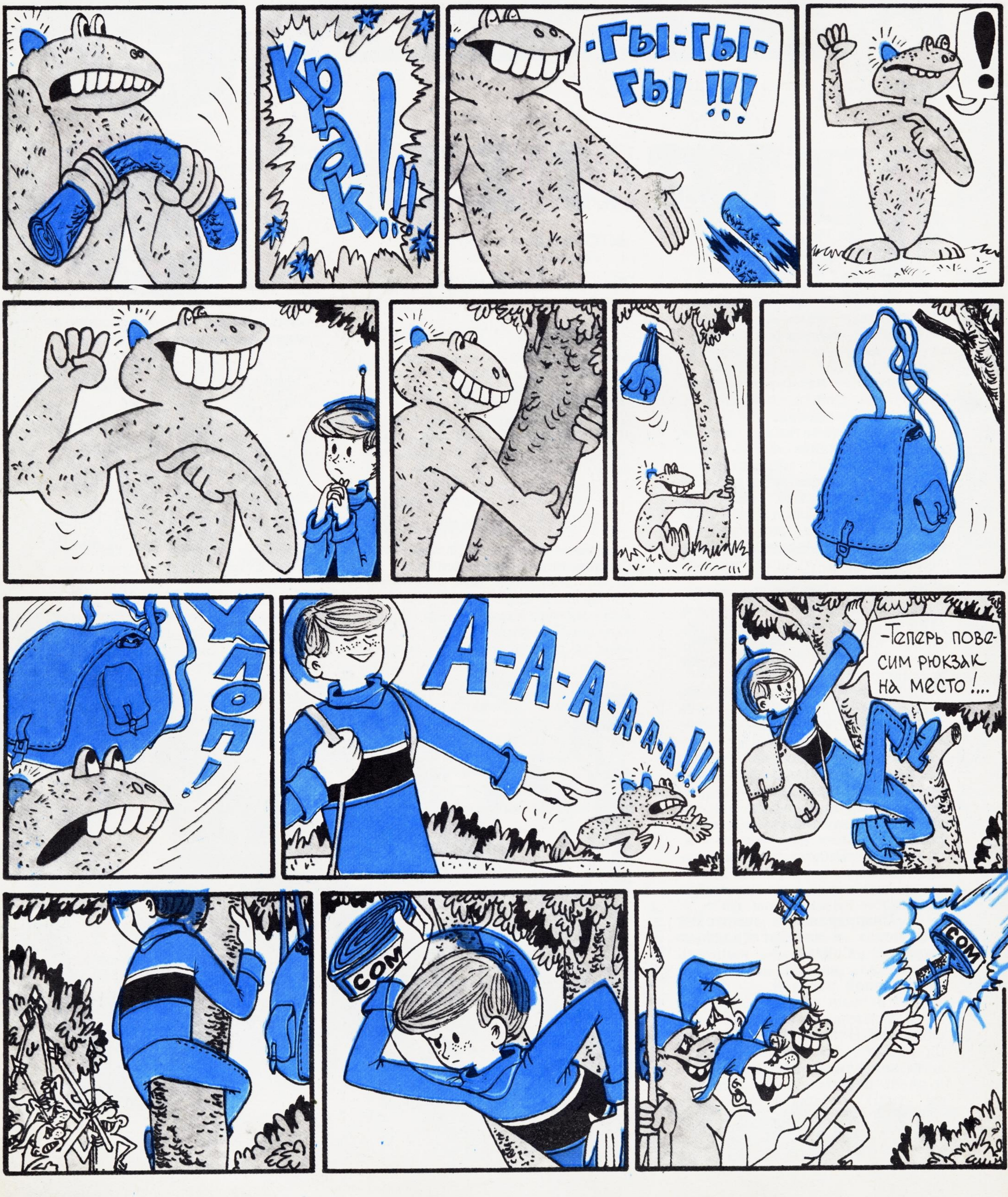

Фотографии В. ЛАПКИНА.

Планета чудес

Е. ШАБЕЛЬНИК

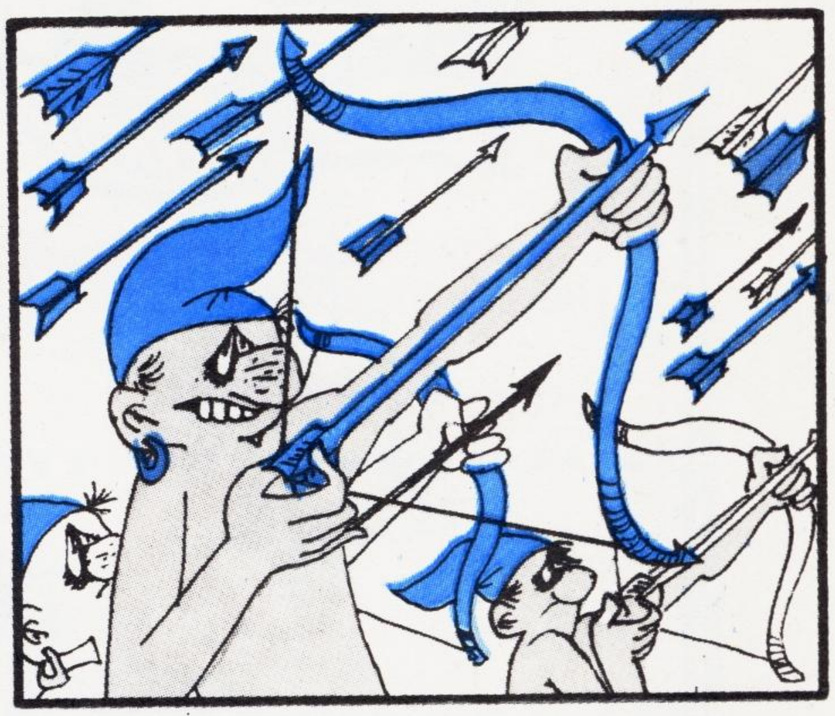

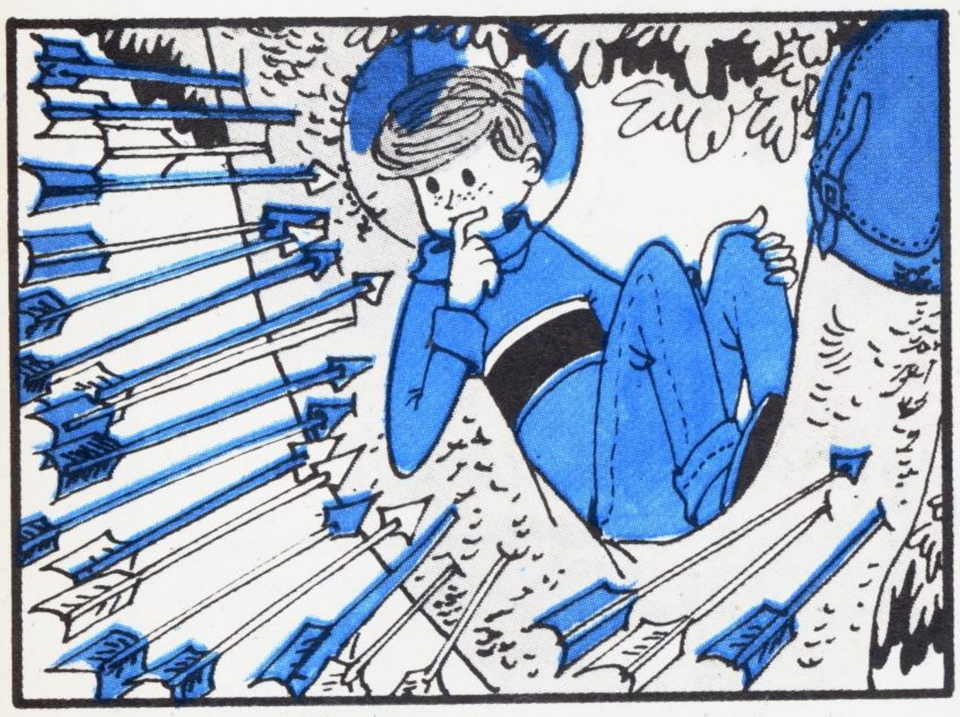

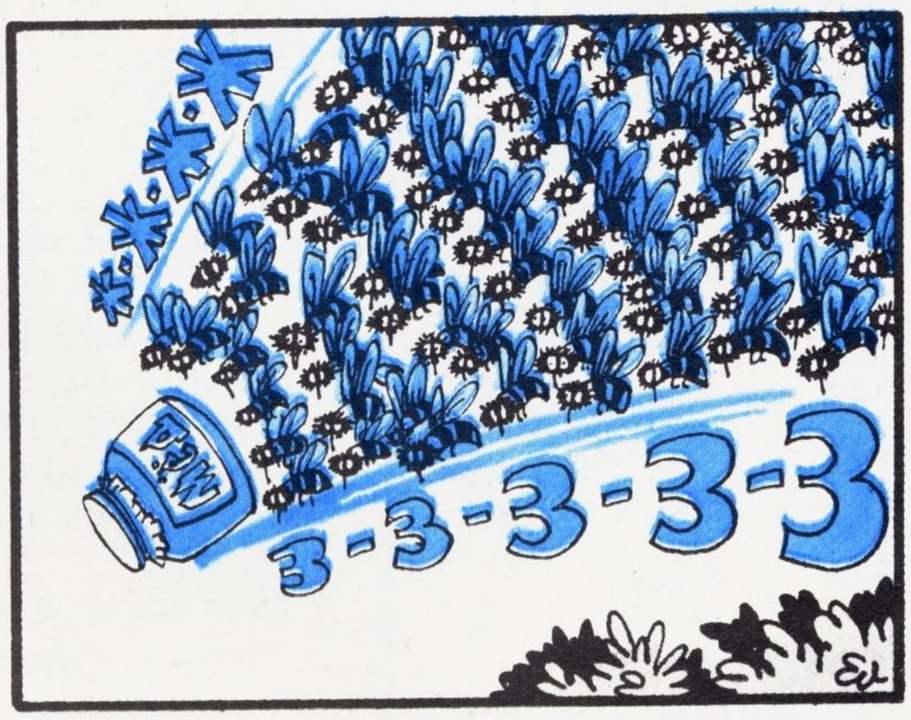

Продолжение в следующем номере.

Игры Лупы и Пинцета

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ОТЫЩИ, КАКОЙ ТРОПОЙ СЛОН ИДЕТ НА ВОДОПОЙ!

На рисунке, в клетках, вы видите восемь марок:
1. Верхняя Вольта.
2. Дагомея.
3. Нигерия.
7. Чад.
10. Ливия.
9. Алжир.
8. Нигер.
5. Мали.

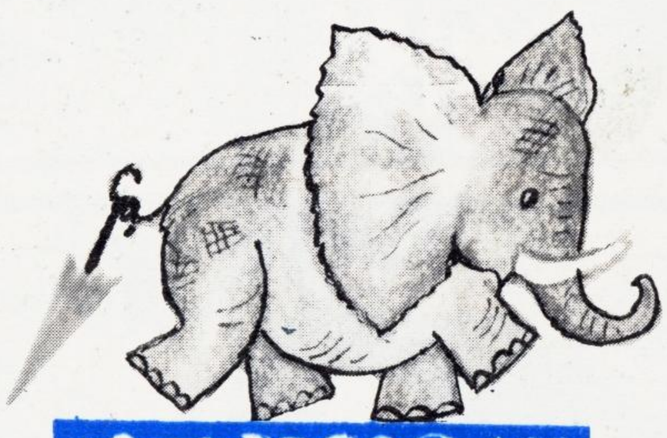
Слон из Верхней Вольты пошел на водопой, который находится в квадрате седьмом.

Нарежьте кусочки картона, напишите на них названия стран. Это будут ваши «марки». Вам разрешается передвигать их из одного квадрата в другой, но так, чтобы страна, выпустившая перемещенную вами «марку», граничила бы со странами, выпустившими ее новых соседей (или совсем не имела бы соседей).

Подумайте, как передвинуть марки, чтобы слон добрался до водопоя.

Эта задача решается в 30 ходов. Первые 5—6 ходов самые трудные. Потом все будет проще. Желаем успеха!

Лупа и Пинцет.

Запомните правила этой игры. Если она вам понравится, мы придумаем для вас еще несколько таких игр.

Лупа и Пинцет

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

Запасись ключом

Слова на ключе должны быть такие: закон, дно, драка, врун, взор, око, укол.

Кто играет в прятки

Играют в прятки слова: овца, окно, тигр, ночь, сова, аист.

Игры Лупы и Пинцета

Рыжий тигренок спал на белой циновке; зеленый — на красной; белый — на зеленой; красный — на черной; черный — на рыжей.

Капитан Перо ищет помощника.

Квадратик написал: «В пятницу поединок».

Уха у петуха

У петуха ухи на всех не хватило. К нему пришли 14 гостей, а ухи было всего 12 тарелок.

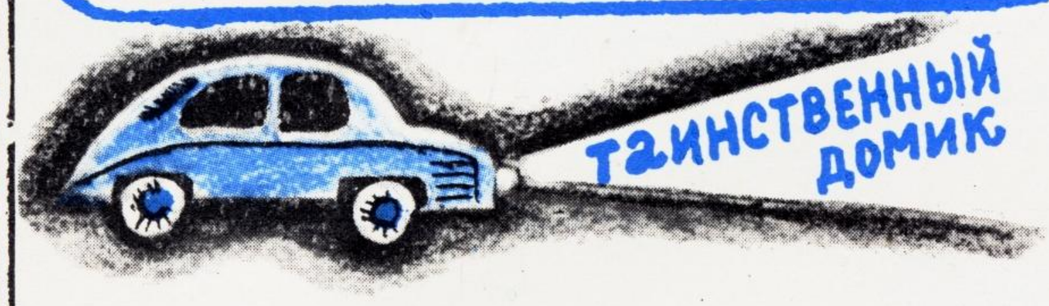
БЕДА

Вот беда, беда, беда!
Из трубы бежит вода!
Не течет, а бьет струей!!!
Мастера позвали,
Подскажи ему, какой
Кран закрыть в подвале?

Живживка

Капитан Перо-86 ищет помощника

Карандаши опять начали обижать Резинок. Вот что однажды рассказала мне Круглая Резинка:

«Карандаши схватили меня на западной окраине города, завязали мне глаза, посадили в машину и повезли. В пути повязка сползла с моих глаз, и я увидела на обочине шоссе столб и на нем какое-то двузначное число. Час спустя я снова увидела столб, но те же самые цифры стояли на нем в обратном порядке, а еще через час машина остановилась у такого же столба. На нем были те же самые цифры, но между ними был нуль.

Карандаши повели меня в лес. Мы долго шли по тропинке, пока не пришли к домику. Меня заперли в домике и уехали. С большим трудом мне удалось выбраться из домика и бежать. Два дня я бродила по лесу, и если бы не туристы — Авторучки, я бы, наверно, погибла».

— Вы не помните, какие цифры были на столбах? — спросил я Резинку.

— Нет, я очень плохо запоминаю числа,— ответила она,— я даже не запомнила, с какой скоростью мы ехали. Карандаши все время торопили водителя машины, а он, оправдываясь, несколько раз называл скорость, с которой мы ехали, доказывая, что ехать быстрее опасно.

— Скорость все время не менялась?

— Нет.

В таком случае я попробую рассчитать, какое число было на том столбе, у которого остановилась машина, и где искать тропинку к таинственному лесному домику.

А вы, ребята, не поможете мне в этом?

Игры деда Буквоеда

КТО ЭТО?

Этот воз надел кольчугу
И спешит на помощь другу.

В	И	Т	Я	З	Б

Лозунг этого крота.
«Ловкость, сила, красота!»

А	К	Р	О	Б	А	Т

Эта рифма любит числа
И в стихах не видит смысла.

Р	И	Ф	М	А

Это «ура» от других отличается
Тем, что летит и назад возвращается.

У	Р	А

Эта игра неприятно дымит,
Эта уха на березе сидит.

С	И	Г	А	Р	А	У	Х	А

Эта рука притаилась в реке,
Эта река — на озябшей руке.

Р	А	К	У	Ш	К	А	В	О	Р	Е	К	А

Этот буян никогда не дерется,
Эта овца — на рубашке пасется!

Б	У	Б	Я	Н	П	У	Г	О	В	И	Ц	А

СОДЕРЖАНИЕ

Журналу «Пионер» пятьдесят лет! 1
С днем рождения, «Пионерчик»! — Н. Богданов 2
Мамлакат. — Ю. Крутогоров 4
Мы — ровесники. — С. Баруздин 9
Когда «Пионер» читали ваши мамы и папы. — Н. Ильина 10
Мальчик со шпагой. — Повесть В. Крапивина. Рисунки С. Трофимова и В. Дудкина 12
Весенка-весна. Стихи К. Мухаммади. — Перевела с узбекского З. Туманова 32
Международный пионерский клуб «Товарищ»
Викторина. «Наш друг Польша, наши друзья харцеры». К 30-летию Польской Народной Республики 33
На плоту «муравьеды» и «ручейники». — Ю. Сотник. Рисунки Б. Кыштымова 36
Как копейка сто тысяч рублей сберегла. — Г. Арефьева 41
«Кораблик» 42
Сын охотника. — Рассказ В. Вишнякова. Рисунки П. Багина 44
Ночлег. Речка Яя. В тайге за Томском. Плоты. — Стихи И. Фонякова. Рисунок И. Урманче 51
Электрическое солнце. — Рисунки С. Трофимова 52
Корабли идут к экватору 55
Повесть об отце. — Ю. Калинина. Продолжение. Литературная запись Ю. Капусто. Рисунки В. Дудкина 56
Пионеры будут всегда! — М. Прилежаева 64
Мой давний друг. — А. Алексин 65
Крепкого ветра тебе, «Пионер»! — В. Крапивин 65
Ученье — твой главный труд
Готовимся к уроку. — С. Гуревич 67
Главный энергетик в доме. — И. Голубева. Рисунки А. Борисова . . 70
Всесоюзный штаб Тимура.
Твоя газета. — С. Иванов. Рисунки А. Гришина 72
Ты, я, наш отряд 74
«Мы тоже юбиляры». — А. Орлов. Рисунки Б. Кыштымова. Фотографии В. Лапкина 75
Планета чудес. — Рассказ в рисунках Е. Шабельника 76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки И. Красулина 80

На обложке:
Звенят пионерские шпаги. Рисунок Б. Гуревича к повести В. Крапивина «Мальчик со шпагой».

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Главный редактор
С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. **КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (зам. главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

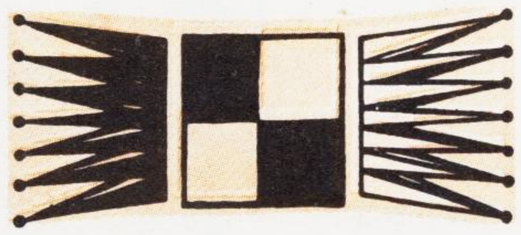
Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Сдано в набор 27/XII 1973 г. А 00724. Подписано к печати 31/I 1974 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 467. Заказ № 1717.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Как-то приехал Пешкин на шахматный турнир в Московский Дворец пионеров. Подошел он к столу, за которым сражались **Таня Надысева** и **Алеша Григорьев,** и его сразу увлекли события, которые стремительно развивались в их партии.

(Диаграмма № 1)

Вот к какому положению пришла эта партия. В таких позициях медлить нельзя. Сейчас ход черных, и Таня начинает решительный штурм.

1... b4—b3! (Черные стремятся вскрыть линии на ферзевом фланге) 2. c2 : b3 Ka6—b4 3. a2—a3 Kb4—a2 + (Еще сильнее было 3... Cf5 и если 4. ab, то 4... a3!) 4. Krc1—b1 a4 : b3 5. Lh1—e1 Cc8—f5+ 6. Cc4—d3 Cf5 : d3 + 7. Ld1 : d3 Le8 : e1+ 8. Kf3 : e1 (Белым удалось вызвать ряд разменов, но наступление черных продолжает оставаться очень опасным) 8... Ch8 — e5 9. Qf4—g4 Qb6—a5 10. Qg4—e6 + Krg8—h8 11. Ld3—e3 (Лучше было сыграть 11. Kf3) 11... Qa5—d2!

Это вторжение ферзя Алеша рассчитывал опровергнуть простым взятием пешки.

12. Le3 : b3, посреди ясного неба нежданно-негаданно грянул гром.

12... Qd2—c1+! 13. Krb1 : a2 La8 : a3+!

Замечательный ход королем, ладьей и пешкой. Белые могут взять дерзкую ладью противника, но любое решение не избавляет их от мата. Пришлось Алеше признать себя побежденным.

Пешкину очень понравилось, как играла Таня. Среди его друзей много хороших шахматистов. Особенно доволен он успехами тринадцатилетней тбилисской школьницы **Майи Чибурданидзе**.

Пешкин советует вам, ребята, разобрать на занятиях вашей школьной секции эту интересную партию. Ее играла белыми Майя с международным мастером **Ольгой Андреевой** из Киева.

1. e2—e4 c7—c5 2. c2—c3 Kg8—f6 3. e4—e5 Kf6—d5 4. d2—d4 c5 : d4 5. c3 : d4 d7 — d6 6. Kg1 — f3 Kb8—c6 7. Kb1—c3 Kd5 : c3 8. b2 : c3 d6 : e5 9. d4—d5 e5—e4 10. Kf3—g5 Kc6—e5 11. Kg5 : e4 Qd8—c7 12. Qd1—d4 Cc8—d7 13. Cc1—a3 f7—f6 14. d5—d6 Qc7—c6 15. d6 : e7 Cf8 : e7 16. Ca3 : e7 Kre8 : e7 17. Qd4—b4 + Kre7—f7 18. f2—f4 Lh8—e8 19. f4 : e5 Le8 : e5 20. 0—0—0 Le5 : e4 21. Ld1 : d7 + Krf7—e8 22. Ld7—e7 +. Черные сдались.

Составьте примечания к этой партии, найдите ошибки, которые привели черных к поражению.

Диаграмма № 1.

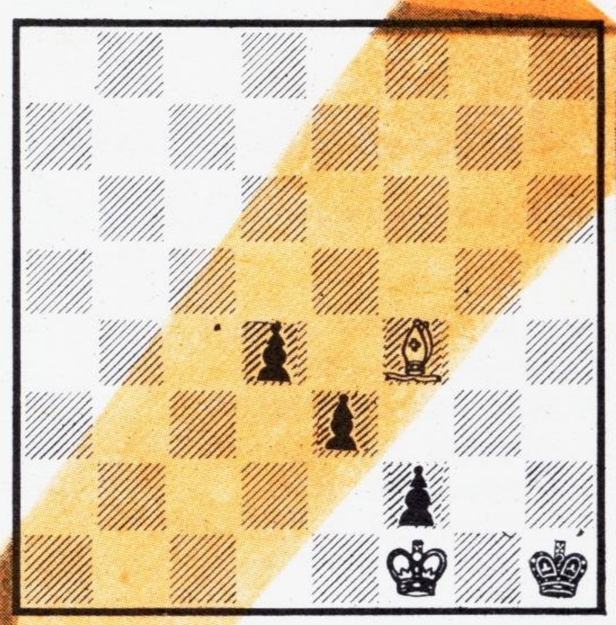

Диаграмма № 2.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Перед вами интересная позиция, в ней белые находят возможность спасения. **(Диаграмма № 2).**

Добиться ничьей здесь не просто: пешки черных уже у финишной черты, они готовы к броску на первую горизонталь. Выжидать белые не могут, если 1. Cf4—g5, то 1... Kph1—h2, и черный король переберется на f3. Как же быть, что делать белым? А они могут добиться ничьей.

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ

«Какую комбинацию называют в шахматах мельницей?»— спрашивает Сережа Безбородов (Вологодская область)

«Мельница» — комбинация, основанная на чередовании шахов и вскрытых шахов. Вот пример «Мельницы».

(Диаграмма № 3)

Белые дают шах на g7. Черному королю приходится отступать на h8. Тогда ладья берет слона d7, а слон b2 дает вскрытый шах королю h8. Когда черные отступят на g8, ладья снова вернется на g7, затем с шахом заберет пешки c7.

«Мельница» заработала. Найдите, как она будет «молоть» фигуры и пешки черных. В положении, которое вы видите на диаграмме, белые легко добиваются победы.

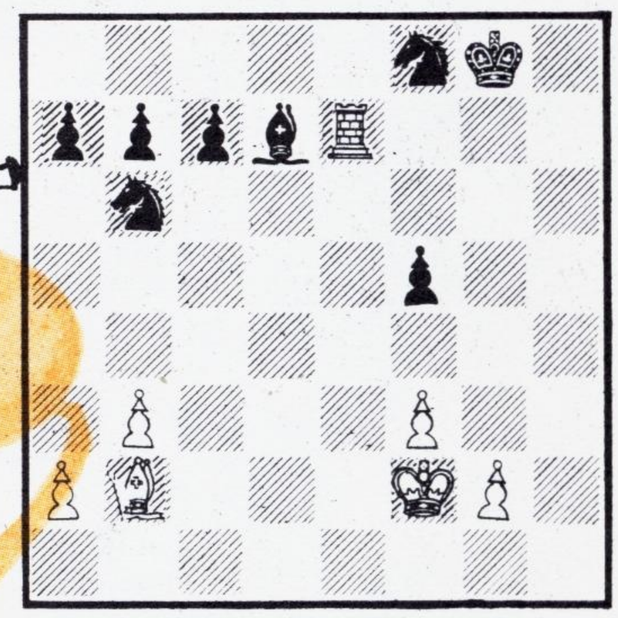

Диаграмма № 3.

Песенка Гавроша

Стихи Ефима ШКЛОВСКОГО.

Музыка Михаила ПРОТАСОВА.

Версаль бросает в дрожь
От вида баррикад.
Я маленький Гаврош,
Коммуны я солдат.
Идет горячий бой
За равенство и братство.
Долой! Долой! Долой!
Долой нужду и рабство!

ПРИПЕВ:

Ты живи с нами, песня баррикад,
Песня смелых и юных.
Ты неси, как в сраженье солдат,
Знамя первой Коммуны.

Я воду подношу,
Патроны и бинты,
Я честью дорожу
И не боюсь беды.
Летит тупой свинец
В живую грудь Монмартра...
Вчера убит отец...
Мы бой продолжим завтра!

ПРИПЕВ.

Зовет родная кровь
На знамени моем.
Мы к Франции любовь
В сердцах своих несем.
Мечте не умереть
От вражеских ударов,
И будет вечно петь
Народ про коммунаров.

ПРИПЕВ.

(ноты напечатаны на стр. 69.).

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.